

ШОТА
РУСТА
ВЕЛИ

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Б.П.

Советская
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Перевод Н. А. Заболоцкого

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. Г. Барамидзе*

«Витязь в тигровой шкуре» — замечательное произведение грузинской средневековой литературы конца XII — начала XIII века. Проникновенный гуманизм, великолепное мастерство в чеканке образов, увлекательный сюжет, изящный и гибкий стих — все эти качества гениального эпоса Шота Руставели обеспечили ему почетное место среди всемирно известных памятников литературы. Поэма печатается в переводе Николая Заболоцкого. Издание сопровождается иллюстрациями художника Серго Кобуладзе.

© Издательство «Советский писатель», 1977 г.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ И МЫСЛИТЕЛЬ

1

Своего наивысшего развития в политическом, экономическом, социальном и культурном отношении древняя Грузия достигла в XII веке — в период царствования Давида Строителя (1089—1125), Георгия III (1156—1184) и особенно Тamar (1184—1213). Страна тогда представляла собой централизованное феодальное государство, густо населенное, богатое и могучее, пользующееся известным военно-политическим влиянием на международной арене. В жизни грузинского народа это была эпоха расцвета ее материальных и духовных сил.

Восхищают величие и красота дошедших до нас от этой эпохи монументальных памятников зодчества, изумительная тонкость и изящество живописи, ювелирного дела, чеканного искусства, художественного ремесла и т. д.

В Грузии того времени был достигнут высокий уровень развития в области науки, общественно-политической и философско-богословской мысли, в значительной степени свободной от церковной догматики и схоластики. Академик Н. Я. Марр писал, что в XI—XII веках грузины интересовались «теми же вопросами, какие занимали передовые умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, с тем отличием от других, например от европейцев, что тогда грузины отзывались раньше других на наиболее новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими подлинниками». ¹

¹ Н. Я. Марр, Иоанн Петрицкий. Грузинский неоплатоник XI—XII веков. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. 19, 1910, с. 130.

Венцом грузинской поэтической культуры XII века, ее и по сей день непревзойденной вершиной является знаменитая поэма Шота Руставели «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»).

«Витязь в тигровой шкуре» состоит из трех частей: пролога, собственно поэмы и эпилога.

Пролог, имеющий особое значение для разъяснения ряда важных вопросов, поднятых в поэме, — лучшая часть творения Руставели. «Здесь и по музыкальности, и по сжатости слога, и образности мысли, — писал Н. Я. Марр, — мы находим лучшее, что только вышло из-под пера Шоты». ¹

Согласно традиции того времени, пролог построен по определенным правилам. Вначале прославляется создатель вселенной, божественно-небесная сила, у которой поэт просит содействия и покровительства:

Боже, ты единый создал образ каждого творенья!
Укрепи меня, владыка, сатане на посрамленье!
Дай гореть огнем миджнуром до последнего мгновенья!

Далее автор поэмы почтительно говорит о сильных мира сего — царях-патронах, а в заключение сообщает некоторые сведения о себе, о своем творческом замысле, излагает свои воззрения на поэзию и любовь (миджнуроба).

Архитектоника пролога стройна и последовательна. Он органически связан с повествовательной частью поэмы. В нем в обобщенном, вернее теоретическом, аспекте намечен замысел автора, обретший художественную плоть в самой поэме. Как в увертюре оперы, во вступлении к «Витязю в тигровой шкуре» четко звучит лейтмотив всей поэмы. Будучи блистательной прелюдией к ней, концентрированным выражением ее идей и мотивов, пролог служит ключом к пониманию идей, воплощенных в поэме Руставели, истинным ее украшением.

В седьмой и восьмой строфах вступления автор говорит о себе:

Сел я, Руставели, с пронзенным из-за него (Тариэла)
сердцем...
Я, Руставели, обезумевший от любви, взялся
за подобное дело. ²

¹ Н. Я. Марр, Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре» Шоты из Рустави. — Тексты и разыскания, т. 12, СПб., 1910, с. V.

² Подстрочный перевод.

Руставели как автор произведения дважды назван и в эпилоге «Витязя в тигровой шкуре». Его перу приписывает поэму и вся грузинская литература XV—XVIII вв.

Таким образом, автор «Витязя в тигровой шкуре» — Руставели. Разумеется, исторически правильнее архаическая форма: Руствели — именно так называет себя автор (форма Руставели впервые появляется в конце XVIII века).

Но Руставели — это не имя, не фамилия и даже не псевдоним поэта. Так назывался владетель замка или поместья Рустави. Возможно, что слово Руставели обозначает вообще уроженца Рустави.

В Грузии известно несколько Рустави. Два из них — Рустави, расположенный в Месхетии (по дороге Ахалцихе — Аспиндза на расстоянии двадцати километров от Ахалцихе), и Рустави тбилисский (на территории современного города металлургов) — связывают с именем творца поэмы.

В некоторых литературных источниках и особенно преданиях Руставели называют месхом или джавахом. В эпилоге «Витязя в тигровой шкуре» мы читаем:

Пишу я это, некий месх-стихотворец, по-руствелевски.

Значит, есть основание полагать, что Руставели был по происхождению месхом. Однако автор только что приведенного стиха заявляет, что он пишет по-руствелевски, вслед за Руствели, подобно Руствели или подражая ему. Стало быть, стихотворец-месх — не Руставели, а его подражатель.

Как известно, поэма завершается патетической строфой, из которой следует, что во владениях победивших рыцарей ими установлена счастливая жизнь и истинная социальная справедливость:

Милосердные дела их всюду сыпались, как снег.

Вдов, сирот они кормили, престарелых и калек.

Умирен был в их владеньях недостойный человек

И на пастбище с козю волк не ссорился вовек.

Между тем в эпилоге сообщается о том, что герои «Витязя в тигровой шкуре» закончили свое брренное существование на этом свете.

Очевидно, это высказывание подразумевало не финал «Витязя», а другое произведение, являющееся его продолжением, где действительно рассказывается о старости, болезни и смерти героев. Поэтому месхский стихотворец печально заключает: «Пронеслась их жизнь земная, как ночное сновидение».

В процессе необычайно длительного рукописного бытования поэмы у Руставели появились многочисленные «соавторы», которые

изменяли и дополняли текст произведения. Наиболее одаренным среди них, бесспорно, является «некий месх-стихотворец», живший, надо полагать, на рубеже XV—XVI веков. В рукописи поэма дошла до нас в так называемой пространной редакции (со вставками и дополнениями). Первую удачную попытку очистить творение Руставели от позднейших наслоений сделал Вахтанг VI (1675—1737), опубликовавший «Витязя» в 1712 году в краткой редакции. Эта редакция и положена в основу всех последующих изданий поэмы.

Итак, месхский стихотворец является одаренным представителем руставелевской школы, но не самим Руставели. Кстати, вполне резонно предположить, что и Руставели был месхом. Это тем более вероятно, что, во-первых, в Месхети «Витязь в тигровой шкуре» пользовался широкой популярностью, а, во-вторых, именно там появляется один из первых и весьма талантливых продолжателей этой поэмы. Народное предание также считает Руставели месхом.

Автор «Витязя» носил имя Шота. Об этом свидетельствуют поэтические памятники первой половины XVII века и материалы грузинского Крестового монастыря в Иерусалиме. Имя Шота было широко распространено в Грузии в XII—XIII веках. Интерес вызывает и то обстоятельство, что некий Шота изображен на фреске Мариамциминдской церкви в Квабисхеви, т. е. в Месхети.

Грузинские исторические хроники не упоминают имени Шота Руставели. Почти все данные о поэте и его творении мы черпаем из вступления к поэме.

Как уже отмечалось, Руставели начал свой пролог хвалой творцу мироздания. Далее, переходя к прославлению земных владык, он признается, что берет на себя слишком большую смелость — воспеть льва царицы Тамар, которого украшает оружие храбрых — копье, щит и меч. Слово «лев» употребляется здесь метафорически и означает витязя, богатыря, героя, рыцаря. Разумеется, «львом» Тамар мог быть только ее супруг. В эпилоге он назван уже своим собственным именем — Давид и охарактеризован как воин, устрашающий врагов Грузии на востоке и на западе. Четвертая строфа славит царицу Тамар:

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!

Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.

Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.

Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата.

Почти вся эта строфа метафорична. Пользуясь поэтическими образами, автор пишет, что в ходе работы над поэмой чернилами ему служило озеро черных, как агат, очей Тамар, а пером — ее стройный,

как тростник, высокий, тонкий, гибкий и трепещущий стан. Судя по этим признаниям, Тамар была для Руставели подлинно поэтической фигурой. Автор «Витязя в тигровой шкуре» вдохновлен Тамар, поэма посвящена ей. С нее он лепил прекрасные образы Нестан и Тинатин (особенно Нестан). Так как вместе с Тамар поэт воспевает ее супруга — Давида Сослани, становится совершенно очевидным, что «Витязь в тигровой шкуре» создан в период царствования Тамар и Давида, т. е. между 1189—1207 годами (в 1189 году Тамар сочеталась браком с Давидом Сослани, а в 1207 году Давид скончался).

Смело можно утверждать также, что «Витязь в тигровой шкуре» не мог быть первым произведением Руставели. Об этом говорится в прологе:

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!

Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» написана Руставели в зрелом возрасте, в период, когда его творчество достигло художественного совершенства. Как уже отмечалось, она была создана на грани XII—XIII веков, это дает нам все основания полагать, что дата рождения Руставели приходится на 60-е годы XII века (возможно, даже на конец 60-х или начало 70-х годов). 800-летие Руставели, которое отмечалось в 1966 году, было отсчитано на основе именно этого предположения.

Подробности жизни и деятельности Шота Руставели нам неизвестны. Однако в результате Иерусалимской научной экспедиции 1960 года выявлен важнейший факт из биографии поэта: теперь очевидно, что он был крупным сановником при дворе Тамар, вазиром, мечурчлетухуцеси (государственным казначеем), а значит, лицом, приближенным к Тамар и Давиду Сослани, выдающимся общественным и государственным деятелем. Это обстоятельство проясняет специфический характер пролога «Витязя в тигровой шкуре», делает более понятным содержание ряда исторических реалий. Теперь уже не так трудно увязать отраженную в поэме художественную действительность с исторической.

Спорным представляется довольно распространенное мнение о том, будто поэма «Витязь в тигровой шкуре» и, в частности, ее пролог дают почувствовать читателю интимные переживания Шота Руставели, трагическая, непреодолимая любовь которого к Тамар якобы довела его до безумства.

В прологе Руставели действительно говорит о том, что сходит с ума, умирает ради той, «кому послушны рати»; что она источник его жизни. Однако эти взволнованные слова не следует толковать

столь прямолинейно: языком поэтических гипербола автор передает свое воодушевление, выражает чувство искреннего уважения к своим повелителям — царю и царице Грузии, к прекраснейшей из женщин — Тамар. С глубочайшим почтением говорит поэт о достойном супруге Тамар, славном Давиде Сослани. Патетика Руставели не имеет ничего общего с риторикой придворного поэта. Руставели, как истинный сын своего отечества, не мог искренно не восхищаться человечностью Тамар, ее острым умом, принципиальностью, царственным величием. Поэт был современником, свидетелем и участником невиданного расцвета и успехов родной страны, достигнутых при Тамар. Все это, разумеется, вдохновляло его на создание поэтического шедевра и, естественно, нашло отражение в его поэме.

Некоторые исследователи считают, что основной причиной или хотя бы непосредственным поводом для изгнания поэта из Грузии и тех преследований, которым он будто бы подвергался, была опять-таки трагическая любовь Руставели к Тамар.

Предположения, согласно которым Руставели преследовали и даже изгнали из Грузии, малоубедительны: историческая действительность того времени, высокое общественное положение поэта, занимаемое им до конца его жизни, опровергают эту точку зрения. Иное дело те нападки, которым подвергался Руставели как автор поэмы (что засвидетельствовано сравнительно поздними источниками). Гонения эти — о них речь впереди, — по-видимому, были обусловлены той новой историко-идеологической обстановкой, которая возникла в Грузии с установлением монгольского господства.

Имя Шота Руставели — мечурчлетухуцеси тесно связывается с иерусалимским Крестовым монастырем — одним из блистательных памятников древнегрузинской архитектуры. В одной из рукописных книг этого монастыря сохранилась поминальная запись о Шота-мечурчлетухуцеси. Там же, на одной из монастырских колонн, изображен портрет Шота с подписью: «Руствели», а сверху была приписка: «Расписавшего это Шота да помилует бог. Аминь». Это свидетельствует о том, что фреска была выполнена по заказу Крестового монастыря. На этой картине Руставели выглядит почтенным старцем, с большой белой бородой, одетым в дорогое облачение светского вельможи. Портрет и надпись, несомненно, древнего происхождения, хотя на них заметны следы последующей реставрации.¹

¹ Иерусалимский портрет Руставели одно время считали утерянным. Он был вновь открыт, с возможной точностью скопирован и доставлен в Грузию научной экспедицией, которая находилась в Иерусалиме осенью 1960 года. В экспедицию входили действительные члены АН СССР И. Абашидзе, А. Шанидзе, Г. Церетели.

Монастырь считал необходимым не только изобразить Шота Руставели на одной из колонн, но и узаконить день его поминания скорее всего потому, что поэт оказал большие услуги Крестовому монастырю. Это подтверждается сохранившейся на портрете надписью. Имеются и другие материалы. Крестовый монастырь описал посетивший его в 1757—1758 годах церковный деятель и писатель Тимофей Габашвили, который сообщал: «Крестовый монастырь пришел в ветхость, колонну под сводом обновил и разрисовал Шота Руставели — мечурчлетухуцеси, который сам изображен на ней в виде старца». И тут же на всякий случай клерикал Габашвили добавил порочащие Руставели слова: «Это был автор злых стихов, который научил грузин вместо святости порокам и развратил христиан. А прежде нас невежды толковали его стихи как божественные». ¹ «Невеждой», назвавшим стихи Руставели божественными, был не кто иной, как первый издатель и комментатор «Витязя в тигровой шкуре» Вахтанг VI.

В исторических документах ничего не говорится о конце жизни Шота Руставели. Легенды же рассказывают, что в старости Руставели покинул родину, постригся в монахи, поселился в Крестовом монастыре, там же скончался и был похоронен.

Источником существующих легенд о поселении и смерти Шота Руставели в Иерусалиме, видимо, являются иерусалимский портрет и поминальная запись. Поскольку Шота Руставели был государственным казначеем царицы Тамар, именно он должен был заботиться о зарубежных (и не только зарубежных) памятниках грузинской культуры. Причем для этого вовсе не обязательно было посылать вазира в далекие края для руководства реставрационными работами на месте. Он мог просто переслать необходимые средства из Грузии (как поступил, например, в XVII веке владетельный князь Леван Дадиани). Даже если он и отремонтировал монастырь на собственные средства, то и тогда его личное присутствие в Иерусалиме не было необходимым. Словом, нет ни одного аргумента, который бы бесспорно свидетельствовал о пребывании Руставели в Иерусалиме и его смерти там. Но все же эту версию нельзя совершенно сбрасывать со счета. По традиции того времени, Руставели мог на старости лет постричься в монахи, поселиться в Иерусалиме и там же кончить свою жизнь.

Вернемся, однако, к прологу. Привлекает внимание его девятая строфа, содержащая указание на литературный источник поэмы

¹ Т. Г а б а ш в и л и, Путешествие, Тбилиси, 1956, с. 80 (на груз. яз.).

(«Это персидское сказание, переложенное на речь грузинскую, я нашел и пересказал стихами»). На самом деле это была мнимая ссылка. Руставели в своем произведении пользуется широко распространенным в средневековой мировой литературе приемом сюжетной маскировки, искусственного отчуждения (этот прием применяется и в новые времена). Автор поэмы сознательно переносит ее сюжет на иноземную почву. Необходимость такой маскировки, видимо, была вызвана событиями грузинской действительности, под влиянием которых поэт создавал «Витязя в тигровой шкуре», а также радикальностью его социально-политических и философских воззрений. Объявив источником своей поэмы «персидское сказание», Руставели развертывает повествование на широком географическом фоне (Аравия, Индия, Хатайя и вымышленные страны — Мульгазанзари, Гуланшаро, Каджети). Соответственно некоторых персонажей, в том числе и Нестан-Дареджан, автор именует на чужеземный лад. Но некоторым героям он все же оставил грузинские имена (Тинатин, Таризл). По мнению первого издателя «Витязя в тигровой шкуре», большого знатока творения Руставели — Вахтанга VI, и сюжет, и стих поэмы принадлежат самому ее автору.

2

В строфах пролога декларируются авторские воззрения на поэзию (шаироба) и любовь (миджнуроба). В двенадцатой строфе Руставели говорит:

Поэзия (стихотворство) изначально одна из сфер мудрости,
Божественное (в ней) следует постигать божественно,
внимающим от нее великая польза,
И здесь насладится внимающий ей достойный человек.
Длинная речь сказывается кратко, тем и хороша поэзия.¹

Определяя поэзию как «сферу мудрости», Руставели подчеркивает ее познавательный характер. Хотя поэзия и «божественна», она имеет земное назначение, даруя достойным слушателям и читателям радость эстетического наслаждения.

Руставели разъясняет природу и специфику поэзии. По его мнению, этот вид искусства, ограниченный метрическими рамками стиха, требует экономии слова, краткого, ясного и четкого выражения мыс-

¹ Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Подстрочный перевод с грузинского С. Иорданишвили, Тбилиси, 1966, с. 7.

ли. Согласно поэтике Руставели, стихотворные строки должны украшаться глубокомысленными, выразительными и музыкальными «сладожными словами», «сладозвучным грузинским языком».

Руставели сравнивает творчество с богатырским ристалищем. Боевым вооружением поэту служат просвещенный ум, утонченный вкус, высокая поэтическая техника и глубокая восприимчивость. И горе тому поэту, которому в процессе творчества это оружие откажет. Такой художник никогда не сможет благополучно достигнуть финиша в творческом состязании.

По убеждению Руставели, поэт — рыцарь слова. Для того, кто им стать не может, поэзия — не призвание.

В прологе произведения кратко характеризуются поэты нескольких типов. В те далекие времена (XII век) грузинская поэзия была весьма богатой и разнообразной как по содержанию, так и по жанрам. Предпочтение Руставели отдает эпическим жанрам («Но поэтом не зовут того, кто не способен сложить длинное произведение»). Именно эпическое полотно, реализация большой темы выявляют даровитость и мастерство поэта, его способность преодолевать трудности словотворчества. Ибо разве тот поэт, «кто лишь раз или два случайно рифму сплел», да и то нескладно?

Далее поэт говорит о трех видах любви. Первый — это божественная любовь, «отпрыск высоких родов (понятий)». Признавая ее важнейшей, самой ценной формой любви, которую «трудно выразить, высказать ясным (понятным) языком», Руставели, однако, отдает предпочтение второму виду любви. Ратуя за возвышенную любовь, он все же признается, что воспевает в своем творении лишь земные, человеческие («плотские») чувства. Решительно отвергает поэт третий вид любви — любовь грубо-чувственную, низменную, которая иногда тщится принять облик высокой страсти. Проповедуемая им любовь — не беспредметное духовное горение, а глубоко волнующее человеческое чувство. Руставели идеализирует это чувство, морально и духовно возвышающее и облагораживающее людей, возводящее их на ступень высокого достоинства. Таким образом, в прологе декларируются основы гуманистического мировоззрения Руставели: в центре внимания поэта — свободный человек и свободная любовь, материальный мир, богатая и многогранная действительность.

Уже в прологе Руставели нарисовал тот обобщенный образ идеального влюбленного — миджнура, который обрел художественную плоть в самой поэме:

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,

Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Так непосредственно, естественно и органично пролог смыкается с поэтическим повествованием Руставели.

3

При сравнительно простой фабуле «Витязя в тигровой шкуре» архитектоника поэмы чрезвычайно сложна. Краткое содержание ее можно передать следующим образом.

Амирбар (военачальник Индии) Таризл и дочь индийского царя Нестан-Дареджан горячо полюбили друг друга. Поскольку родители собирались выдать девушку замуж за другого, Таризл, по совету Нестан, убил ее жениха. Царь и амирбар вступают в острый конфликт. Нестан подвергается суровому наказанию (ее отдают двум рабам-неграм, которым поручено увести девушку далеко, в просторы океана). Таризл безуспешно ищет свою возлюбленную. Разочаровавшись, он покидает общество людей и поселяется в пустыне (в пещере). Здесь Таризла находит спаспет (военачальник Аравии) Автандил, влюбленный в царевну своей страны Тинатин. Юноши побратались, и Автандил взял на себя дальнейшие поиски Нестан. Вскоре след ее обнаружился. Солнцеликая Нестан оказалась заточенной в неприступной Каджетской крепости. Таризл с помощью Автандила и третьего побратима — Фридона штурмом берет Каджетскую крепость и освобождает возлюбленную («Спасли луну из пасти дракона»). Победившие витязи возвращаются в родные края, женятся на своих возлюбленных, крепят братский союз и успешно управляют государствами.

Если эти события изложить в той последовательности, в какой они даны в поэме, картина существенно изменится.

Поэма начинается рассказом об Аравии (о царе Ростеване, Тинатин и Автандиле). Пожилой царь этой страны Ростеван, не имея сына-наследника, возводит на престол свою единственную дочь, прекрасную и мудрую Тинатин, питающую любовь к славному полководцу Автандилу, который отвечает ей взаимностью. Однажды во время охоты Ростеван и Автандил заметили на берегу реки чужеземного витязя, объятого скорбью. Царь пожелал познакомиться с ним. Однако все попытки заговорить с витязем оказались тщетными — он бесследно исчез. Ростевана охватило уныние. Тогда Тинатин поручила Автандилу отыскать неизвестного. В результате трехлетних поисков он находит таинственного чужестранца, который поведал Автандилу свою скорбную историю. Автандил обещал по-

мочь витязю. И действительно, ему удалось напасть на след возлюбленной Таризэла. В конце концов побратимы (Таризэл, Автандил и Фридон) спасают плененную каджами Нестан.

В поэме Руставели представлены две сюжетные линии. Локально прикрепленные к двум странам (Индия и Аравия), они тесно переплетаются друг с другом. Повествование «Витязя в тигровой шкуре» едино, цельно и динамично. Сюжетные ситуации поэмы естественно следуют друг за другом. Центральные и периферийные сюжетные узлы крепко связаны между собой. Основное повествование в поэме обогащено органически входящими в него эпизодами (охота, история царя Фридона, купеческая страна Гуланшаро и другие). Эпизоды насыщены большим количеством конкретных деталей и сложных ситуаций, каждая из них с безупречным художественным вкусом и чувством меры вливается в единый поток сюжетного развития.

В качестве примера можно сослаться на один из начальных эпизодов — рассказ об охоте. На пиру после воцарения Тинатин Ростеван неожиданно загрустил. Заметив это, спасет Автандил и вазир Сограт в шутку сказали царю, что он имеет повод для кручины, ибо Тинатин, раздав все богатства, опустошила царскую казну. Царь ответил, что грусть вызвана совсем иной причиной — тем, что он не видит человека, способного заменить его в ратном деле. Тогда Автандил смело предлагает ему состязаться с ним. На состоявшейся вслед за этим большой охоте Автандил превзошел царя, который искренне радовался успехам соперника. Отдыхая под деревом, охотники вдруг увидели сидящего у реки опечаленного витязя-чужестранца. Ростеван пожелал познакомиться с ним.

Рассказ об охоте представляет собой единый, вполне законченный интересный эпизод. Он имеет все необходимые сюжетные компоненты: экспозицию, завязку, кульминацию и развязку. В то же время рассказ об охоте подводит к магистральной линии повествования (истории неизвестного витязя). Как одна из ветвей сюжетной периферии, этот эпизод, помимо описания охоты, важен и обрисовкой характера Автандила, и подробностями сюзеренно-вассальных взаимоотношений. Автор как бы готовит читателя к будущему возвеличению Автандила, почти незаметно внушает мысль о целесообразности его воцарения: в Аравии не будет чувствоваться отсутствие наследника-мужчины — ведь Автандил по своим достоинствам стоит не ниже Ростевана, а кое в чем даже превосходит его. Поэтому-то Автандил окажется желанным зятем для Ростевана. . .

Будучи частным звеном поэмы, эпизод охоты включен автором в ткань повествования для того (и это главное), чтобы Ростеван и Автандил в естественной обстановке встретились с загадочным ви-

тязем (Тарнэлом). Случайно заметив у речки плачущего витязя, они, естественно, заинтересовались им. Тем самым эпизод охоты становится отправным пунктом сюжетного развития. С такой же непосредственностью переплетаются и другие сюжетные линии, эпизоды и отдельные ситуации «Витязя в тигровой шкуре».

Руставели строит действие в быстром темпе, не отклоняясь от основной линии поэмы, хотя поэта и подстерегало немало соблазнов. Показательно в этой связи путешествие Автандила. Отправившись на поиски Тарнэла, Автандил преодолел огромные расстояния, объехал множество стран. За повествованием о Тарнэле следует рассказ о возвращении Автандила в Аравию. Затем снова возвращение в пещеру, беседа с Фридоном, отъезд в Гуланшаро...

Средневековые авторы в подобных случаях, как правило, растягивали рассказ, перегружая основное повествование дополнительными приключенческими эпизодами. Руставели не следует этому правилу. Он придерживается своей собственной системы сюжетостроения, не перегружает его второстепенными ситуациями, не заостряет внимания на мелочах, не снижает темпа действия. Поэт вводит в сюжет только те подробности, которые усиливают к нему интерес, способствуют плавному, естественному течению главного повествования. Так Руставели описывает встречу Автандила с хатавами. Эта встреча была необходима для того, чтобы обнаружить следы Тарнэла. Интересы развития главной линии повествования продиктовали встречу Автандила с караваном: Автандил должен был прибыть в Гуланшаро инкогнито. Поэтому Руставели создает соответствующую ситуацию (спасение каравана от пиратов, переодевание Автандила старейшиной купцов), которая предоставила поэту прекрасную возможность и для характеристики купечества, и для раскрытия таких черт славного героя, о которых читатель до этого не имел понятия.

И в теории, и в творческой практике Руставели является противником перегруженного событиями, растянутого повествования, убежденным сторонником гибкого, лаконичного рассказа. «Витязь в тигровой шкуре» и по сей день остается увлекательной книгой. Появление на сцене неизвестного витязя создает напряженную атмосферу. С этого момента читатель с неослабевающим вниманием следит за его судьбой. Вместе с тем внимание читателя естественно обращается к злоключениям Нестан. Интерес к событиям поэмы еще усиливается благодаря путешествию Автандила, отправившегося на поиски Тарнэла.

Приключения Тарнэла богаты драматическими коллизиями, острыми конфликтами. Бурной экспрессией пронизан, например, конфликт Тарнэла с Фарсаданом, вызывают живое сочувствие пережива-

ния заточения Нестан, возбуждает участие обезумевший от горя и страсти миджнур. Читателя восхищает бескорыстная самоотверженность Автандила. Рассказ о Фридоне обогащает поэму яркими общественно-бытовыми деталями. Сюжетное развитие «Витязя в тигровой шкуре» достигает кульминации в картине штурма Каджетской крепости.

Руставели с редким умением и совершенством последовательно и логично осложняет и обостряет ситуации, поддерживает интерес читателя к дальнейшему ходу событий. Динамичности повествования вовсе не мешают, а, наоборот, подчеркивают ее так называемые статические места (завешания, описания, лирические отступления, афоризмы, поучения и т. п.). Все они мастерски привязаны к сюжету. У Руставели трудно найти стихотворные строки, замедляющие или перегружающие повествование. Как динамические, так и статические элементы композиции «Витязя в тигровой шкуре», гармонически сочетаясь друг с другом, способствуют наиболее убедительному воплощению художественного замысла.

В движении сюжета Руставели раскрывает характеры своих персонажей, показывает их богатый духовный мир. Глубокая психологическая характеристика героев и проникновенное раскрытие внутренней сущности явлений — яркая черта новаторства Руставели, непревзойденного мастера грузинского художественного слова и грузинского стиха. Архитектоника «Витязя в тигровой шкуре» так же безупречна в целом, как совершенно каждое ее отдельное звено.

4

«Витязь в тигровой шкуре» является в первую очередь гимном пламенной и свободной любви. «Любовь возвышает», — заявляет устами своего славного героя великий поэт. Эта возвышающая сила любви — неиссякаемый и животворный источник нравственного благородства Нестан и Тариэла, Тинатин и Автандила. Она придает смысл их жизни и зовет на подвиги. Нестан-Дареджан с самого начала говорит обезумевшему от любви Тариэлу:

Жалкий обморок и слабость — их ли ты зовешь любовью?
Не приятней ли миджнуру слава, купленная кровью?

Любовь, воспетая Руставели, закаляет волю человека, обостряет сознание общественного долга, призывает к патриотической самоотверженности. «Истинная любовь в понимании Руставели, — говорит Н. Заболоцкий, — возвышает человека, одухотворяет его, обогащает высокими моральными качествами, придает силы в борьбе с труд-

ностями жизни». ¹ Любовь сокрушила Каджетскую крепость, она наделила несгибаемой моральной силой Нестан-Дареджан. В необычайно тяжелых условиях эта хрупкая телом, но могучая духом девушка произносит полные глубокой мудрости слова:

Не дожив еще до смерти, кто кончает сам с собою?
Нужен разум человеку, чтобы справиться с бедою.

Заточенная в Каджетскую крепость девушка проявила поразительную твердость рассудка, подавила мучительные страсти и чувства, потребовав от возлюбленного преодолеть нетерпение сердца и поспешить на помощь попавшей в беду родине. Из Каджети Нестан писала своему возлюбленному:

Лучше в Индию, мой витязь, отправляйся ты с полками.
Там беспомощный отец мой окружен теперь врагами.
Ты утешь его, больного, — он скорбит в разлуке с нами.

Любовь в этом произведении не имеет ничего общего ни с восточной суфистической мистикой и эротикой, ни с западноевропейской идеальной рыцарской любовью или так называемым платоническим чувством. Руставели явно отмежевывается от божественной любви, смело признаваясь: «Я воспел лишь плоть земную».

Великий поэт последовательно развивает идею свободного союза мужчины с женщиной, вырастающего из чувства взаимной любви. Описанная в поэме человеческая драма вызвана роковым решением царя Фарсадана выдать свою дочь замуж против ее воли.

Царь Фарсадан и царица не могли не заметить взаимной любви Нестан и Тариэла. Однако они желали выдать Нестан за сына хорезмийского шаха и для утверждения своего решения созвали специальное совещание. На совет был приглашен и Тариэл, поставленный в тяжелое положение. Сердце его обуревали противоречивые чувства. Рыцарский долг преданности, покорности своему воспитателю и патрону призывал пылкого юношу к сдержанности. Страшными были мучения влюбленного. Фарсадан, как видно, не пощадил ни Тариэла, ни родную дочь, не посчитался с невинными чувствами влюбленных. Он руководствовался якобы высшими государственными интересами. Фарсадан так изложил суть дела:

... По божьей воле мы — на склоне наших дней.

Время старости подходит, время бедствий и скорбей.

¹ Н. Заболоцкий, Из речи на декаде грузинского искусства и литературы. — «Деятели русской культуры о Шота Руставели», Тбилиси, 1966, с. 65.

Даровал нам бог царевну, не послал нам сыновей.
Мы ее, как сына, любим и заботимся о ней.

Нынче мы царевну браком сочетать должны законным.
Ей супруг достойный нужен. Где, скажи, найти его нам?
Будет он хранить державу и владеть индийским тронем,
Угрожать стране войною он не даст иноплеменным.

Царь Фарсадан считал совершенно естественным тот обычай, согласно которому женщину не спрашивали, за кого ей следует выходить замуж. В эпоху средневековья повсюду, в том числе и в Грузии, выбором жениха или невесты занимались родители. Брак Нестан с хорезмийским царевичем давал Фарсадану сильного союзника и покровителя, фактического преемника престола и будущего суверенного государя. Какое же значение, спрашивается, должны были иметь при этом личные чувства его дочери или воспитанника?

Ф. Энгельс подчеркивал, что в средние века «для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов: решающую роль должны играть интересы *дома*, а отнюдь не личные желания».¹

«В практике господствующих классов, — писал далее Ф. Энгельс, — с самого начала было неслыханным делом, чтобы взаимная склонность сторон преобладала над всеми другими соображениями».²

Данный эпизод поэмы может служить прекрасной иллюстрацией к приведенным высказываниям Ф. Энгельса. Руставели отвергает типично средневековую точку зрения на замужество женщины, разоблачая и осуждая ее порочность. Всей художественной логикой своего произведения он доказывает благо добровольного супружества, скрепленного свободной любовью сторон.

Кроткая по природе, нежная Нестан пришла в ярость от бездушия родителей. Она не допустила унижения своего человеческого достоинства, проявила поразительную смелость и упорство — не только не подчинилась решению родителей, но и открыто взбунтовалась, посоветовав возлюбленному убить его чужеземного соперника и, в случае необходимости, взять в свои руки власть («Я и ты сядем владыками», — наставляла она возлюбленного). Разумеется, это не было бы узурпацией власти. Дело в том, что в свое время Фарсадан

¹ Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, М., 1961, с. 80—81.

² Там же, с. 81.

усыновил Тариэла, объявив его наследником престола, и воспитал при дворе для управления царством. Индийский престол по праву принадлежал либо Нестан (как родной дочери царя), либо Тариэлу (как усыновленному царем юноше, специально воспитанному для управления государством). Предложив престол Индии чужестранцу, сыну хорезмийского шаха, царь-родитель поступил бездушно и несправедливо. Его поведение вызвало возмущение миролюбивой по натуре, скромной, покорной и любящей родителей дочери.

Совсем иначе поступил в аналогичном случае царь Ростеван. У него также не было сына-наследника. Однако он заблаговременно возвел на престол свою единственную дочь Тинатин. Вазиры одобрили выбор царя и присовокупили:

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.

Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.

Не напрасно лик царицы светит миру, как денница:

Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица.

В Аравии взошла на престол женщина (дочь царя). Впоследствии, когда Ростеван узнал о взаимной склонности Тинатин и Автандила, он обрадовался и благословил их брак. Однако престарелый царь сразу же твердо оговорил фактическую и правовую сторону дела. Он заявил:

Мне не найти зятя лучше, чем Автандил,

Сам я отдал царство дочери моей, она ип владеет,

оно ей под стать.¹

Следовательно, и после замужества Тинатин оставалась законной владычицей страны и продолжательницей царского рода. Супруг женщины-государыни стал ее помощником, ближайшим советником и соправителем. Ростеван собрал вельмож, представил им своего зятя и возвестил собравшимся:

Вот ваш царь. По воле божьей он царит в моей твердыне.

Подтекст анализируемых эпизодов и их политический смысл совершенно ясны для нас: в них восточно-азиатски отразилась конкретная историческая действительность Грузии XII столетия.

Как известно, в период царствования Георгия III (1156—1184), у которого не было наследника-сына, возникла угроза династического кризиса. Георгий нашел выход: он возвел на престол в качестве соправительницы свою дочь Тамар. Это обстоятельство вызвало

¹ Подстрочный перевод.

недовольство у части знати, побудив ее к феодально-династической борьбе. Особенно осложнилось положение молодой царицы после смерти отца. Участились заговоры и восстания, направленные против Тамар. Вначале ее принудили к замужеству с чужестранцем. Когда же Тамар отвергла нелюбимого мужа, влиятельные феодальные круги избрали его своим главарем, объединились под его знаменем и поставили страну перед страшной опасностью, которую удалось ликвидировать благодаря самоотверженности передовых сил страны и политической проницательности царицы.

Воцарение женщины являлось острой социально-политической проблемой в жизни тогдашней Грузии. После смелого шага Георгия III «борьба не затухла»,¹ она лишь приняла внешне иные формы. Вопрос о правах женщины и женском достоинстве стал одним из основных вопросов грузинской общественной мысли и литературы. Не случайно на него откликнулись, с одной стороны, церковный писатель Николоз Гулаберидзе, а с другой — гений светской поэзии Шота Руставели. Для того чтобы обосновать права Тамар, Николоз Гулаберидзе привлек предание о святой Нине — просветительнице Грузии. По рассказу Гулаберидзе, господь направил ее в Грузию для распространения христианства, продемонстрировав тем самым свое особое уважение к достоинствам женщины. Отсюда вытекал логический вывод: если сам господь избрал в качестве просветительницы Грузии женщину, нет ничего удивительного в том, что в этой стране у кормила государственной власти выдающаяся представительница женского пола. Опираясь на эту легенду, Гулаберидзе прославляет женское достоинство и окольным путем аргументирует правомочность царствования Тамар.

Всей силой художественного слова Руставели решительно выступил в защиту законности и разумности воцарения женщины. Совершенно справедливо выдающийся историк академик И. Джавахишвили отмечает, что в сочинении Шота Руставели нашла достаточно ясное отражение тогдашняя политическая ситуация Грузии, и в частности — перипетии личной жизни Тамар.

Доказывая правомерность царствования женщины, Руставели предлагает свою поэтическую формулу: «Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица». Этим афоризмом поэт утверждает равноправие царевны с царевичем.

Но Руставели отнюдь не удовлетворился мудрым афоризмом и описанием воцарения Тинатин. Он создал бессмертный образ высоко-

¹ И. Джавахишвили, Вопросы языка и истории грузинской литературы, Тбилиси, 1956, с. 17 (на груз. яз.).

нравственной и умной женщины-государыни — Нестан. Если воцарение Тинатин прошло безболезненно, то Фарсадан не пожелал отдать престол дочери, намереваясь возвести на него чужестранца. Это обстоятельство и обусловило трагедию главных героев «Витязя в тигровой шкуре». Руководствуясь тонким художественным расчетом, Руставели сопоставил друг с другом арабийские и индийские события государственного значения. Более того, поэт противопоставил друг другу Ростевана и Фарсадана, встав целиком на сторону первого. Руставели поэтически доказал читателю разумность поступка Ростевана, прославил его мудрость, человечность и благородство.

Как показывает поэт, Нестан по своим моральным и умственным качествам также была вполне достойна занять царский трон. Однако Фарсадан не проявил ни государственного ума в решении вопроса о преемнике престола, ни простого человеческого великодушия, ни родительской доброты. Во весь свой могучий поэтический голос Руставели осудил насильственное отношение к чувствам женщины.

Обе героини «Витязя в тигровой шкуре» — Нестан и Тинатин являются совершенными личностями. Они властвуют над своими желаниями, не отделяют чувства от разума, ставят государственные интересы страны выше личных. Следует отметить, что среди женских персонажей в поэме Руставели выведены не только дочери царей, но и представительницы сравнительно низкой социальной среды. Особенно выделяется из них обаятельный образ безупречно чистой и бесконечно преданной Асмаг.

Своей поэмой Руставели провозгласил, что женщина интеллектуально и морально равноправна с мужчиной. История мировой литературы средних веков, пожалуй, не знает женского художественного образа, подобного образу мудрой, любящей и высоконравственной Нестан, являющейся в свою очередь поэтическим воплощением Тамар (в посвященной ей строфе пролога поэт говорит: «Ниже вновь ее я песней славословлю сокровенно»). Так Руставели ответил на вопрос, волновавший Грузию XII века, так естественно и ясно отразилась в «Витязе в тигровой шкуре» характерная картина исторической действительности тогдашней Грузии.

Нельзя забывать, что уважение к женщине имеет богатые традиции в Грузии. Грузинское народное творчество всегда воспевало высоконравственную, преданную родине и семье женщину. Грузинская литература еще в V веке прославила царицу Шушаник — негнбаемую женщину-героиню. Шушаник считала несправедливым унижающее женщину положение в семье и в обществе. Она мечтала о

мире, где не было бы правового неравенства между мужчиной и женщиной. Не удивительно, что в условиях той эпохи осуществление этой мечты представлялось Шушаник возможным лишь в потусторонней, загробной жизни. Анонимный грузинский писатель IX века сравнивал просветительницу Нину с львицей. А Георгий Мерчуле (X век) оставил нам целую галерею женских образов, наделенных глубиной чувств, самостоятельностью характера, большой силой воли. И это не удивительно, так как в гражданской и политической жизни древней Грузии женщины играли активную роль.

Шота Руставели опирался и на эту историческую традицию уважения к женщине.

5

Торжество любви, описанное в «Витязе в тигровой шкуре», было бы невозможно без дружеской поддержки и братской преданности. Гуманная идея дружбы и взаимопомощи передана Руставели в одном из блестящих афоризмов:

Верный друг, спеша на помощь, не дрожит перед напастью,
Посвятит он сердце сердцу, ведь любовь — дорога к счастью.

Согласно Руставели, «кто друзей себе не ищет, тот враждует сам с собою». Дружба сама по себе подразумевает в ряде случаев отказ от личных интересов, принесение их в жертву ради блага друга. Именно дружба, побратимство лежат в основе рыцарской самоотверженности. «Верный друг не бросит друга, если он попал в беду» — такова дружба Таризла с Автандилом. Со всей щедростью своего таланта Руставели нарисовал образ третьего побратима — Фридона. Дружба, воспетая в «Витязе в тигровой шкуре», служит прежде всего возвеличению любви, которая усиливает и укрепляет братские чувства. Поразительная самоотверженность, проявленная Автандилом ради Таризла, обусловлена и тем, что сам Автандил охвачен пламенем любви. На первый же вопрос, заданный при встрече с Таризлом: «Кто ты сам? Откуда родом?» — Автандил признается незнакомцу:

Я сюда к тебе приехал из Аравии счастливой.

Жжет меня огонь любовный, пламя страсти молчаливой.

Поистине братскую помощь оказал Фридону обезумевший от любви Таризл. Впавший в тяжкую душевную депрессию, вызванную похищением возлюбленной, витязь как бы очнулся и снова вернулся к жизни, узнав о несправедливости к собрату и об опасности, грозящей ему. Таризл рассказал Фридону о своих злоключениях,

ибо признал его товарищем по несчастью. Разумеется, и Фридон не остался в долгу, многое сделав для освобождения Нестан.

Величие «Витязя в тигровой шкуре» состоит и в том, что воспетое в поэме побратимство не ограничивается рамками индивидуальных взаимоотношений людей. Братство героев Руставели естественно персрастает в идею дружбы народов. Как известно, Таризл был индийцем, Автандил — арабом, а Фридон — мультгазанзарийцем (представителем вымышленного народа). Таризл — выразитель лучших доблестей и чувств индийского народа. Автандил олицетворяет арабский народ, а Фридон — мультгазанзарийцев. Индивидуальный характер героев поэмы в то же время носит общечеловеческие социальные черты. Несмотря на различное национальное происхождение и на индивидуальные черты характеров, сердца героев «Витязя в тигровой шкуре» бьются в унисон. Все они руководствуются благородными человеческими побуждениями, с одинаковым усердием служат родине, как один самоотверженно борются за торжество справедливости.

Славные витязи, воодушевленные чувством братской солидарности, преодолевают все преграды, побеждают силы зла, восстанавливают справедливость, освобождают Нестан, изгоняют из Индии захватчиков. Герои-побратимы единодушно действуют не только в годину войн и лихолетья. Даже после окончательной победы они продолжают крепить старые связи и дружбу. Герои поэмы и в мирное время поддерживают закаленную в битвах и несчастьях нерушимую основу побратимства, добрососедские отношения. И это помогает им добиваться все новых и новых успехов — усилить свое могущество, ликвидировать внешнюю опасность и установить образцовый внутренний порядок в своих странах.

Впечатляющие картины братства и дружбы, которые так живо нарисовал Шота Руставели еще в XII столетии, перекликаются с нашей современностью; поэтому-то его поэзия так близка и понятна всем народам Советского Союза.

Ясно и наглядно отражает «Витязь в тигровой шкуре» характерный институт грузинской социальной жизни XI—XII веков — систему патрональных, сюзеренно-вассальных отношений. Поэт клеймит феодальную разобщенность и обособленность. Он выступает за единовластие, за существование сплоченной, централизованной государственности. Жизненную силу этих принципов Руставели показывает на примере Индии. Раньше она была разделена на семь царств, шесть из которых принадлежали Фарсадану, а седьмое — отцу Таризла Саридану, который добровольно отказался от власти и принял покровительство царя Фарсадана. Благодаря разумному шагу Сари-

дана Индия объединилась, расширилась и усилилась. На всей ее территории утвердилось единовластие, что способствовало процветанию государства. В период средневековой феодальной разобщенности единовластие и система централизованного управления, как правило, представляли собой прогрессивное явление. Руставели воспевает объединенное, могущественное государство. От начала до конца «Витязь в тигровой шкуре» проникнут патриотическим чувством. Любовь к родине, самоотвержение во имя ее благополучия являются священным долгом идеализированных героев Руставели. Достаточно вспомнить трогательное письмо пленницы Каджетской крепости Нестан, которое она отправила Тариэлу.

В целом письмо Нестан-Дареджан к возлюбленному — ярчайшее поэтическое выражение величия женской души, торжества разума над страстями, вдохновенная исповедь человека, готового на любые подвиги и на любые жертвы во имя светлых идеалов добра, во имя чистой любви.

С большим поэтическим подъемом описаны в «Витязе» славные походы Тариэла против вероломного Рамаза. Горячие патриотические чувства охватили индийцев в тревожные дни столкновения между царем Фарсаданом и его амирбаром (Тариэлом). Тариэл и Нестан выше своих личных интересов поставили интересы отечества, интересы государственные. Они гневно выступили против ущемления суверенных государственных прав родной страны. «Нет, не должно чужестранцу в Индостане утвердиться», — говорит Нестан и убежденно продолжает: «Наша Индия вовеки не достанется врагам», имея в виду хорезмийцев (в поэме хорезмиец отождествлен с персом).

Руставели внушает своим читателям чувство безграничной любви к родине и безграничной ненависти к ее врагам.

Политическим идеалом Руставели является единое государство во главе с просвещенным и гуманным царем. Поэт осуждает феодальные распри и сепаратистские устремления вассальных царьков и владетельных князей, он стоит за полную централизацию власти, некоторым образом ограниченную советом мудрых государственных (феодальных) мужей. Однако и от самих владык поэт требует справедливости и благоразумия. Устами учтивого витязя Тариэла Руставели напоминает царю Фарсадану:

Но царям, владыкам нашим, правый суд творить пристало.

Определенный интерес вызывает финал «Витязя в тигровой шкуре». Обезвредив внешних врагов и установив внутренний порядок в своих владениях, руставелевские герои как будто уничтожили всякое насилие и бесправие, положив конец гнету и бедствиям людей.

В государствах Таризла, Автандила и Фридона была искоренена любая форма эксплуатации, как будто осуществились идеалы полной свободы и социально-имущественного равноправия:

И на пастбище с козю волк не ссорился вовек.

В этом поэтически-фантастическом апофеозе Руставели рисует картину всеобщего счастья и благоденствия людей. Разумеется, она носит насквозь утопический характер. Но сама эта утопичность свидетельствует о том, что великого поэта не удовлетворял современный ему общественный строй, что он мечтал о лучшем будущем. Ему рисовалось то время, когда будет уничтожено господство одного человека над другим, когда все почувствуют себя свободными, смогут одинаково пользоваться благами природы, жить счастливо на этом свете. Эта мечта Руставели — свидетельство поразительной глубины и мудрости дум и чаяний грузинского поэта-гуманиста XII века. Знаменательно, что примерно такую же утопическую картину социальной жизни рисует старший современник Руставели, великий персоязычный азербайджанский поэт Низами в поэме «Искандер-наме».

6

Бесспорную склонность проявляет Руставели к христианскому религиозному мышлению. В его поэме определенно чувствуется воздействие так называемого ареопагитского учения. В начальных строках к главе «Таризл возвращается к пещере и видит свои сокровища» читаем:

Мудрый Дивнос человека учит тайне сокровенной:
«Нам добро ниспосылает, а не зло творец вселенной.
Он добру отводит вечность, злу дает он срок мгновенный.
Он стремится к совершенству, сам от века совершенный».

Мудрый Дивнос — Дионисий (точнее, псевдо-Дионисий) Ареопагит, христианский мыслитель V века, которому приписывается так называемый ареопагитский корпус, оказавший огромное влияние на средневековую философию. Дионисиевская идея об абсолютности и вечности добра и ирреальности, безвременности зла с исключительной точностью отражена в цитированной строфе Руставели.¹ Однако

¹ По мнению Ш. И. Нуцубидзе (1888—1969) и бельгийского ученого Эрнеста Хонигмана (1892—1954), под именем Дионисия Ареопагита скрывался сирийский деятель V века, грузин по происхождению, Петр Ивер (Грузин). Интересно отметить, что к подобному мнению пришли грузинский и бельгийский ученые независимо друг

религиозные воззрения Руставели не вмещаются в догматические рамки христианского православия. Поэт избегает показывать обрядовые стороны религии, ни разу прямо не упоминает Христа, апостолов и святых. Руставели порицает фаталистическое смирение и созерцательность. Его любимые персонажи выражают воинственность, героический дух, активное начало. Поэтому-то они и смогли сокрушить Каджети (символ земного мрака и зла) и утвердить торжество справедливости и добра:

Встало солнце над землею, бездна мрака просветлела,
Зло убито доброю, доброте же нет предела.

В противовес христианскому учению, Руставели считает, что земная жизнь — высшее благо. Руставели воспекает героическую, общественно-полезную, прекрасную жизнь человека, резко осуждая в то же время жизнь «позорную и постыдную». Поэт с мудрым спокойствием расценивает смерть как жестокое, но непреодолимо закономерное явление природы. Именно это обстоятельство стало источником проникнутого мужественным, оптимистическим настроением известного руставелевского афоризма:

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов — всех возьмет без промедленья.
И детей, и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье.

По мысли Руставели, арена жизни — это поприще для испытания человека, его физических и духовных сил. Только мужественно преодолевая препятствия на тернистом, полном опасностей жизненном пути, он может завоевать достойную его участь. Кто способен выдержать испытания, перебороть их, только тот и сможет насладиться жизнью, только тот вправе вкушать сладостные плоды победы:

Только тот оценит радость, кто печаль переживет!..

... Только тот оценит радость, кто познает огорченья.

Благородство, прямодушие, смелость и отвагу Руставели противопоставляет вероломству и предательству:

Да погибнет вероломный, умирая под копьем!

от друга (см.: Ш. И. Нуцубидзе, Тайна псевдо-Дионисия Арсепита, Тбилиси, 1942; Э. Хонигман, Петр Ивер и сочинения пс.-Дионисия Арсепита. Перевод с французского со вступительной статьей проф. Ш. И. Нуцубидзе, Тбилиси, 1955). Вывод Нуцубидзе — Хонигмана разделяют многие зарубежные и отечественные специалисты.

Поэту особенно ненавистны внутренние враги, скрывающиеся под личиной благожелательства и дружбы свои коварные, гнусные замыслы:

Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом.

Руставели бичует, поносит всех тех, кто нарушает слово клятвы, изменяет родине и другу, кто хвастливой бравадой и шумихой прикрывает свое ничтожество, свою бездеятельность. Устами Автандила поэт клеймит презрением малодушие и трусость. Воина, витязя, всякого мужчину, дорожащего своим достоинством, украшают смелость, дерзновение, отвага и мужество:

Муж не должен убиваться в столкновении с судьбою.

Муж в беде стоять обязан неприступною стеною.

Руставелевский герой, самоотверженно-стойкий и беспощадный в борьбе с врагами, являет собой образец добросердечия, великодушия, вежливости, он — покровитель и защитник слабых, немощных, неимущих и угнетенных.

Любимые персонажи Руставели — люди совершенного характера. Поэт, конечно, преувеличивает их достоинства, идеализирует витязей и их избранниц. Но, черпая творческий материал из реальной современной ему жизни, Руставели щедро наделил своих героев лучшими чертами, свойственными грузинскому народу. Подобная гиперблизация совершенно закономерна в эпико-романтическом произведении средневековья.

Руставели создал изумительные художественные образы живых людей, поведение которых не предопределяется ни божественным провидением, ни роком. Поступки героев поэмы обусловлены их свободной волей. Некоторые из них повинуются голосу сердца (например, Тариэл), другие персонажи больше руководствуются разумом (например, Автандил), однако первопричина их поступков и самого действия — собственная воля героев. Н. Заболоцкий правильно подметил, что идеализированные герои Руставели иногда как будто оправдывают довольно предосудительные поступки (например, убийства хорезмийского царевича и чачнагира). Но, как трезвый поэт-мыслитель, Руставели «отказался от прямолинейной проповеди своей жизнеутверждающей правды... Более того, и положительных своих героев он не побоялся представить во всей противоречивости их поведения».¹

¹ Н. Заболоцкий, Из речи на декаде грузинского искусства и литературы. — «Деятели русской культуры о Шота Руставели». Тбилиси, 1963, с. 67.

Значительное место уделяется в «Витязе в тигровой шкуре» описанию быта и нравов торгово-купеческого общества. К словословию купцов Руставели относится явно отрицательно. В купеческой стране Гуланшаро место Тариэла и Автандила занимает купец Усен, ариф, т. е. ближний приятель и советник царя. Это предприимчивый, ловкий в торговых делах, но морально падший человек. Физическое уродство является как бы отражением его низменных душевных побуждений. Именно к купцу Усену относятся презрительные слова поэта:

Позабыл свою он клятву — что ему Коран и Мекка!
Не идут рога ослице, хмель не красит человека!

Жене Усена, Фатьме, суждено играть в Гуланшаро весьма важную роль. Руставели к ней великодушно-снисходителен, но в то же время в характеристике, данной ей поэтом, сквозит легкая ирония:

По летам немолодая, но красивая собою,
Смуглолицая хозяйка притворялась молодою.
По душе ей были пляски, а не то и пир горою.
Песни, музыка, наряды не давали ей покоя.

Фатьма — женщина легкого поведения, увлекающаяся натура. Она поносит мужа за внешнюю непривлекательность:

Надоел мне муж-торговец, неказистый, тощий, вздорный.

Образ Фатьмы художественно правдивый, реалистически полно-кровный. Несмотря на свои пороки, она способна к проявлению и глубокого чувства, и душевной теплоты, свойственных женщине. Она многое сделала для спасения Нестан-Дареджан, рискуя собственной жизнью.

Руставели один из первых в мировой литературе дал колоритную реалистическую, хотя, быть может, и несколько одностороннюю картину купеческой жизни. Люди из купеческой среды в поэме Руставели, как правило, скупы, жадны, корыстолюбивы, падки на подачки, трусливы. Здесь не знают настоящей любви, место ее занимают низменные вожделения и похотливая чувственность, осуждаемые в прологе поэмы.

Живые, индивидуализированные образы Руставели вместе с тем носители характерных, типических черт. Например, хотя Тариэл подчеркнута индивидуализированный образ, он являет собою почти повсеместно распространенный тип вассала-рыцаря. Характер Тариэла отличается от характера Автандила, точно так же как Нестан отличается от Тинатин, Фарсадан — от Ростевана.

В своей поэме Руставели избегает излишней фантастичности, свойственной литературе средневековья. Явно сказочных элементов в «Витязе» очень мало. Собственно сказочными эпизодами являются лишь легенды о дэвах и каджах. Но и каджи представлены у Руставели как живые люди. Даже при описании небывалых событий и фантастических существ Руставели дает своему воображению реалистическую устремленность. Гиперболизируя физическую и моральную силу героев, а также их внешнюю красоту, поэт всегда поверяет свои изображения мерками действительной жизни.

7

Поэтическая речь «Витязя в тигровой шкуре» столь же прекрасна и богата, как замечательно по своей глубине и новизне идейное содержание поэмы. Язык «Витязя в тигровой шкуре», по сути дела, является новым грузинским литературным языком. Он резко отличается от книжно-архаичных языковых норм древнегрузинской церковной письменности и приближается к живой, разговорной народной речи. Вместе с тем язык Руставели настолько близок к современному литературному грузинскому языку, что содержание поэмы и сейчас почти целиком понятно читателям и не нуждается в переводе (за вычетом отдельных слов и выражений, значение которых является предметом спора даже для специалистов). Руставели — великий мастер языка, впитавший все богатства из сокровищницы речи родного народа. Он отточил грузинскую речь, придав ей еще большую гибкость и блеск.

Поэма Руставели написана в величаво-степенном стиле. Поэтическими тропами автор пользуется для ясного, точного и эмоционального изложения своих мыслей. Поэму украшают яркие метафоры и сравнения, неожиданные эпитеты, различные параллелизмы, повторы, аллитерации... Сколько таких истинно художественных жемчужин разбросано по всей поэме щедрой рукой величайшего мастера!

Монументальность руставелевского стиля еще более усиливают многочисленные афоризмы, придающие ему чеканность и красочность. Кратко и живо, порой всего в нескольких словах выражает Руставели глубочайшую мысль, понятную для всех времен и народов.

Поэма написана изящными, гибкими, звучными, музыкально-напевными стихами, известными под названием «шаири». Эти стихи берут начало из полноводной реки богатейшего грузинского народного творчества. Шаири — шестнадцатисложный стих. Для того чтобы избежать монотонности, Руставели максимально использует вариации ритмического строя шаири. Поэт предпочитает два основных вида

шаири — так называемый высокий (4+4+4+4) и низкий (5+3+5+3).

Строфы шаири обоих видов состоят из четырех строк. Высокий шаири преимущественно употребляется при быстром темпе повествования, а низкий шаири более соответствует замедленному темпу. Строки шаири рифмуются друг с другом по схеме: а — а — а — а. Рифмы высокого шаири всегда двухсложные (женские), а низкого — трехсложные (дактилические). Рифмы руставелевских стихов отличаются разнообразием, точностью, звучностью. К сожалению, стихи гениального грузинского поэта теряют в переводе свое неподражаемое очарование.

8

В основе этики и творчества Руставели лежит гуманистическое мировоззрение. Гуманизмом пронизаны его социально-политические и религиозно-философские взгляды, проповедь братства, дружбы и солидарности народов, любовь к родине. Гуманистически освещает поэт вопрос о правах и достоинстве женщины. С позиции гуманизма решает он и проблему языка, смело нарушая церковно-книжные архаичные нормы и сближая народно-разговорную речь с литературной.

В центре внимания Руставели — проникнутый высокими этическими и моральными устремлениями человек, поступки которого не ограничены ни божественным провидением, ни слепым роком. Поэт рисует идеал свободной личности, не скованной религией и отжившими свой век предрассудками и обычаями. Поэт воспевает земное благо, земное счастье, лучшие чувства и устремления человека. «Витязь в тигровой шкуре» — «древний и вечно юный эпос». ¹ «Геронический пафос, идеи патриотизма и интернационализма, воплощенные в поэме Руставели, близки духовному миру советских людей, свободолюбивых народов земли». ²

Руставели — певец лучших идеалов и чаяний своего народа, он пламенный патриот отечества, но ему чужда какая-либо национальная ограниченность или замкнутость. Его идеи и его творчество имеют общечеловеческое, интернациональное значение. Конечно, не только грузинам присущи такие идеалы, как борьба за справедливость, чувство братства и дружбы, героизм, патриотизм, возвышенная любовь и т. д. Подобные идеалы вдохновляли все свободолюбивые на-

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических республик, М., 1972, с. 22.

² «Дружба народов, дружба культур». — Передовая статья газ. «Правда», 1966, 25 сентября.

роды, и большие и малые. Всемирное значение «Витязя» заключается в том, что Руставели сумел в условиях господства религиозно-мистической мысли средневековья могучим поэтическим словом воспеть свободу чувств, земную жизнь человека, возвышенную любовь... В период всеобщей феодальной разобщенности и взаимной вражды государств он провозгласил прекрасные идеалы братства и дружбы народов. Нет сомнения, Руставели является поэтом-мыслителем раннего Ренессанса, ярко отразившим веяния нового времени, ренессансные чувства и настроения.

В жанровом аспекте «Витязь в тигровой шкуре» имеет много общего с персоязычными любовно-романтическими поэмами и с западноевропейскими стихотворными романами средневековья. «Если сравнить поэму Руставели с восточными и западными поэтическими романами, относящимися к этому же столетию, то мы можем увидеть много общего», — говорит известный английский литературовед Морис Бовра. Однако, подчеркивает он, Руставели идет «по собственному пути». ¹ Такого же мнения придерживаются и крупнейшие советские медиевисты — академики В. Шишмарев, А. Белецкий и другие.

В течение многих веков «Витязь в тигровой шкуре» был любимейшей книгой грузинского народа, неразлучным спутником его в бедах и радостях. Значение бессмертной поэмы правильно определил в своем стихотворении поэт Арчил (1647—1713). От лица самого Руставели он сказал:

Наполнив Грузию до края, мои стихи гремят везде,
Их в час веселья повторяют и утешаются в беде.

Оптимистические и жизнеутверждающие идеи «Витязя в тигровой шкуре» ободряли грузин, вселяли надежду в свои силы, поднимали боевой дух в годы лихолетья, последовавшего за руставелевской эпохой. Говоря словами академика Н. Марра, Руставели и его поэма «ярко показывают, на что был способен гений маленького грузинского народа, когда он обеспечивал себе урывками мирное, но свободное развитие своих культурных сил». ²

Грузинские поэты XV—XVIII веков обращались к Шота Руставели как к источнику вдохновения, поэтической музе, верховному законодателю поэтической культуры и утонченного художественного вкуса.

¹ М. Н. Б о в р а, *Inspiration and Poetry*, London, 1955, p. 52—53.

² Н. Я. М а р р, *История Грузии*, СПб., 1906, с. 23.

Что касается грузинской общественности, которая вела национально-освободительную борьбу в XIX столетии, то она воспринимала «Витязя в тигровой шкуре» как художественный памятник, утверждающий законные права грузинского народа на социальную свободу и национальную независимость. Благотворное воздействие гения Руставели испытывали такие корифеи грузинской литературы XIX века, как Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела.

Многие деятели национальной литературы из поколения в поколение объединялись вокруг имени Руставели, высказывая свои проникновенные чувства в стихах, посвященных великому мастеру. Поэма и ее автор жили и живут в памяти народной, во вдохновении грузинских писателей.

Для советского поэта академика Ираклия Абашидзе, например, Руставели был и остается живым путеводителем на дальних чужеземных перепутьях. Так был создан замечательный цикл его лирических стихотворений — «По следам Руставели». Изданный в виде отдельного сборника под названием «Палестина, Палестина...», он принес его автору Государственную премию имени Шота Руставели.

Тут же следует указать, что гуманистическое мировоззрение Руставели, его поэзия, вся светящаяся жизнелюбием, вызывали не только восхищение, но и злобные нападки консервативно-клерикальной части грузинского общества. Видимо, гонения на Руставели и на его поэму были обусловлены той исторической обстановкой, которая привела к переоценке достигнутых при Тамар духовных и культурных ценностей. Все беды, которые обрушились на Грузию в результате нашествия хорезмийцев и монголов, грузинский летописец XIV века считал божьей карой, которая была якобы вызвана моральным упадком общества и ослаблением христианской веры. Иначе говоря, причина божественного гнева, согласно убеждению летописца, крылась в увлечении грузинского общества земной жизнью и в недостатке религиозного благочестия. Ясно, что в эпоху сгущения религиозного тумана и насаждения аскетизма Шота Руставели как певец земной жизни выглядел однозвучно.

Сведения о тех гонениях, которым подвергался «Витязь в тигровой шкуре», сообщает Вахтанг VI. По его свидетельству, клерикальные круги считали поэму Руставели сочинением, проповедующим аморализм. Ученый царь попытался оградить «Витязя в тигровой шкуре» от «злых хулителей», истолковав поэму с мистико-аллегорической точки зрения. Вахтанг VI объявил поэму Руставели произведением, выражающим божественную любовь. Однако издатель тщетно пытался образумить клерикалов. Положение все более обост-

рялось. Представитель клерикалов архиепископ Тимофей Габашвили (скончался в 1764 году) осмелился отвергнуть мнения самого Вахтанга VI, называя Руставели «автором злых стихов, которые научили грузин вместо святости порокам и развратили христиан».

Выступление Тимофея послужило сигналом. Клерикальные круги не удовлетворились идейной борьбой, направленной против Руставели. Во второй половине XVIII века была совершена кощунственная попытка уничтожить вахтанговское издание «Витязя в тигровой шкуре». Литературное предание приписывает эту попытку католику Антонию I (1720—1788). Возможно, Антоний I не был непосредственным инициатором гонений, которым подверглось творение Руставели (так думают некоторые исследователи), однако его моральная ответственность за них несомненна. Антоний I был идейным руководителем клерикалов, отрицательно оценивавшим значение поэмы Руставели («Все он потрудился; печально это»).

Борьба вокруг поэтического наследия Руставели продолжалась в течение веков. В конце концов она тесно переплелась с борьбой за самобытную грузинскую культуру, за национальные и народные традиции. Поэтому в защиту Руставели самоотверженно выступали такие представители национально-патриотической поэзии, как Арчил Багратиони, Давид Гурамишвили, Мамука Бараташвили и другие.

9

Вдохновляя и воодушевляя свой народ и родную поэзию, Руставели долго оставался неизвестным за пределами своей страны. Впервые русский (и зарубежный) читатель узнал имя замечательного грузинского поэта XII века по книге митрополита Евгения Болховитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и ученом ее состоянии» (СПб., 1802). Вскоре эта книга была переведена на немецкий язык и ее содержание изложено по-французски. Ныне же стихи Руставели звучат почти на всех языках мира (на русском, немецком, французском, английском, итальянском, испанском, еврейском, китайском, японском), на языках стран социалистического содружества и народов Советского Союза. На некоторые языки Руставели переводили несколько раз. Например, на русском языке имеется пять полных и свыше десяти частичных переводов, пять полных переводов осуществлено на немецком языке, по три — на английском, французском, венгерском. . . Руставели стал доступным почти всем грамотным людям земного шара. Он вносит свой вклад в сокровищницу мировой поэзии, занимает и волнует умы множества людей.

Вспоминая чрезвычайно тревожные для всего советского народа дни ленинградской блокады, академик И. А. Орбели, бывший тогда директором Государственного Эрмитажа, между прочим писал: «Очень характерным для нас и для восприятия творчества Руставели грузинским народом является один стих, который ... после Великой Октябрьской революции стал хорошо знаком героям, бойцам Советской Армии, — стих, в течение короткого времени обошедший все фронтовые газеты. Обычно он переводится не совсем точно, но мысль сохранена: „Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор“». ¹ В не менее тревожные для вьетнамского народа дни вьетнамский ученый-литературовед готовил в джунглях работу о Руставели, по памяти цитируя афоризм «Витязя»: «Кто друзей себе не ищет, самому себе он враг», и говорил изумленному советскому журналисту: «Современным людям, коммунистам, следует больше черпать из (этого) древнего кладезя мудрости». Репортаж из борющегося Вьетнама был обнародован в центральной советской газете под очень колоритным заглавием: «Руставели в джунглях». ²

Чилийский композитор Педро Наварате написал симфоническую поэму на сюжет «Витязя в тигровой шкуре», которой присужден приз на конкурсном соревновании в Южной Америке, а еврейский перевод поэмы Руставели, выполненный Борисом Гапоновым, один швейцарский ученый назвал сенсационным. Говоря словами русского поэта Николая Тихонова, Руставели постепенно занимает подобающее ему место в пантеоне мировой поэзии. Это заслуга нашей великой советской эпохи, это заслуга плеяды переводчиков, в первую очередь переводчиков русских.

Как говорилось, на русском языке имеется пять полных переводов поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Авторами их являются: Константин Бальмонт, Пантелеймон Петренко, Георгий Цагарели, Шалва Нуцубидзе и Николай Заболоцкий. ³ Переводы некоторых фрагментов принадлежат признанным мастерам русского переводческого искусства (П. Антокольскому, Вл. Державину). Неполным переводом был и первый стихотворный перевод Ипполита Бартдинского (под заглавием «Таризель. Барсова кожа»), опубликованный в 1845 году в жур-

¹ Академик И. А. Орбели, Великий певец гуманизма. — «Вестник общественных наук» АН Армянской ССР, 1972, № 7, с. 21 (перевод Г. Цагарели).

² Репортаж из Вьетнама спец. корр. А. Тер-Григоряна. — «Известия», 1968, 29 февраля.

³ Вначале Н. Заболоцкий поэму Руставели перевел в обработке для юношества (М.—Л., 1937).

нале «Иллюстрация» (№ 6, 7). Подстрочник для этого перевода подготовил профессор Петербургского университета Д. И. Чубинашвили (Чубинов).

Все русские переводы сами по себе очень ценны. В деле популяризации произведения Руставели, безусловно, исключительную роль сыграл К. Бальмонт. Его перевод (Париж, 1933; Москва, 1936, 1937) — блестящий, но вместе с тем чрезвычайно манерный и трудночитаемый.¹

Перевод Г. Цагарели в значительной своей части выполнен непосредственно с оригинала, хотя он пользовался также подстрочником С. Иорданишвили² Цагарели определенно удались афоризмы Руставели (например: «Лучше смерть, но смерть со славой, чем бесславных дней позор»; «Надо другу ради друга не страшиться испытаний, откликаться сердцем сердцу и мостить любовью путь»). Однако нельзя не признать преувеличенной оценку его перевода, данную С. Коцюбинским: «Только читая Руставели в переводе Цагарели, можно представить себе подлинный монументализм его искусства».³

В передаче монументальности стиля и общей поэтичности звучания большой похвалы заслуживает перевод П. Петренко,⁴ выполненный при участии и под редакцией известного руствелолога и поэта Константина Чичинадзе. Но и перевод Петренко далеко не безупречен.

Перевод профессора Ш. И. Нуцубидзе выгодно отличается от других русских переводов в первую очередь близостью к оригиналу. Этот перевод выполнен руствелологом, к тому же одаренным талантом поэта. Как ученый-руствелолог, Нуцубидзе предварительно тщательно изучил текст поэмы и уже потом приступил к его переводу. Показательно в этом смысле одно важное признание, которое сделал Нуцубидзе во введении к переведенной им поэме XII века «Абдул-Мессия» Иоанна Шавтели: «Наше исследование, базируясь на

¹ В неполном виде перевод Бальмонта первоначально был издан в Москве в 1917 г. (Шота Руставели, Носящий барсову шкуру. Грузинская поэма XII в. Перевод К. Бальмонта).

² Этот подстрочник впоследствии был опубликован (см.: Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Подстрочный перевод с грузинского С. Иорданишвили. Подстрочный перевод сверен с оригиналом, исправлен и отредактирован Комиссией в составе Ш. Апахидзе, Л. Каландадзе, М. Заверина, А. Беставашвили, Тбилиси, 1966).

³ С. Коцюбинский, Ш. Руставели и его русские переводы. — «Звезда», 1937, № 2, с. 219.

⁴ Ответственным редактором первого издания перевода Петренко (М.—Л., 1937) был большой знаток и ценитель поэзии Руставели академик И. А. Орбели.

тексте оригинала, должно осветить и одновременно *оправдать, почему при переводе и раскрытии поэмы мы шли таким, а не иным путем*.¹ Сказанное в полной мере относится и к переводу поэмы Руставели, хотя автор специально оговаривает: «приспосабливать же текст (Руставели) к своему толкованию абсолютно недопустимо». ² Эти установки Нуцубидзе отразились в переводе отдельных стихов. Как философ и историк общественно-политической и философской мысли древней Грузии, Нуцубидзе нередко предлагал интерпретацию стихов переводимого художественного памятника XII века применительно к собственному пониманию этой эпохи. Для наглядности сошлемся на один характерный пример. В знаменитом завещании Автандила говорится (по подстрочнику С. Иорданишвили):

Если мгновенный мир, уничтожающий всё, уничтожит и меня,
Странником умру в странствовании, не оплатит меня мой родитель,
Не закутают меня в саван воспитанники и доверенные мои,
Пусть тогда твое милостивое и сострадальное сердце пожалеет
обо мне.

А вот перевод Нуцубидзе: ³

Если буду я низвергнут разрушающим всё миром
И умру один, не слыша плача тех, чьим был кумиром,
Не одет рукой питомцев и святым не мазан мирром,
Пусть твое благое сердце эту весть приемлет с миром.

Сопоставив тексты оригинала, подстрочника и перевода Нуцубидзе, нетрудно заметить существенную разницу в осмыслении содержания третьей строки. Переводчик сознательно допускает явное отклонение от оригинала и предлагает христианско-обрядовую интерпретацию этого стиха Руставели, хотя в свое время и было указано на неправомочность подобного толкования. ⁴

¹ Ш а в т е л и, Абдул-Мессия. Перевод с грузинского Ш. Нуцубидзе, Тбилиси, 1942, с. 13 (курсив мой. — А. Б.).

² Ш. Нуцубидзе, Творчество Руставели, Тбилиси, 1958, с. 232.

³ Цитирую по последнему прижизненному изданию перевода (Тбилиси, 1966, строфа 793).

⁴ См.: К. Ч и ч и н а д з е, Один русский перевод «Витязя в тигровой шкуре» («Мнатоби», 1956, № 4, с. 160); Его же, «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Ш. Нуцубидзе («Литературная Грузия», 1960, № 5, с. 83—88); А. Б а р а м и д з е, Шота Руставели. Монографический очерк (Тбилиси, 1958, с. 296, на груз. языке; второе издание той же монографии — Тбилиси, 1966, с. 371).

Не останавливаясь на других фактах отклонения переводчика от переводимого текста, отмечу, что в целом этот перевод наиболее близок к грузинскому оригиналу. Обыкновенно он не только правильно передает на русский язык смысловые оттенки стихов Руставели, но и удерживает богатство его художественного слова и даже музыкальное звучание (звуковые повторы, аллитерации, мелодику). Знаменательно, что в ряде случаев Нуцубидзе удалось переводы очень сложных, так называемых маджамных, т. е. содержащих омонимические рифмы стихов.¹

«Ни один из русских переводов не может вполне удовлетворить взыскательного читателя», — докладывали Второму Всесоюзному съезду советских писателей П. Антокольский, М. Ауэзов и М. Рыльский.² Вскоре после этого появился новый русский перевод «Витязя», выполненный выдающимся русским поэтом Н. Заболоцким.³ В целом его перевод заслуживает высокой оценки. Он «свеж, изящен, звонок и высокопоэтичен. В нем в полной мере нашли свое выражение сила, красота, динамика, точность и гибкость русского языка, неотразимая прелесть русского поэтического слова...».⁴ Перевод Заболоцкого заслуженно удостоен Государственной премии Грузии имени Руставели. Справедливости ради надо все же заметить, что и Заболоцкий допускает излишние вольности и нередко значительные отклонения от текста оригинала. И конечно, более чем спорно мнение Н. Чуковского относительно этого перевода: «Поэму Руставели переводили несколько раз и до Заболоцкого, но труд Заболоцкого перечеркнул все сделанное раньше, и теперь, в следующий раз, Руставели будут переводить не скоро, — разве тогда, когда русский язык изменится».⁵ Нет, перевод Заболоцкого превосходен, но он далеко еще не предел.

А. Барамидзе

¹ Очень высоко ценил перевод Ш. Нуцубидзе Алексей Толстой, называя его «чарующим переводом» (О новом переводе поэмы Руставели. — «Литературная Грузия», 1965, № 6, с. 79—81).

² Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет, М., 1956, с. 260.

³ Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Перевел с грузинского Н. Заболоцкий, М., 1957.

⁴ А. Барамидзе, Г. Цибахашвили, Слово о Николае Заболоцком. — «Вечерний Тбилиси», 1975, 24 марта.

⁵ Николай Чуковский, Школа мастерства. — «Литературная газета», 1960, 19 октября.

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Тот, кто силою своею основал чертог вселенной,
Ради нас украсил землю красотою несравненной.
Животворное дыханье даровал он твари брэнной.
Отражен в земных владыках лик его благословенный.

Боже, ты единый создал образ каждого творенья!
Укрепи меня, владыка, сатане на посрамленья!
Дай гореть огнем миджнура до последнего мгновенья!
Не карай меня по смерти за былые прегрешенья!

Лев, служа Тамар-царице, держит меч ее и щит.
Мне ж, певцу, каким деяньем послужить ей надлежит?
Косы царственной — агаты, ярче лалов жар ланит.
Упивается нектаром тот, кто солнце лицезрит.

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком
булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст ее румяных под рубиновым покровом, —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трех героев лучезарных, трех испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Тариэле!
Скорбь о нем копьем печали ранит сердце мне доселе.
Это древнее сказанье я, чье имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели.

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Пораженный ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждет безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть ее грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослепленный взор безумца к ней стремится поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдаленном бродит
поле.

Пусть она спасет мне душу, предавая плотской боли!
Как воспеть мне трех героев, если сил не станет боле?

Что кому дано судьбою — то ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится в сраженье,
Пусть, безумствуя, влюбленный познает любви
лишенья, —

Не суди других, коль скоро сам боишься поношенья!

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух.
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Испытаньем иноходцу служит дальняя дорога,
Игроку — удар искусный, если мяч рассчитан строго.
Для певца же дело чести — ширь стихов, богатство слога,
Он и сам коня осадит, увидав, что речь убога.

Если вдруг в стихотворенье речь становится невнятна,
Присмотреться стихотворцу и полезно и приятно:
Увидав свою ошибку, он попятится обратно
И, геройски в мяч ударив, победит неоднократно!

Кто два-три стишка скропает, тот, конечно, не творец.
Пусть себя он не считает покорителем сердец.

Ведь иной, придумав глупость, свяжет рифмою конец
И твердит, как мул упрямый: «Вот искусства образец!»

Небольшой стишок — творенье стихотворца небольшого,
Не захватывает сердца незначительное слово.
Это жалкий лук в ручонках у стрелочка молодого:
Крупных он зверей боится, бьет зверушек бестолково.

Мелкий стих подчас пригоден для пиров, увеселений,
Для любезностей веселых, милых шуток, развлечений.
Если он составлен бойко, он достоин одобрений.
Но певец лишь тот, кто создан для значительных
творений.

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный посвящал.
Пусть она в стихах искусных, пламенея, как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою ее усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала,
Чтобы дать о ней понятие, языка земного мало.
Дар небес, она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа ее взалкала.

Объяснить ее не в силах ни мудрец, ни чародей,
Понапрасну пустословы утомляют слух людей.
Но и тот, кто предан плоти, подражать стремится ей,
Если он вдали страдает от возлюбленной своей.

Называется миджнуром у арабов тот влюбленный,
Кто стремится к совершенству, как безумец
исступленный.

Ведь один изнемогает, к горным высям устремленный,
А другой бежит к красоткам, сластолюбец развращенный.

Должен истинно влюбленный быть прекраснее светила,
Для него приличны мудрость, красноречие и сила,
Он богат, великодушен, он всегда исполнен пыла...
Те не в счет, кого природа этих доблестей лишила.

Суть любви всегда прекрасна, непостижна и верна,
Ни с каким любодеем не равняется она:
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена.
Человеку не пристало путать эти имена.

Нрав миджнура постоянен: не чета он блудодею,
Верен он своей любимой и скорбит в разлуке с нею.
Будь любимая сурова — он и так доволен ею...
В мимолетных поцелуях я любви не разумею.

Не годится звать любовью шутики взбалмошные эти.
То одна у ветрогона, то другая на примете.
Развлекаться столь беспечно лишь дурные могут дети.
Долг миджнура: если нужно, обо всем забыть на свете.

У влюбленного миджнура свой единственный закон:
Затаив свои страданья, о любимой грезит он.
Пламенеет он в разлуке, беспредельно исступлен,
Подчиняется смиренно той, в которую влюблен.

Тайну раненого сердца не откроет он другому,
Он любимую позорить не захочет по-пустому,
Он свои скрывает чувства, он к ее не ходит дому,
Он за счастье почитает эту сладкую истому.

Трудно верить в человека, коль о милой он бормочет.
Сам себе он вред приносит — что ж он попусту
хлопочет?

Чем он милую прославит, если тут же опорочит?
Почему он сердцу милой причинить страданье хочет?

Не пойму я: чем притворство привлекает сумасброда?
Если он не любит деву, разве нет ему исхода?
Почему ж ее он хочет запятнать в глазах народа?
Но злодею злое слово слаще сахара и меда!

Плач миджнура о любимой — украшенье, не вина.
На земле его скитанья почитают издавна.
И в душе его, и в сердце вечно царствует одна,
Но толпе любовь миджнура открываться не должна.

1. НАЧАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАВИЙСКОМ

Жил в Аравии когда-то царь от бога, царь счастливый,
Ростеван, искусный воин и владыка справедливый.
Снисходительный и щедрый, величавый и правдивый,
Был он грозный полководец и мудрец красноречивый.

Кроме дочери, владыка не имел другого чада.
Дочь его звездой сияла и была ему отрада.
Славных витязей царевна с одного пленяла взгляда.
Чтоб воспеть ее достойно, мудрецов немало надо.

Тинатин ей дали имя. Лишь царевна подросла
И затмила свет светила блеском юного чела,
Царь собрал своих вазиров, знатоков добра и зла,
И завел беседу с ними про высокие дела.

Царь сказал: «Когда под старость сохнет роза, увядая,
Вместо этой старой розы расцветает молодая.
Вот и я не вижу света, меркнет взор, изнемогая.
Справедливого совета жду от вашего ума я.

Жизнь моя к концу подходит, старость хуже всякой
боли.

Завтра, если не сегодня, я умру по божьей воле.
Для чего и свет, коль мрака не избежать в сей юдоли!
Пусть же дочь, мое светило, воцарится на престоле».

Но вазирьы отвечали: «Царь, с ущербною луной,
Как бы звезды ни сияли, не сравниться ни одной.
Увядаящая роза дышит слаще молодой.
Что ж ты сетуешь на старость и зовешь ее бедой?»

Нет, не вянет наша роза, не тверди нам, царь, об этом!
Но совет твой, даже худший, не чета другим советам.
Делай так, как ты задумал, коль другой исход неведом.
Пусть воссядет на престоле та, чей лик сияет светом!

Хоть и женщина, но богом утверждается царица.
Мы не льстим: она способна на престоле потрудиться.
Не напрасно лик царевны светит миру, как денница:
Дети льва равны друг другу, лев ли это или львица».

Сын вельможи-полководца, сам прославленный спаспет,
Автандил-военачальник был в расцвете юных лет.
Стройный станом, почитался он соперником планет,
Но ресницы солнцеликой довели его до бед.

Затаив любовь к царевне, он страдал, испепеленный.
Розы щек его бледнели в тишине уединенной,
И росло при каждой встрече пламя страсти затаенной...
Сколь достоин сожаленья унывающий влюбленный!

В день, когда решилось дело с солнцеликою царевной,
Боль души его сменилась светлой радостью душевной.
Он сказал: «Теперь всё больше, с каждой встречей
ежедневной,
Буду я освобождаться от судьбы моей плачевной».

Ростеван по всей державе разослал такой указ:
«Тинатин на царском троне будет править вместо нас.
Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!
Дочь-царицу славословить приходите в добрый час!»

И сошлись к царю арабы, и приехали вельможи,
И Сограт, вазир любимый, с Автандилом прибыл тоже,
И, когда они воздвигли трон, устроенный пригоже,
Весь народ сказал в восторге: «Нет цены ему, о боже!»

И когда на трон царевну царь возвел пред всем собором,
И когда ее венчал он дивным царственным убором, —
С царским скипетром, в короне, восхваляемая хором,
На людей смотрела дева вдохновенно-кротким взором.

И склонились перед нею все собравшиеся ниц,
И признали эту деву величайшей из цариц,
И ударили кимвалы, и, как крылья черных птиц,
Все в слезах, затрепетали стрелы девичьих ресниц.

Ей казалось: трон отцовский отдан ей не по заслугам,
Потому в слезах томился садик роз, возвращенный югом.
Царь сказал: «Отцы и дети, мы царим здесь друг
за другом.
Не отдав тебе престола, был бы я убит недугом!

Не томись напрасно, дочка! — он просил, увещевая. —
Ты теперь надежда наша, отдал все тебе права я.
Аравийская царица, будь правительницей края,
Мудро, скромно, прозорливо государством управляя.

Как бурьяну, так и розам солнце светит круглый год, —
Будь и ты таким же солнцем для рабов и для господ.
Царской щедростью и лаской привлеки к себе народ,
Помни: море не иссякнет, расточая бездны вод.

Щедрость — слава государей и премудрости основа.
Дивной щедростью владыки покоряют даже злого.
Есть и пить любому нужно, в том не вижу я плохого.
Что припрячешь — то погубишь, что раздашь — вернется
снова».

Поучениям отцовским дочь послушная внимала,
Светлым разумом без скуки в наставленья проникала.
Царь устроил пир веселый, веселился сам немало,
Солнце дивной красотой юной деве подражало.

И царица повелела вызвать дядьку-пестуна:
«Под печатями твоими сохраняется казна.
Сундуки открой с деньгами и очисти их до дна:
Дочь царя, своим богатством поделиться я должна».

Раздала всё то царица, что своим считала сроду.
Всем — и знатным и незнатным — поприбавилось доходу.
Дева так и говорила: «Пусть родителю в угоду
Ныне всё мое богатство будет роздано народу.

Открывайте кладовые, отпирайте все подвалы!
Выводи коней, конюший! Выносите перлы, лалы!
Ничего не пожалею!» И войска, наполнив залы,
На сокровища царицы устремились, как шакалы.

Как законную добычу завоеванных земель,
Всех коней они угнали, столь лелеемых досель.
И была похожа дева на небесную метель,
Чтоб любой ее дарами мог наполнить свой кошель.

Первый день прошел в забавах. Пили, ели, пировали,
Многочисленные гости властелина окружали.
Вдруг поник он головою, преисполненный печали.
«Что с владыкой приключилось?» — перешептываться
стали.

Автандил-военачальник с добродетельным Согратом
Во главе иных придворных на пиру сидели рядом.
Увидав отца царицы странной горестью объатым,
«Что с царем?» — они невольно стали спрашивать себя
там.

И решили: «Наш владыка стал задумчив не к добру,
Ведь никто не мог обидеть государя на пиру!»
Автандил сказал Сограту: «Эту странную хандру
Постараемся рассеять: нам она не по нутру».

Встал Сограт седобородый, встал воитель, стройный
станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым
стаканом, —
Опустились на колени на ковре золототканом,
И Сограт вступил в беседу с престарелым Ростеваном:

«Загрустил ты, царь великий! Взор твой больше
не смеется.
Что ж, ты прав! В твоих подвалах даже драхмы
не найдется.
Дочь твоя свои богатства раздала кому придется.
Лучше б ей не быть царицей, чем с нуждой тебе
бороться!»

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого...

Обнялись, поцеловались, хоть и виделись впервые...

Оглянувшись на вазира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец.
«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец,
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!

Нет, вазир, не эти мысли доставляют мне мученье!
Стар я стал, уходят годы, чую смерти приближенье.
Кто, скажи, теперь возьмется заменить меня в сраженье?
Кто сумеет в ратном деле перенять мое уменье?

Не дала судьба мне сына. Жизнь моя — сплошная мука.
И хотя привычна стала для меня земная скука, —
Сын сравнялся бы со мною, как лихой стрелок из лука...
Лишь отчасти Автандилу впрок пошла моя наука.

Слово царское услышав, улыбнулся Автандил,
Светозарною улыбкой всю долину озарил.
Пред царем потупил очи, был он молод, полон сил.
«Ты чему смеешься, витязь? — царь, нахмурившись,
спросил. —

Разве речь моя безумна и достойна порицанья?»
«Государь, — ответил витязь, — дай сперва мне обещанье,
Что меня ты не осудишь за обидное признание,
Не предашь меня на муку, не придешь в негодованье».

Милой дочерью поклявшись, что, как солнце, пламенела,
Царь сказал: «Не бойся, витязь, говори мне правду
смело».
«Царь, — сказал отважный витязь, — предан я тебе
всецело,
Но напрасно ты кичишься, недостойно это дело!

Я, твой верный полководец, только пыль у царских ног,
Но пускай решает войско, кто искуснее стрелок.
Выходи ж на состязанье, государь, и, видит бог,
Лук и стрелы нас рассудят и дадут тебе урок».

Царь воскликнул: «Я с тобою говорю не для забавы.
Коль со мной ты спор затеял, не уйдешь ты от расправы!
Мы в свидетели поставим лучших воинов державы,
Поле быстро обнаружит, кто из нас достоин славы».

Так они договорились в этот вечер меж собою.
Царь шутил и улыбался, расположенный к герою.
В заключение решили: кто не справится с стрельбою,
Тот проходит трое суток с непокрытой головою.

И загонщикам велел он: «Рассыпаясь цепью длинной,
Ваше дело — из трущобы гнать на нас косяк звериный».
И бойцов на состязанье пригласил он всей дружиной,
И закончил пир веселый, и расстался с чашей винной.

В дорогой чалме, в оружьи, как лилея строен станом,
На рассвете прибыл витязь ко дворцу за Ростеваном.
С высоко поднятым ликом, светозарным и румяным
На коне он красовался в одеяньи златотканом.

Скоро выехал владыка, для охоты снаряжен.
Луг, назначенный заране, был народом окружен.
Вдалеке звучали крики — начался звериный гон,
И стрелки схватили луки, как предписывал закон.

Царь двенадцати любимцам приказал: «Вперед,
за мною!
Лук держите наготове, приготовьте стрелы к бою!
Подсчитайте, сколько дичи я убью моей рукою!»
Между тем лесные звери приближались к зверобою.

Многочисленное стадо появилось в отдаленье,
На охотников бежали серны, лани и олени.
Царь и витязь их встречали градом стрел, не зная лени.
Созерцая их проворство, люди были в изумленьи.

Пыль, поднявшаяся к небу, солнце кутала во мглу,
Кровь лилась вокруг рекою, пот струился по челу.
Но любой из нападавших за стрелюю слал стрелу,
И нельзя укрыться было ни оленю, ни козлу.

Поле быстро проскакали, всё зверье поразогнали,
Многих насмерть уложили, землю кровью запятнали.
«Кипарис в садах эдемских! Есть другой такой
едва ли!» —
Так о витязе твердили те, кто спор их наблюдали.

Поле кончилось, за полем поднимался лес дремучий,
Вдалеке торчали скалы, громоздясь на кручу кручей.
Звери прыгнули в трущобу, там их спас счастливый
случай,
Ибо в чаще их настигнуть даже конь не мог могучий.

Царь, усталый, но довольный, возгласил: «Моя взяла!»
Автандил не соглашался, отирая пот с чела.
Услыхав их спор веселый, к ним дружина подошла.
Царь сказал: «Без всякой лести расскажите, как дела?»

«Государь, — сказали слуги, — чтоб тебе
не заблуждаться,
Знай, что с юным Автандилом ты не можешь состязаться.
Мы помочь тебе не в силах, мы обязаны признаться,
Что от стрел его оленям было некуда деваться.»

Двадцать раз по сто животных мы за вами прикололи,
Только счет у Автандила штук на двадцать будет боле.
Он без промаха стреляет, ты же, царь, помимо воли,
Много стрел своих напрасно разметал на этом поле».

Царь забавной схваткой в нарды посчитал событие это.
Был ему успех питомца слаще солнечного света.
Соловей не любит розу так, как он любил спаспета.
И печаль его исчезла, и душа была согрета.

Оба сели под деревья, дали воинам сигнал,
И войска, как строй колосьев, устремились на привал,
И двенадцать слуг царевых, каждый строен и удал,
Наблюдали за рекою и за выступами скал.

2. АРАВИЙСКИЙ ЦАРЬ ВСТРЕЧАЕТ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вдруг заметили арабы чужестранца молодого.
Опечаленный, держал он за поводья вороного.
Крупным жемчугом сверкало снаряженье верхового,
Роза инеем покрылась, как от ветра ледяного.

Облаченный в шкуру тигра и в такой же шапке странной,
Он сидел и горько плакал, этот витязь чужестранный.
Толщиной в мужскую руку, плеть его была чеканной.
«Что за странное виденье!» — думал царь со всей
охраной.

Наконец, чтобы знакомству положить скорей почин,
Своего раба отправил за пришельцем властелин.
Но струился дождь хрустальный из агатовых стремнин,
И не смог ни слова молвить, подскакав, простолюдин.

Произнести не мог ни слова чужеземцу раб смущенный.
Наконец, придя в сознанье, он воскликнул, восхищенный:
«Царь велел». . . И вновь умолкнул, безгранично
удивленный.

Но его не видел даже витязь тот иноплеменный.

Ничего не слышал витязь и не понял этой речи,
Невдомек страдальцу было, что войска шумят далече.
Сердце в пламени пылало, тихо вздрагивали плечи,
Кровь мешалась со слезами, как на поле грозной сечи.

Ум его витал далеко, грез не в силах отряхнуть.
И, когда его посланец пригласил с собою в путь,
Не сказал ни слова витязь, только слезы лил на грудь,
Не хотела эта роза уст прекрасных разомкнуть.

И посланец к Ростевану возвратился без ответа:
«Царь, не хочет этот витязь слышать царского привета,
Ослепил мои глаза он блеском солнечного света,
Только время потерял я, не вини меня за это».

Удивился царь и в гневе приказал немедля слугам:
«Поезжайте все двенадцать, каждый с палицей и луком!
Если этот незнакомец не ответит мне ни звуком,
В плен его возьмите силой и воздайте по заслугам».

Вот рабы, гремя оружием, к незнакомцу подошли,
И очнулся этот витязь, сын неведомой земли.
Оглянулся он внезапно, увидел войска вдали.
«Горе мне!» — сказал, и слезы по лицу его текли.

И смахнул он эти слезы, и отер лицо рукою,
Меч на поясе поправил, лук повесил за спиною,
Сел в седло неторопливо и поехал стороною,
Не послушал, что хотели доложить рабы герою.

Руки воины простерли, задержать его хотели.
Горе, что он с ними сделал! Их враги бы пожалели!
Он валил их друг на друга, как никто другой доселе,
Рассекал по пояс плетью, пробивая в латах щели!

Царь был взбешен, и в погоню полетел другой отряд.
Вьется пыль, несутся кони, латы в воздухе горят.
Витязь снова оглянулся и, мешая с рядом ряд,
Стал рабов метать друг в друга, лютым пламенем объят.

Царь вскочил и с Автандилом поспешил на поле брани.
Стройный станом незнакомец тихо двигался в тумане.
Лик его светился светом, конь ярился, как Мерани,
Приближенье государя заметил он заране.

Он хлестнул коня, и взвился чудный конь, покорный воле
Седока, и всё исчезло — никого не видно боле:
Ни коня, ни чужестранца. . . Вознеслись на небо, что ли,
Или в землю провалились — но следы исчезли в поле.

Как их люди ни искали — не нашли. И царский стан
Порешил, что это демон напустил на них дурман.

Люди плакали по мертвым, обмывали язвы ран.
«Час настал, конец веселью! — скорбно молвил 1
Ростеван. —

Видно, богу надоело созерцать мое веселье,
Потому он посылает вслед за радостью похмелье.
Всё мне в тягость, жизнь постыла, как губительное
зелье...
Сохрани меня, создатель, как сохранен был досель я!»

И уехал царь, вздыхая, полный горя и заботы,
Никого не пригласил он к продолжению охоты.
Разошлись и те, кто раньше испытал его щедроты.
Говорил один: «Причуда!» А другие: «Прав он, что ты!»

Скрылся царь в опочивальне. Автандил, названный сын,
Возвратившийся с охоты, провожал его один.
Никого из всех домашних не заметил властелин,
Замолчали в знак печали и кимвал, и тамбурин.

Приходила дочь-царица, света белого кристальной,
У дворецкого пытала перед той опочивальней:
«Спит иль бодрствует родитель?» — «Возвратясь с охоты
дальней,
Государь наш с каждым часом всё становится печальней.

Говорят, ему явилась на охоте вражья сила,
Он скорбит и не внимает утешеньям Автандила». «Я уйду, — сказала дева и потом проговорила: —
Если спросит о царице, доложи, что приходила».

Наконец спросил владыка: «Где же юная луна?
Лишь она, роса живая, исцелит меня одна!»
«Государь, — сказал дворецкий, — приходила уж она,
Но, узнав, что ты невесел, удалилась, смущена».

«Ты сходи, — сказал владыка, — и скажи ей, ради бога:
„Отчего ты удалилась от отцовского порога?
Приходи скорее, радость, будь родителю подмога,
Расскажу тебе я, дочка, какова моя тревога“».

И пришла, не задержалась дочь послушная царева, 1
Как луна, небеснолика, утешать царя готова. 1

Усадил ее владыка, целовал и нежил снова,
Говорил: «Зачем ты, радость, не пришла ко мне
без зова?»

«Государь, когда ты мрачен, — отвечала дочь царя, —
Не войдет к тебе и дерзкий, твой покой боготворя.
Увидав тебя печальным, потухает и заря.
Но полезней вникнуть в дело, чем отчаиваться зря».

«О дитя, — сказал владыка, — в час, когда приходит горе,
Нахожу я утешенье лишь в твоём прекрасном взоре.
Только ты одна сумеешь исцелить меня от хвори
И корить меня не будешь, о моем узнав позоре».

Некий витязь чужестранный повстречался мне в долине,
Лик его, подобный солнцу, не забуду я отныне.
Он сидел и горько плакал по неведомой причине,
Не хотел он с добрым словом подойти к моей дружине.

Увидав, что я разгневан, он помчался на коне.
Я рабов послал вдогонку — он их плетью по спине.
Он, как бес, исчез в пространстве, не вернулся он ко мне.
Наяву ль его я видел, или грезил я во сне?

И внезапно стал мне горек сладкий дар творца вселенной,
Позабылись дни, когда я веселился, как блаженный.
Возмутил мое сознание этот витязь дерзновенный,
Сколько дней ни проживу я, не утешусь жизнью
бренной!»

«Царь, — в ответ сказала дева, — ты мое послушай слово.
Почему судьбу и бога осудил ты столь сурово?
Не того ль клянешь, кто в жизни не лишал тебя покрова?
Благосклонный к человеку не умыслит дела злого!

Ты — владыка над царями! Вот тебе он, мой совет: -
Безграничными краями ты владеешь много лет.
Так пошли людей надежных, пусть объедут целый свет,
Пусть узнают, человек он, этот витязь, или нет».

И в четыре части света полетели скороходы.
Им сказали: «Будьте смелы, поборите все невзгоды,
Разузнайте, кто тот витязь нам неведомой породы,
В захоlustья шлите письма, не скупитесь на расходы».

Целый год гонцы скитались, исходили полземли,
Всех знакомых, незнакомых расспросили, как могли,
Но того, кто знал страдальца, как ни бились, не нашли
И с досадой возвратились, истомленные, в пыли.

«Государь, — они сказали, — мы повсюду побывали,
Но не встретился нам витязь, преисполненный печали.
Ничего о нем доселе чужестранцы не слыхали.
Делай, что тебе угодно, но найдешь его едва ли!»

«Ах, — ответил царь, — я вижу, что права была царица:
В сети адские попал я, начал плакать и томиться.
То не витязь был, но дьявол, улетевший, точно птица.
Прочь печали и тревоги! Будем жить и веселиться!»

И опять открылись игры, и сошлись на царский двор
И певцы и лицедеи, улаждающие взор.
Роздал царь даров немало, во дворце устроил сбор, —
Говорят: людей столь щедрых бог не создал до сих пор.

Автандил в своем чертоге, сбросив платье дорогое,
Наслаждался звоном арфы, вспоминая про былое.
Вдруг явился негр-служитель той, чей стан стройней алоэ.
«Солнцеликая, — сказал он, — ждет тебя в своем покое».

И почудилось спаспету, что сбылось его мечтанье,
И облекся он немедля в дорогое одеянье.
В первый раз без посторонних был он призван
на свиданье.
Сладко быть вблизи любимой, созерцать ее сиянье!

Не смущаясь, подошел он ко дворцу, красив и смел,
Ради той, из-за которой столько горя претерпел.
Но печальный взор царицы, словно молния, горел,
И луна в его блистанье проклинала свой удел.

Грудь заботливо ей кутал мех прекрасный горностая,
С головы фата спадала, тканью сладостной блистая,
Мрак ресниц впивался в сердце, словно черных копий
стая,

Шею локоны лобзали, с плеч коса вилась густая.

Но мрачна была царица под прозрачную фатой,
Нежным голосом, однако, приказала сесть герою.

Пусть тогда лишусь я рая! Я и в ад сойти готова!
Хоть пронзи меня кинжалом, не скажу тебе ни слова!»

«О, — воскликнул витязь, — дева, чьи ресницы из агата!
Что скажу тебе на это? Вся душа огнем объята!
Ты меня вернула к жизни, вот за горести расплата!
За тебя, твой раб, пойду я на любого супостата!»

Бог тебя подобной солнцу сотворил над миром зла,
Подчинил тебе он в небе все небесные тела.
Оттого твоим щедротам нет ни меры, ни числа,
Оттого в твоём сиянье роза снова ожила!»

Поклялись они друг другу дивной клятвой крепче стали
И, беседуя друг с другом, успокаиваться стали,
И счастливые минуты для влюбленного настали,
Жемчуга из уст открытых, словно молнии, блистали.

Сели вместе, улыбнулись и в лобзании невинном
Обнялись агат с агатом и слились рубин с рубином.
Он сказал: «Лишить рассудка можешь взглядом ты
единым,
Лишь мое больное сердце наполняешь духом львиным!»

И расстался с девой витязь, и вернулся он назад.
Озираясь, как безумный, шел он ночью наугад.
На сияющие розы сыпал он хрустальный град,
Обручил он с сердцем сердце, чтобы верным быть
стократ.

Говорил он: «О светило! Поражен судьбой коварной,
Я — кристалл, рубин и роза — принимаю цвет янтарный.
Как три года проживу я вдалеке от светозарной?
Изнывая от печали, я умру, неблагодарный!»

Лег на ложе, горько плачет, слезы вытереть не может,
Гнется тополем по ветру, но тоска всё больше гложет.
Лишь задремлет — образ милой сердце снова
растревожит,
Вскрикнет витязь и, проснувшись, в двадцать раз печаль
умножит.

Так ему знакомы стали муки пламенных сердец.
Жемчуг слез сиял на розе, и ласкал ее багрец.

Трое суток жил тут витязь, бил зверей в лесу дремучем,
Совещался с Шермадином, верным другом наилучшим.

«Шермадин, — промолвил витязь, — повинюсь
чистосердечно,
Виноват я пред тобою: ты служил мне безупречно,
Я ж, любовь мою скрывая, тосковал и плакал вечно.
Ныне я моей любимой обнадежен бесконечно.

Тинатин меня пленила, и нарциссы в день печали
На заснеженные розы слезы жгучие роняли.
Не хотел я, чтобы люди о любви моей узнали,
Но теперь слова надежды скорбь мою у врачевали.

Мне царица повелела: «Тайну витязя открой,
И, когда назад вернешься, буду я твоей женой.
За другого я не выйду, будь он райской купиной!»
Речь ее — бальзам для сердца, истомленного тоской.

Я, владыка твой, обязан власть царя считать верховной
И служить ему повинен, как слуга беспрекословный, —
Это первое. Второе: заключив союз любовный,
Робость в годы испытаний почитаю я греховной.

Из владык и подчиненных только мы друзья друг другу.
Умоляю, окажи мне беспримерную услугу.
На тебя я оставляю все войска и всю округу,
Одному тебе я верю, обреченный на разлуку.

Предводительствуй войсками, охраняй страну от бед,
Узнавай через посланцев, весел царь наш или нет,
Шли ему дары и письма в продолжение трех лет.
Пусть никто в стране не знает, что исчез его спасет.

На охоте и в сраженьях принимай мое обличье,
Сохраняй три года тайну и блюди благоприличие.
Я еще вернусь, быть может, — слово мне дано девичье.
Не вернусь — простись со мною и оплачь мое величие.

В этот день с печальной вестью ты предстань пред
Ростеваном
И во всем ему откройся, как пристало только пьяным.

Расскажи, что я скончался: всем ведь гибель суждена
нам, —
И раздай мои богатства неимущим поселянам.

Сам же, в город возвратившись, будь мне преданным
вдвойне:
Не забудь меня внезапно, вечно помни обо мне.
Все дела мои устроив, помолись наедине,
Вспоминай о нашем детстве на родимой стороне».

И была для Шермадина эта весть подобна грому,
И заплакал он внезапно, и почувствовал истому.
Он сказал: «Какая радость без тебя рабу простому?
Но мольбы мои напрасны: всё равно уйдешь из дому.

Ты велел мне быть владыкой и вождем твоей дружине.
Разве это мне по силам — заменять тебя отныне?
Как забуду я, что, бедный, ты скитаешься в пустыне?
Лучше я с тобой поеду мыкать горе на чужбине!»

«Нет, — ответил витязь, — должен я поставить на своем:
Коль миджнур бежит в пустыню, он не странствует
вдвоем.

Мы ценой великих бедствий дивный жемчуг достаем.
Да погибнет вероломный, умирая под копьём!

С кем я мог, коль не с тобою, поделиться этой тайной?
Мог ли я другим доверить этот труд необычайный?
Укрепляй мои границы, наблюдая за окраиной.
Я еще вернусь, быть может, избежав беды случайной.

Погибают от несчастья и один и сто за раз.
Одиночество — не гибель, если бог спасает нас.
Коль не справлюсь за три года, плачь по мне в печальный
час.

На владение страную я даю тебе указ».

3. УКАЗ АВТАНДИЛА ЕГО ПОДДАННЫМ

Вот указ его: «Вельможи! Воспитатели и дети!
Мужи, преданные сердцем и надежные в совете!
Вы — моих желаний тени, предо мною вы в ответе!
Соберитесь ныне вкупе, чтоб слова услышать эти!

Автандил, ваш прах, пишу я ради вас своей рукою:
На короткий срок расстаться я решил с моей страной,
Предпочел скитанья — пиру, путешествия — покою,
Возложил на лук заботу добывать еду стрелою.

Некий умысел имея, покидаю я страну,
Целый год я пыль скитаний с ног моих не отряхну.
Заклинаю вас: в разлуке чтите заповедь одну —
Охраняйте наше царство, как хранили в старину.

Я владыкою над вами оставляю Шермадина,
И, пока он не узнает, что пришла моя кончина,
Пусть он здесь, лелея розу, будет вам за господина.
Пусть пред ним злодеи тают, как на пламени вощина!

Шермадин, как вам известно, для меня дороже брата,
Вы его, как Автандила, почитайте ныне свято.
Вместе с ним, лишь грянут трубы, сокрушайте супостата.
Не вернусь, так вместе плачьте: велика его утрата».

Изукрасивший посланье столь искусным языком,
В пояс он насыпал злата и на лошадь сел верхом.
«На охоту!» — крикнул витязь, и войска сошлись кругом,
И, не мешкая нимало, он покинул отчий дом.

И велел он на охоте провожатым удалиться:
«Мне помощников не нужно, я хочу уединиться».
И по чаще тростниковой полетел он, точно птица,
И в его царила мыслях Тинатин, его убийца.

Проскакал он через поле и войска вдали оставил,
И никто за ним не гнался и вернуться не заставил.
Не страшился он булата, исполнитель высших правил.
Но, придавлен грузом горя, раны сердца окровавил.

Люди кончили охоту, спохватились: где же он?
И, не видя господина, каждый плакал, поражен,
И великое веселье превратилось в горький стон,
И на розыски помчались ездоки со всех сторон.

«Где ты, лев, надежда наша? — приближенные
взывали. —
На кого ты нас покинул?» И гонцов повсюду слали.
Но, увы, не отыскался тот, которого искали,
И в слезах поникло войско, и народ поник в печали.

Шермадин, собрав придворных и иных достойных чести,
Показал указ владыки, и его читали вместе.
С пораженными сердцами все внимали этой вести.
Рвали волосы от горя, уподобленные персти.

И сказали Шермадину: «Хоть сменял он свет на тьму,
Без тебя доверить трона он не мог бы никому.
Как велел нам повелитель, так и быть теперь тому!»
И, признав раба владыкой, поклонились все ему.

4. АВТАНДИЛ УЕЗЖАЕТ НА ПОИСКИ ВИТЯЗЯ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Мудрый Эзрос в «Дионосе» нам оставил назиданье:
«Замерзающая роза вызывает состраданье». Сострадания достоин также тот, кто в дни скитанья,
С милой родиной расставшись, обречен на увяданье.

Всю Аравию проехав за четыре перехода,
Автандил скитался в землях чужестранного народа.
И твердил печальный витязь, увядая год от года:
«Если б я вернулся к деве, миновала бы невзгода!»

Свежий иней пал на розу, и цветок утратил цвет,
Уж хотел себя кинжалом заколоть он в цвете лет:
«Возложил мне мир на плечи не одну, но сотни бед!
Нет, увы, со мною арфы и свирели больше нет!»

Вяла роза, увядала, не согретая светилом,
Но крепился он, чтоб сердцу были горести по силам,
И спрашивал он встречных, по местам бродя
унылым,
И немало их в дороге говорило с Автандилом.

И неслись к морям далеким слезы витязя рекою.
Спать на землю он ложился, подперев щеку рукою.
«Сердце с милой неразлучно, — рассуждал он сам
с собою, —
За нее умру без страха, если велено судьбою!»

По лицу земли скитаясь, бесприютен и убог,
Посетил он за три года каждый малый уголок.
Лишь три месяца осталось, истекал условный срок,
Но напасть на след скитальца Автандил еще не мог.

Видно, царь не без причины счел его за духа злого.
Для чего же я скитаюсь и горюю бестолково?»

Перебравшись через речку, Автандил поехал чащей.
Наводил на сердце скуку шум осоки шелестящей.
Сила рук его иссякла, помутился взор горящий,
Черной порослью покрылся лик унылый и скорбящий.

И решил он возвратиться, надрывая стоном грудь,
И коня в глухие степи поспешил он повернуть.
Без людей он целый месяц продолжал печальный путь,
И охота на животных не влекла его ничуть.

Одичав в сердечной муке, продолжал он жить в томленьи,
Но, как всякий сын Адама, вдруг взалкал в уединенье,
И длинной руки Ростома он стрелу пустил в оленя,
И костер в глухой труппе он развел без промедленья.

Он пастись поставил лошадь и, насытившись дичиной,
Шестерых людей увидел, проезжающих долиной.
«То разбойники, — решил он, — те, что грабят люд
невинный,
Кроме них, никто не ездит в этой местности пустынной».

Взяв оружие, поспешил он, чтобы встретить их вдали.
Там два мужа бородатых безбородого вели.
Безбородый был изранен, был в крови он и в пыли.
Рвался дух его из тела, улетая от земли.

«Вижу я, — воскликнул витязь, — что живете вы
разбоем!»
«Нет, — ответили пришельцы. — Помогите нам, зверобоям!
Если ж ты помочь не можешь, посочувствуй нам обоим,
Плачь сегодня вместе с нами, ибо жалости мы стоим!»

Автандил подъехал ближе, и, рыдая, люди эти
Рассказали, как в дороге был изранен путник третий:
«Витязь, мы — родные братья, одного отца мы дети,
Город, нам принадлежащий, расположен в Хатаети.

Мы о месте этом диком услышали от людей
И пришли сюда с дружиной многочисленной своей.

По горам и по долинам мы скитались тридцать дней.
И немало на охоте постреляли мы зверей.

Оказались мы в дружине наилучшими стрелками,
И великий спор внезапно разгорелся между нами.
«Я искусней всех стреляю!», «Я — сильнейший между
вами!» —

Так мы трое препирались неразумными словами.

Отвезти оленьи шкуры поручили мы дружине
И решили состязаться без загонщиков отныне.
Мы условились, чтоб каждый лишь по той стрелял
дичине,
След которой приметит на горе или равнине.

Отослав домой сегодня многочисленную рать,
Только трех оруженосцев мы с собой решили взять.
Мы зверей стреляли в поле, в чаще рыскали опять,
Не давали мы пернатым над собою пролетать.

Вдруг пред нами некий витязь появился на поляне.
Мрачный ликом и печальный, восседал он на Мерани.
Был закутан в шкуру тигра; в меховом своем тюрбане
Он сиял такой красою, о какой не знали ране.

Нестерпимые для взора он метал очами грозы.
Мы сказали: «Вот светило, погрузившееся в грезы!»
Мы схватить его хотели, мы дерзнули на угрозы,
Оттого-то мы и стонем, проливая эти слезы.

Я мечтал тогда, как старший, чтобы всадник стал моим,
Средний брат очаровался скакуном его лихим.
Младший жаждал поединка. Мы помчались вслед за ним.
Но спокойно ехал витязь, горделив и нелюдим.

Лал и жемчуг драгоценный розы уст его скрывали.
Погруженный в размышленья, был он в горе и печали.
Он на нас не бросил взгляда, но, когда мы закричали,
Плеть тяжелую приподнял и поехал молча дале.

Отстранив меня рукою, младший крикнул супостату:
«Стой!» — и к витязю рванулся, не подумав про расплату.

Витязь встретил нападение, не притронувшись к булату:
Златокованую плетью раздробил он череп брату.

Он одним ударом плети череп юноше разбил,
Он свалил его на землю без сознания и без сил,
Он смешал беднягу с прахом, оскорбленья не простил
И умчался, горделивый, как светило из светил.

Он назад не возвратился, не промолвил он ни слова.
Вон он движется, как солнце, скрыться в облако готово!»
И скиталец в отдаленье вдруг заметил вороного —
Дивный всадник солнцеликий перед ним явился снова.

И ланиты Автандила слезы больше не кололи:
Не напрасно на чужбине он отведал горькой доли!
Кто желанного достигнет, пострадав в земной юдоли,
Тот уже не вспоминает о своей минувшей боли.

«Братя, — он сказал, — я странник, потерявший свой
приют.
С милой родиной расставшись, я искал скитальца тут.
Вы его мне указали, душу вынули из пут,
Пусть за это вам сторицей силы неба воздадут!

Так же как достиг я ныне исполнения желаний,
Пусть ваш юноша несчастный исцелится от страданий».
Показав свою стоянку, он прибавил на прощанье.
«Положите в тень страдальца, отдохните от скитаний!»

Тут коня пришпорил витязь и, не медля ни минуты,
Полетел, как вольный сокол, разорвавший клювом путы.
Как луна навстречу солнцу, он спешил, избегнув смуты,
Потушил он в юном сердце беспощадный пламень лютый.

Приближаясь к незнакомцу, так он начал размышлять:
«Необдуманное слово прогневит его опять.
Только мудрый это дело может толком распознать,
Он спокойствия не станет в затруднениях терять.

Этот витязь столь безумен, что боится каждой встречи,
Он людей не хочет видеть и людские слышать речи.

Значит, мы убьем друг друга, коль сойдемся в лютой
сече!» —
Так он думал, за скитальцем наблюдая издали.

Прячась в зарослях, твердил он: «Нет, не зря пропали
годы!
Даже зверь приют имеет, чтоб спастись от непогоды;
Не стремится ль витязь к дому через горные проходы?
Поспешив за ним, быть может, я забуду про невзгоды».

Так они два дня, две ночи продолжали этот путь,
Оба не пили, не ели, не хотели отдохнуть.
Ни на миг очей усталых не могли они сомкнуть,
Лишь бесчисленные слезы упали им на грудь.

Лишь на третий день под вечер, в горной местности
далекой,
Добрались они, скитальцы, до пещеры одинокой.
Под горой река шумела, окруженная осокой,
Подпирая свод небесный, рядом лес стоял высокий.

Витязь, речку переехав, поскакал по горным склонам,
Авандил коня поспешно привязал под старым кленом,
Сам на дерево взобрался и, припав к листьям зеленым,
Стал следить из-за укрытия за скитальцем истомленным.

Только витязь в шкуре тигра чашу леса миновал,
Дева в черном одеянье появилась возле скал.
Слез поток неудержимый из очей ее бежал.
Витязь спешил к деву, наклонясь, поцеловал.

Он сказал: «Аснат, сестрица, мост надежды рухнул
в море.
Не найти нам больше девы, безутешно наше горе!»
Витязь в грудь себя ударил и замолк с тоской во взоре,
И в ответ ему рыдала дева в траурном уборе.

Рвали волосы безумцы, чаша пасмурнее стала,
Утешал скиталец деву, дева друга утешала,
Эхо сотней отголосков их стенанья повторяло, —
Авандил следил за ними и дивился им немало.

Успокоившись, девица снова сделалась бодр,
Отвела коня в пещеру, где не мучила жара,
Расстегнула панцирь другу, как любимая сестра,
И в пещеру с незнакомцем удалилась до утра.

Автандил тревожно думал: «Как от них добиться
слова?»

Дева в черном одеянье на рассвете вышла снова
И обмыла на дорогу и взнуздавала вороного,
Принесла вооруженье незнакомца молодого.

Снова этот незнакомец уходил от Автандила!
Дева плакала, прощаясь, в грудь себя руками била.
Обнял он ее, целуя, на Мерани сел уныло,
И опять его подруга в путь-дорогу проводила.

Сходный с запахом алоэ ощущая аромат,
Автандил из-за деревьев осторожный кинул взгляд.
Видит, витязь солнцеликий безбород, едва усат,
Но и львы ему, как видно, не опаснее ягнят.

Всадник, с девою простившись, ехал старою тропюю,
Через заросли осоки степью двигался глухою.
Автандил ему дивился, рассуждая сам с собою:
«Бог мне это всё устроил всемогущею рукою!

Мог ли он устроить лучше, чтоб помочь в опасном деле?
Дева тайну мне откроет, о моем узнав уделе.
Я и сам открою деве, как я мучился доселе,
Чтоб не биться с незнакомцем в этом каменном ущелье».

Слез он с дерева и быстро переехал речку вброд,
И приблизился к пещере, где зиял открытый вход.
И опять навстречу вышла дева, полная забот, —
Верно, думала бедняжка, что вернулся витязь тот.

Но при виде незнакомца, осененная догадкой,
Дева кинулась в пещеру, чтобы скрыться в ней
украдкой.

Автандил настиг беглянку и схватил могучей хваткой,
И она пред ним в испуге заметалась куропаткой

Вырывалась и кричала, на пришельца не глядела,
Угодив к орлу в неволю, подчиниться не хотела,

Всё какого-то на помощь призывала Тариэла,
И не мог ей долго витязь своего поведать дела.

Он твердил ей: «Успокойся! Я — простой Адамов сын!
Видел я, как роза мая увядает средь долин.
Расскажи, открой мне тайну, кто он, этот райский крин?
Зла тебе я не желаю, нужен сердцу он один!»

Дева, словно размышляя, говорила сквозь рыдания:
«Если в здравом ты рассудке, брось напрасные старанья!
Не простое это дело — описать его деянья,
Невозможного не требуй от меня повествованья.

Для чего, не понимаю, вышла я к тебе навстречу!
Описать перо не в силах эту душу человечью.
„Расскажи!“ — ты мне прикажешь „Нет! — стократно я
отвечу. —
Не от счастья льются слезы, вот что я тебе замечу“».

«Дева, ты меня не знаешь! Я объехал целый свет,
Тщетно витязя искал я и немало вынес бед.
Наконец тебя нашел я, — умоляю, дай ответ,
Расскажи про незнакомца: без него мне счастья нет!»

«Кто ты, витязь неизвестный? — зарыдала дева снова. —
В час, когда исчезло солнце, ты страшной мороза злого!
Мы с тобою длить не будем спора этого пустого.
Поступай со мной как хочешь, — не скажу тебе ни слова».

Витязь, деву заклиная, пал пред нею на колени,
Но, ни слова не добившись, изнемог он от молений,
И, объятый лютым гневом, прекратил мольбы и пени,
И клинок занес над девой в беспримерном исступленье.

«Ты умножила, — сказал он, — муку смертную мою!
Неужели ты не видишь, почему я слезы лью?
Коль не скажешь мне ни слова, бог свидетель, — пусть
в бою
Так же недруг мой погибнет, как и я тебя убью!»

«Витязь, — дева отвечала, — средство выбрал ты дурное.
Рассказать тебе при жизни не могу я о герое.

Если ты меня заколешь, непреклонней буду вдвое.
Ибо что тебе откроет тело девы неживое? :Я

Почему же ты не хочешь прекратить своих попыток?
Говорить мне запрещает горя вечного избыток.
Лучше ты меня прикончи, толку нет от этих пыток.
Разорви меня без страха, как ненужный людям свиток!

Ты не думай, что кончина мне, страдальце, страшна.
Море слез моих осушит, благодатная, она.
Жизнь моя — пучок соломы. Велика ли ей цена?
Что еще, тебя не зная, я сказать тебе должна?»

И тогда подумал витязь: «Чтобы нам договориться,
Нужно выбрать новый способ, ибо старый не годится».
Отпустил он незнакомку, дал слезам своим излиться
И сказал: «Зачем я, глупый, огорчил тебя, девица!»

Сел он в сторону, заплакал, не сказав ни слова боле.
Дева, сумрачная ликом, о своей грустила доле.
Были залиты слезами розы, выросшие в холе.
Наконец она вздохнула и смягчилась поневоле.

Зарыдала, пожалела незнакомца всей душой,
Но молчала, как и прежде, и была ему чужой.
Автандил заметил это и с поникшей головой
Встал пред девой на колени и воскликнул сам не свой:

«Дева, больше о доверье я молить тебя не смею!
Огорчил тебя я тяжко и об этом сожалею.
Но прошу тебя я, сжался, будь заступницей моею,
Ибо семь грехов, не меньше, отпускается злодею.

Пусть слова мои вначале были гневны и сердиты, —
Пожалеть миджнура надо, вот что, девушка, пойми ты!
Без тебя мне в этом мире не останется защиты.
Душу я отдам за сердце, лишь меня не оттолкни ты!»

Лишь услышала девица на любовь его намек,
Во сто раз печальней стала, проливая слез поток.
И от горести сердечной цвет ланит ее поблек,
И моления Автандила наконец услышал бог.

Витязь понял: не случайно горем девушка объята,
Видно, девушку тревожит участь горестная чья-то!
Он сказал: «Жалеть миджнура даже враг обязан свято,
Ведь миджнур стремится к смерти, если к жизни нет
возврата.

Я — миджнур, невольник страсти, в жизни мне ничто
не мило.

Твоего ищу я друга по велению светила.
Там, где был я, даже туча никогда не проходила.
Но нашел сердца я ваши, и ко мне вернулась сила.

Образ витязя ношу я в глубине души моей.
Ради витязя скитаюсь, я не вижу светлых дней.
Возврати же мне свободу, вырви душу из цепей,
Дай мне жить во имя счастья, а не можешь, так убей!»

И тогда девица стала благосклоннее, чем ране:
«Ты придумал лучший способ исцелить свое страданье.
Раньше спорил ты со мною и привел в негодование,
А теперь нашел ты друга в столь великом испытанье.

Ты любовью заклинаешь, чтобы встретились вы, братья,
Как сестра, тебе, миджнуру, не способна отказать я.
Значит, здесь тебе усердно обещаю помогать я,
Значит, жизнь отдам тебе я, — что еще могу отдать я!

Если будешь ты отныне мне послушен навсегда —
Знай: того, кого ты ищешь, повстречаешь без труда.
А поссоришься со мною — он исчезнет без следа,
И свершить своих желаний ты не сможешь никогда».

«Это дело, — молвил витязь, — сходно с притчею
старинной:

Два каких-то человека шли дорогою пустынной.
Вдруг один, упав в колодец, стал захлебываться тиной,
А другой воскликнул сверху, вспыхвав душой невинной:

«Подожди меня, приятель! Нам не время расставаться!
Я пойду искать веревку, чтоб наверх тебе взобраться».
Тот, кто был внизу, в колодце, поневоле стал смеяться:
«Как могу не подождать я, если некуда деваться?»

Ты судьбы моей веревку держишь, милая сестра!
Если ты не пожелаешь, не увижу я добра. : /
Ты — бальзам больному сердцу. Сжалься, девушка,
пора! пора!
Кто с петлей на шее ходит, коль душа его бодра?»

«Витязь, — девушка сказала, — мне приятны эти речи.
Многих ты похвал достоин за свое чистосердечье.
Вижу я, что ты немало пострадал до нашей встречи.
Но не вечно будут длиться испытанья человечьи.

Здесь никто о незнакомце рассказать тебе не может,
Ничего ты не добьешься, если сам он не поможет.
Жди, покуда он вернется и надежды приумножит,
Пусть истерзанную розу холод больше не тревожит.

Я скажу тебе немного из того, что ты хотел:
Люди этого безумца называют Тариэл.
Я — Асмат, его рабыня, в чьей душе немало стрел,
Десять тысяч тяжких вздохов — незавидный мой удел.

Кроме этого, мой витязь, не узнаешь ничего ты.
Рыщет в поле он, безумец, полный горя и заботы.
Я питаюсь мясом дичи, что приносит он с охоты.
И не знаю я, как долго должен ждать теперь его ты.

Но советую тебе я дожидаться Тариэла.
Умолять его я буду настоятельно и смело:
Пусть он встретится с тобою, про свое расскажет дело,
Чтоб душа твоей любимой понапрасну не болела».

И миджнур повиноваться этой девушке решил.
Вдруг с реки донесся топот, плеск воды и звон удил,
И возник из влаги всадник, как светило из светил,
И отпрянул в глубь пещеры пораженный Автандил.

«Бог послал тебе удачу, — дева молвила герою. —
Поспеси скорей за мною, я тебя в пещере скрою.
Кто посмеет с ним тягаться, тот заплатит головою,
Я же так теперь устрою, что поладит он с тобою».

Дева, спрятав Автандила, с братом встретилась
названным.
Витязь спешился и деве снова отдал лук с колчаном.

Слезы их текли рекою и сливались с океаном.
Автандил следил за девой и пришельцем долгожданным.

Лица их в слезах купались, янтарем казался лал.
Долго девушка рыдала, долго витязь с ней рыдал.
Наконец они умолкли и вошли под своды скал.
Взмах ресниц, как взмах кинжалов, слезы горя оборвал.

Автандил следил за ними сквозь расщелину провала.
Видит: тигровую шкуру дева брату разостлала.
Тариэл присел на шкуру и задумался устало,
И наполнились слезами глаз агатовые жала.

Дева высекла поспешно искру с помощью огнива,
Развела огонь и ужин приготовила на диво.
Тариэл, отрезав мяса, оттолкнул его брезгливо:
Он не мог смотреть на пищу, голодая терпеливо.

Повалился он на шкуру, задремал, заснул на миг,
Вдруг, чего-то испугавшись, испустил безумный крик,
Камнем в грудь себя ударил, застонал, угрюм и дик,
И Асмаат над ним рыдала, истерзав ногтями лик.

«Что с тобой?» — она твердила. И ответил черноокий:
«Повстречался мне однажды государь один жестокий.
Он выслеживал в долине зверя, скрытого осокой.
Рать загонщиков по степи цепью двигалась широкой.

Горько было мне увидеть предающихся забаве!
Не приблизился к царю я, не примкнул к его облаве.
Бледный ликом, я укрылся от охотников в дубраве
И с рассветом удалиться посчитал себя я вправо».

И тогда сказала дева, зарыдав еще сильнее:
«Ты скитаешься в трущобах посреди лесных зверей,
Никого ты знать не хочешь, убегаешь от людей,
Пропадаешь ты без пользы для возлюбленной твоей!

По лицу земли скитаясь и блуждая по пустыне,
Как ты преданного друга не нашел себе донине?
Он бы странствовал с тобою, утешал бы на чужбине...
Коль умрете вы с царевной, что за толк в твоей гордыне?»

«О сестра, — ответил витязь, — ты исполнена участья,
Но на свете нет лекарства от подобного несчастья.
Не пришел еще собрат мой в этот мир, где должен
Смерть — одна моя отрада, признаю ее лишь власть я.

Под несчастною планетой только я один рожден.
Не найти мне в мире друга, как ни дорог сердцу он.
Кто мое разделит горе? Кто услышит горький стон?
Лишь одной тобой, сестрица, я утешен и смирен».

И тогда сказала дева: «Не сердись на слово это.
Бог меня к тебе приставил для разумного совета.
Я тебе открою, витязь: есть на лучшее примета.
Свыше сил нельзя томиться отрешенному от света».

«Объяснись, — ответил витязь, — я тебя не понимаю.
Кто поможет мне скитаться по неведомому краю?
Создал бог меня несчастным, оттого я и страдаю,
Оттого похож на зверя, прежний облик свой теряю».

И тогда Асмат сказала: «Хоть тебе и недосуг,
Но клянись мне головою, что, когда найдется друг,
Тот, который за тобою будет ездить для услуг, —
Ты ему не пожелаешь ни опасностей, ни мук».

И тогда ответил деве этот витязь светлолицый:
«Если я его увижу, то, клянусь моей царицей,
Зла ему не пожелаю, не коснусь его десницей,
Но за преданность и дружбу отплачу ему сторицей».

Встала девушка, ликуя, и пошла за Автандилом.
«Он не злобствует, — сказала, — будь ему собратом
милым!»

И когда предстал пришелец перед витязем унылым,
Тариэлу показался он сверкающим светилом.

Словно два огромных солнца, словно две больших луны,
Были витязи друг к другу в этот миг устремлены.
Что пред ними цвет алоэ, древо райской стороны?
Семь планет и те бледнели, видя братьев с вышины!

Обнялись, поцеловались, хоть и виделись впервые,
И скрестили, обнимаясь, несгибаемые выи.
Капли слез в очах блеснули, в розах — перлы снеговые:
То уста горят, как розы, — нет, как яхонты живые!

Пожимая руку гостя, витязь с ним уселся рядом.
Трудно было им не плакать, смертной мукою объятым.
«Полно, братья, убиваться, — говорила дева взглядом, —
Не скрывайте свет светила, не пойте душу ядом!»

В стужу роза Тариэла, охладев, не умерла.
Он спросил: «Какую тайну ты скрываешь в мире зла?
Кто ты сам? Откуда родом? Где Асмаг тебя нашла?
О себе скажу, что мною даже смерть пренебрегла».

И тогда ему ответил Автандил красноречивый:
«Тариэл, прекрасный витязь! Лев могучий и учтивый!
Я сюда к тебе приехал из Аравии счастливой.
Жжет меня огонь любовный, пламя страсти молчаливой!»

Дочь царя меня пленила, обладательница трона.
Крепкорукими рабами ныне ей дана корона.
Ты меня однажды видел, — вспомни, как во время оно
Царских воинов побил ты, не отдав царю поклона.

За тобою на охоте царь послал своих рабов.
Ты сидел и, горько плача, не откликнулся на зов.
Рассердился наш владыка, приказал устроить лов,
Обагрил ты поле кровью, взвил коня и был таков!

Ты меча тогда не вынул, плетью ты рубил с размаха,
Но и след твой обнаружить не могли мы в груди праха.
Ты исчез, подобно каджу, улетел ты, словно птаха.
Царь был взбешен, а дружина обезумела от страха.

Закручинился владыка — избалован царский разум!
Чтоб найти тебя, к народу обратился царь с указом,
Но никто тебя доселе ни одним не видел глазом, —
Даже та, пред кем померкнут и эфир и солнце разом.

И сказала мне царица: «Коль узнаешь ты о нем,
Мы с тобою, мой любимый, будем счастливы вдвоем!»

Приказала мне три года убиваться день за днем,
И не диво ли, что жив я, сожигаемый огнем?

Я людей, тебя встречавших, не видал еще доселе,
Лишь разбойников я встретил, что пленить тебя
хотели, —

Одного побил ты плетью, он уж дышит еле-еле,
Два другие мне решились рассказать об этом деле».

И тогда припомнил витязь бой с рабами Ростевана:
«Стародавний этот случай вспоминаю я туманно.
Ты с царем седобородым там стоял в середине стана,
Я ж, о деве вспоминая, плакал в поле неустанно.

Для чего, не понимаю, был вам нужен Таризл?
Вы охотой забавлялись, я же плакал и скорбел.
И царю, когда он силой захватить меня хотел,
Вместо пленника досталась только груда мертвых тел.

Но, когда за мной в погоню повелитель твой пустился,
На него поднять оружие я, подумав, не решился.
Не сказав ему ни слова, я поспешно удалился,
Конь мой неся невидимкой, — с кем бы он еще
сравнился?

От назойливых, мой витязь, улетаю я мгновенно,
Тот, кто гонится за мною, отступает неизменно.
Люди, кроме тех хатавов, что вели себя надменно,
Враждовать со мной не смеют и ведут себя смиренно.

Ныне ты как друг явился, сердцу твой приятен вид.
Ты подобен кипарису, солнцелик и именит.
И хотя ты вынес много затруднений и обид,
Человек бывает редко всемогущим позабыт».

Автандил ему ответил: «Я похвал твоих не стою,
Славословия приличны одному тебе, герою,
Ибо ты — прообраз солнца, что восходит над землею, —
Не затмить твое сиянье даже мукою земною!

Ту, что сердце мне пленила, забываю в этот день я,
Для тебя я отрекаюсь от любовного служенья.
С хрусталем я не сравню драгоценные камни,
Оттого тебя не брошу до последнего мгновенья».

Таризл воскликнул: «Витязь, вижу твой сердечный
нрав!

На любовь твою и дружбу мало я имею прав.
Но миджнур миджнура любит — это общий наш устав.
Чем воздать тебе смогу я, от любимой оторвав?

Ты искать меня пустился по велению любимой,
И нашел меня ты ныне, силой божией хранимый.
Но, коль свой рассказ начну я, по лицу земли гонимый,
Опалит мне душу снова пламя скорби нестерпимой».

И сказал девице витязь, лютым пламенем объятый:
«Дева, в горестных скитаньях не покинула меня ты,
Знаешь ты, что я не в силах возвратить моей утраты...
Ныне этот юный витязь опалил меня триkrátы.

Если друг возлюбит друга, то, не мысля о покое,
Он готов во имя дружбы бремя вынести любое.
Чтоб спасти одно создание, должен бог казнить другое.
Сядь, мой витязь, расскажу я про житье мое былое.

Сядь и ты, — сказал он деве, — и со мною здесь побудь.
Как начну терять сознание, окропи водою грудь.
Плачь, печалься, если очи суждено мне здесь сомкнуть,
Вырой темную могилу, проводи в последний путь».

Сел на землю он и плечи обнажил рукой могучей,
И померк, подобно солнцу, занавешенному тучей,
И, открыть уста не в силах, изнемог в печали жгучей,
И холодные ланиты оросил слезой горючей.

«О возлюбленная дева! — он рыдал, тоской объят. —
Жизнь моя, моя надежда и услада из услад!
Кто срубил тебя, алоэ, украшающее сад?
Как ты, сердце, не сгорело, истомленное стократ?»

5. ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ТАРИЭЛА, РАССКАЗАННАЯ АВТАНДИЛУ ПРИ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ

«Будь внимателен, мой витязь, к моему повествованию.
Лишь с трудом события эти поддаются описанию,
Ибо та, из-за которой сердце отдано терзанью,
Мне отрадою не будет вопреки ее желанью!

Семь царей когда-то были господами Индостана.
Шесть из них своим владыкой почитали Фарсадана.
Царь царей, богатый, щедрый, равный льву красою
стана,
Мудро правил он страну и сражался неустанно.

Мой отец, седьмой на троне, Саридан, гроза врагов,
Управлял своим уделом, супостатов поборов.
Был счастливцем он при жизни, весельчак и зверолов.
Порицать его боялись и мудрец и суеслов.

Стал со временем родитель одиночеством томиться.
Он подумал: «Враг мой сломлен, и крепка моя граница.
Сам я, грозный и могучий, смог на троне утвердиться, —
Пусть же будет мне оплотом Фарсаданова десница».

И посла он к Фарсадану снарядил, не медля боле:
«Государь, велик и славен на индийском ты престоле!
Я тебе мои владенья отдаю по доброй воле,
Пусть об этом помнят люди, существует мир доколе».

Фарсадан ему ответил: «Я, владыка этих стран,
Воздаю хваленье богу, светом счастья осиян,
Ибо власть мою признал ты, хоть имел такой же сан!
Приезжай и будь мне братом, благородный Саридан!»

Чем кропить слезами розу, укрепишь в сраженъе правом! ..

Я разил их без пощады, проливая кровь рекою...

Царь ему оставил царство и назначил амирбаром,
Амирбар же в Индостане служит главным спасаларом.
Отказавшись от престола и владея царским даром,
Мой отец единовластно управлял уделом старым.

В эти годы мой родитель был царю всего дороже.
Царь твердил: «На целом свете нет достойнее вельможи!»
Оба тешились охотой и врагов карали тоже.
Мы с отцом, как вы со мною, друг на друга не похожи.

Горевали царь с царицей: не давал им бог детей,
Горевала и дружина, и народ индийский с ней.
В это время я родился. Царь решил с женой своей:
«Будет он нам вместо сына, ведь и он — дитя царей».

Стал я жить в чертоге царском, окруженный мудрецами,
Обучался править царством и начальствовать войсками.
Обиход познав державный и освоившись с делами,
Я возрос и стал как солнце — лев, сильнейший между
львами.

Лишь тебе, Асмат, известно, как поблек я в цвете лет.
Был же я прекрасней солнца, как прекрасней тьмы
рассвет.
Всякий, кто со мной встречался, восклицал: «Эдемов
цвет!»
Ныне я — лишь тень былого, тень того, кого уж нет!

На шестом году узнал я, что беременна царица.
Срок прошел, настало время царской дочери родиться...»
Витязь смолк... Ему водою окропила грудь девица...
Он сказал: «Родилась дочка, светозарна, как денница!

Мой язык, увы, не в силах описать ее красоты!
Фарсадан, весь день пируя, позабыл свои заботы.
Драгоценные подарки привозили доброхоты,
И посыпались на войско бесконечные щедроты.

Справив пышные родины, стали нас растить супруги.
Дочь царя, подобно солнцу, стала счастьем для округи.
Одинаково любили нас родители и слуги...
Но смогу ль назвать я имя дорогой моей подруги!»

Снова смертная усталость Тариэлом овладела,
Автандил заплакал тоже, огорченный до предела.
Но когда Асмат водою оживила Тариэла,
Он сказал, вздыхая горько: «Как душа не отлетела!

Эту девушку, мой витязь, звали Нестан-Дареджан.
Доброта ее и разум удивляли горожан.
Лет семи она сияла, словно солнце южных стран.
Потеряв ее, заплачет и бездушный истукан!

В год, когда она созрела, стал я воином отважным.
Царь воспитывал царевну и к делам готовил важным.
Возвращенный в дом отцовский, но привыкший к царским
брашнам,
Львов душил я, словно кошек, в состязанье рукопашном.

Безоаровую башню царь воздвиг для черноокой,
Был рубинами украшен паланкин ее высокий.
Перед башней, среди деревьев, водоем сиял глубокий.
Здесь меня царевна наша болью ранила жестокой.

Здесь курильницы курились, арфы слышался напев.
То скрывалась в башне дева, то гуляла среди дерев.
И Давар, сестра царева, в царстве каджей овдовев,
Всем премудростям учила эту лучшую из дев.

За прекрасною завесой аксамита и виссона
Возросла она, царевна, словно пальма Габаона,
Но жила вдали от мира, как всегда, уединенно,
Лишь Асмат и две рабыни у ее служили трона.

Мне пятнадцать лет минуло, царским сыном я считался,
Во дворце у властелина день и ночь я оставался.
Кипарис в садах Эдемских, силой я со львом сравнился,
Бил без промаха из лука и с друзьями состязался.

Стрелы, пущенные мною, были смертью для зверей.
Возвратившись, в мяч играл я на ристалище царей,
Пристрастившийся к веселью, пировал среди друзей...
Ныне я лишился жизни для возлюбленной моей.

Мой отец внезапно умер, и отцовская кончина
Пресекла увеселенья во дворце у властелина.
Сокрушенный враг воспрянул и сомкнулся воедино,
Супостаты ликовали, горевала вся дружина.

Целый год, одетый в траур, плакал я в уединенье,
Целый год ни днем, ни ночью я не знал успокоенья.
Наконец от Фарсадана получил я повеленье:
«Тариэл, сними свой траур, прекрати свои мученья!

Смертью равного по сану ведь и мы удручены!»
Царь велел мне сто сокровищ дать в подарок от казны.
Он сулил мне сан отцовский — полководца всей страны:
«Будь отныне амирбаром, чтоб решать дела войны!»

Изнемогшего от горя и сгоревшего от муки,
Повели меня к владыке врачеватели и слуги.
И, устроив пир веселый, венценосные супруги
Вновь меня облобызали, как родители и други.

На пиру меня владыки возле трона посадили
И о сани амирбара вновь со мной заговорили.
Я, покорный царской воле, отказаться был не в силе
И, склонившись перед троном, принял то, о чем просили.

Уж всего мне не припомнить. Много времени прошло.
О событиях лет минувших вспоминать мне тяжело.
Мир изменчивый и лживый непрестанно сеет зло,
Пламя искр его, навеки обреченного, сожгло!»

6. ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ТАРИЭЛА, ВПЕРВЫЕ ПОЛЮБИВШЕГО

Стал рассказывать он снова, пересиливая муку:
«Раз, с охоты возвращаясь, Фарсадан мне подал руку.
Он сказал: «Пойдем к царевне и ее развеем скуку».
Боже, как я жив доселе, обреченный на разлуку!

Дивный сад, приют блаженства, я увидел пред собою.
Там, как сирины из сказки, птицы пели над листвою.
Благовонные фонтаны били розовой водою.
Вход в покои был завешен аксамитовой тафтою.

Турачей, убитых в поле, царь велел отдать прекрасной.
Я понес их за владыкой и попал в огонь, несчастный!
С той поры оброк тяжелый стал платить я муке
страстной:

Ранит доблестное сердце лишь один клинок алмазный.

Царь скрывал свою царевну от вельмож и от народа.
Не желая быть невежей, задержался я у входа.
Царь вошел, сказав рабыне: «Здесь со мною воевода,
Он привез царевне дичи для домашнего расхода».

Тут Асमत открыла полог, и увидел я на миг
Ту, чей взор копьем алмазным прямо в сердце мне
проник.

Турачей Асमत я отдал, сам, задумавшись, поник.
Горе мне! С тех пор горю я, вспоминая милый лик!

Ныне та, что краше солнца, уж не льет свое сиянье!»
Удручен воспоминаньем, Тариэл терял сознание.
Автандил с Асमत рыдали, эхо множило рыданья:
«Силу рук его сломили безутешные страданья!»

И опять Асмаг водою скропила Тариэла.
Долго он молчал, очнувшись: мука сердцем овладела,
Слезы он мешал с землею, он тоске не знал предела.
Он твердил, изнемогая: «Как душа не отлетела!

Тот, кто предан брэнной жизни, свято чтит ее дары,
Но, познав ее измену, забывает про пиры.
И недаром спорят с нею те, кто разумом мудры...
Возвратимся же к рассказу, коль я жив до сей поры.

Турачей Асмаг я отдал, свет померк передо мною.
Я упал, не в силах двинуть ни рукою, ни ногою,
И когда вернулся к жизни, плач услышал над собою:
Словно челн перед отплытьем, окружен я был толпою.

В царской горнице огромной, под охраной караула,
Я лежал на пышном ложе посреди людского гула.
Царь с царицею рыдали. Муллы, сторбившись сутуло,
Мой припадок объясняли чародейством Вельзевула.

Только я открыл зеницы, царь упал ко мне на грудь.
Он твердил: «Сынок любимый, хоть скажи мне
что-нибудь!»

Но, увы, как одержимый, уст не мог я разомкнуть
И опять, теряя силы, стал в беспамятство тонуть.

Слаб я был, мешались мысли, неземным огнем палимы.
Надо мной, Коран читая, пели мукры и муллиммы.
Им казалось, что больного бесы мучают незримы.
В этой глупости вовеки разобраться б не смогли мы.

Врачеватели, собравшись, удивлялись странной хвори:
«Здесь лекарства бесполезны, у него иное горе».
Я же вскакивал с постели, бормотал о разном вздоре.
Слезы плачущей царицы переполнили бы море.

Так лежал я трое суток, то ли мертвый, то ль живой,
Наконец, очнувшись снова, понял, что стряслось со мной.
Я подумал: «Неужели я не умер, боже мой!»
И к создателю с горячей обратился я мольбой.

Я сказал: «Великий боже, дай мне силы приподняться!
Невозможно мне, больному, у владыки оставаться!

Самого себя я выдам, только стану забываться!»
И творец меня услышал: сердце стало укрепляться.

Я привстал... И к государю полетел гонец счастливый,
И вошла ко мне царица с речью ласково-учливой,
С обнаженной головою царь явился торопливый,
Он хвалил и славил бога пред толпою молчаливой.

Сели оба у постели, принесли отвару мне.
Я сказал: «Теперь, владыка, я оправился вполне.
Снова по полю хотел бы я проехать на коне».
И отправился в дорогу я с царем наедине.

Миновав большую площадь, мы помчались вдоль потока.
Проводив меня, владыка возвратился одиноко.
Дома сделалось мне хуже. Я твердил, томясь жестоко:
«Смерть, возьми меня скорее! Ибо что мне ждать от
рока?»

Всё лицо мое от скорби, как шафран, позолотилось,
Десять тысяч острых копий в сердце яростно вонзилось.
Вдруг дворецкого позвали. Я подумал: «Что случилось?
Неужели догадались, что со мною приключилось?»

То Асмаг гонца прислала. Я сказал: «Позвать гонца!»
И любовное посланье получил от пришлеца.
Сердцем горестным пылая, я дивился без конца:
Мог ли я в моей печали покушаться на сердца!

Это смелое посланье счел неслышанным я дивом,
Но молчать в ответ девице было делом неучтивым,
Дал бы повод я к упрекам, порицаниям ревнивым,
И ответил на признание я письмом красноречивым.

Миновали дни за днями, с каждым днем я таял боле,
Уж не в силах с игроками выходить я был на поле.
Ко дворцу я не являлся, и лечился поневоле,
И долги платил исправно человечьей горькой доле.

Докучали мне лекарства, падал на сердце туман,
И никто не мог почуять жар моих сердечных ран.
Посоветовал немедля кровь пустить мне Фарсадан.
Я на это согласился: был на пользу мне обман.

Мне пустили кровь, и, грустный, снова я лежал в постели,
И опять гонец явился, как являлся он доселе.
Я велел ввести посланца и подумал: «Неужели
Это будет продолжаться? Кто я ей, на самом деле?»

Подал мне письмо посланец. Я прочел его до слова.
Эта девушка писала, что прийти ко мне готова.
Я ответил: «Приходи же, не вини меня сурово,
Я и сам приду немедля, твоего дождавшись зова».

Стал я думать: «Это дело неприятнее копья, —
Амирбар я, вождь индийцев, дорога мне честь моя.
Коль меня застанут с девой, опозорен буду я,
Навсегда меня изгонят в зарубежные края».

В этот день ко мне явился человек от Фарсадана.
Царь спрашивался о здоровье, не сочтись ль кровью рана.
Я ответил: «Успокойся, я очнулся от дурмана,
Скоро я к тебе приеду, милость мне твоя желанна».

Я поехал к государю. Он сказал: «Болезнь не надо!»
И заставил сесть на лошадь без военного наряда,
И взвилась за турачами быстрых соколов плеяда,
И стреляли там пернатых царедворцы из отряда.

И великий пир устроил, возвратившись, царь-отэц.
На пиру звенели арфы, услаждал гостей певец.
Роздал царь даров немало — самоцветов и колец.
Удостоились награды все, кто прибыл во дворец.

Побороть тоски не в силах, вечно думал я о милой,
И огонь любовный в сердце бушевал с великой силой,
И собрал своих друзей я, и прикинулся кутилой,
Пировал и пил я с ними, чтобы скрыть мой вид унылый.

Вдруг шепнул мне мой дворецкий: «Господин, у входа
в зданье
Просит некая девица амирбарова вниманья,
Лик ее закрыт вуалью, но достоин почитанья».
Я сказал: «Проси в покои. Я назначил ей свиданье».

Гости стали подниматься. «Стойте, — я сказал гостям, —
Продолжайте пир, покуда не вернусь я снова к вам». —
И прислужнику велел я не пускать гостей к дверям,
И свое скрепил я сердце, чтоб не впасть в великий срам.

Я вошел в опочивальню. Дева, кланяясь, сказала:
«Слава той благословенной, что к тебе меня послала!»
«Кто ж так кланяется милым? — удивился я немало. —
Будь она поискушенной, так вести б себя не стала».

«Стыдно мне перед тобою! — продолжала речь девица. —
Ты подумал, вероятно, что посмела я влюбиться.
Хорошо, что ты спокойно можешь к делу относиться.
Бережет меня, я вижу, всемогущая десница!

Витязь, я дрожу от страха, ибо втайне от людей
Ныне послана к тебе я девой царственной моей.
Столь неслыханная смелость подобает только ей.
Прочитай же эти строки и тоску свою развей!»

7. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

И увидел я посланье той, что сердце опалила.
«Лев, скрывай от света рану! — так вещал мне луч
светила. —
Я твоя, но что достойней — слабость жалкая иль сила?
Пусть Асмаат тебе расскажет то, что я ей говорила.

Жалкий обморок и слабость — их ли ты зовешь любовью?
Не приятней ли мидждуру слава, купленная кровью?
Нам обязаны хатавы дань представить по условию, —
Отчего ж мы потакаем их обману и злословию?

Я желаю выйти замуж за тебя давным-давно,
Но увидеться доселе было нам не суждено.
Лишь твой обморок недавно я заметила в окно,
Разузнать о происшедшем было мне не мудрено.

Вот совет тебе разумный: объяви войну хатавам,
Заслужи почет и славу в столкновении кровавом.
Чем кропить слезами розу, укрепись в сраженье правом!
Я ль твой мрак не осветила блеском солнца величавым!»

Тут Асмаат, забыв смущенье, речь со мною повела.
О себе скажу немного: радость душу залила,
Сердце сладко трепетало, стал кристален блеск чела,
Зарубинились ланиты жаждой счастья и тепла.

8. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И писал я, созерцая это дивное посланье:
«О луна, как может солнце превзойти твоё сиянье?
Пусть тебя не опечалит ни одно моё деянье!
Как во сне я, и не верю, что прошло моё страданье!»

Я сказал Аснат: «Не в силах ничего писать я боле!
Ты скажи ей: „О царица, ты как солнце в ореоле!
Ты меня вернула к жизни, исцелив от тяжкой боли!
Я служить тебе отныне по своей желаю воле!“»

И опять сказала дева: «Осторожен будь, мой брат!
Если ты проговоришься, сам ты будешь виноват.
Ты прикинуться обязан, будто любишь ты Аснат, —
Так велит тебе царица, чтоб ты мог проникнуть в сад».

Показалось мне разумным то, что дева говорила, —
Состязаться с ней не может и небесное светило,
Свет дневной её сиянье в сумрак ночи превратило,
И Аснат её заветы мне послушно повторила.

Дал Аснат я самоцветов в чаше золота литого.
«Не возьму, — она сказала, — подношенья дорогого!»
Лишь колючко весом в драхму приняла, промолвив слово:
«Пусть останется на память от безумца молодого!»

Так копье она из сердца извлекла рукой своей,
И ушла, и погасила жар губительных огней.
И к столу я возвратился, и обрадовал гостей,
И немалыми дарами одарил своих друзей.

9. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА К ХАТАВАМ И СВИДАНИЕ ЕГО С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

И приказ врагам хатавам я послал, составив строго:
«Всемогущий царь индийцев — царь, ниспосланный от
бога.

Тот, кто голоден, но предан, — от него получит много,
Тот же, кто ему изменит, — ищет сам к беде предлога.

Господин и брат на троне! Чтобы рознь была забыта,
Приезжай ко мне немедля — ты и царственная свита.
Не приедете, так сами к вам мы явимся открыто,
И тогда своей вы кровью напитаетесь досыта».

Я возрадовался духом, лишь гонец отъехал прочь.
Потушив огонь смертельный, ликовал я день и ночь.
Мне судьба тогда давала всё, к чему я был охоч,
А теперь со мной, безумцем, зверь способен изнемочь!

Рвался в путь я, но рассудок заставлял меня смириться,
Предо мной моих собратьев пировала вереница,
Я ж, охвачен пылкой страстью, был не в силах веселиться.
Проклиная мир мгновенный, снова начал я томиться.

Раз вернулся из дворца я, удостоенный почета.
Истомленного мечтами, не брала меня дремота.
Перечитывал письмо я, ждал я жизни поворота.
Вдруг слугу привратник кликнул и ему промолвил что-то.

Прибыл посланный рабыни. Вновь писала мне Асмат,
Чтобы я, пронзенный в сердце, приходил немедля в сад.
Радость душу озарила, развязала цепь преград.
Взяв слугу, я в путь пустился, нетерпением объят.

Сад был пуст. Войдя в ворота, здесь не встретил никого я.
Вдруг Асмат, сияя, вышла из заветного покоя.
«Извлекла, как видишь, витязь, шип из сердца твоего я:
Расцветающая роза ждет любимого героя!»

Подняла она завесу. Я увидел трон из золота,
Бадахшанскими камнями изукрашенный богато.
И на нем сияло солнце, не познавшее заката, —
В душу мне смотрели очи, как озера из агата.

Так стоял я, но ни слова не сказала дева мне,
Только ласково смотрела, как на близкого вполне.
<Уходи, — Асмат шепнула, — здесь с тобой наедине
Говорить она не будет». И ушел я, весь в огне.

До ворот меня рабыня в этот день сопровождала.
Я роптал: «Судьба, не ты ли здесь меня у врачевала?
Отчего же, дав надежду, ты еще суровой стала?»
Но наперсница царевны в утешенье мне сказала:

«Не горюй, что вы ни словом обменяться не успели!
Затвори приют страданья, пригласи к себе веселье!
Пред тобой она смутилась — дева, гордая доселе,
И девическую скромность предпочла в любовном деле».

«О сестра, — сказал я деве, — для меня лишь ты бальзам!
Заклинаю, будь мне другом, я за всё тебе воздам.
Шли ко мне свои посланья и, со мною пополам,
Благосклонное вниманье прояви к моим делам».

На коня я сел, поехал, не обласканный приветом,
До утра в опочивальне просидел я нераздетым.
Я, кристалл, рубин и роза, стал синей индиго цветом,
Утешался тьмою ночи, унывал перед рассветом.

Тут посланцы от хатавов возвратились налегке.
Изъяснялся хан подвластный на враждебном языке:
«Мы, хатавы, не трусливы, наша крепость на замке.
Что́ нам царь земли индийской? Разве мы в его руке?»

10. ОТВЕТ РАМАЗА И ПОХОД ТАРИЭЛА НА ХАТАВОВ

«Я, Рамаз, — писал властитель, — извещаю Тариэла: Удивляюсь, как дерзнул ты говорить со мною смело. Разве ты указчик хану, чьим владеньям нет предела? Прекрати свои писанья, до тебя мне нету дела!»

И тотчас же за войсками понеслись мои старшины. Многочисленны, как звезды, были Индии дружины. Из далеких мест и близких устремились их лавины И заполнили собою горы, скалы и долины.

Не задерживаясь дома, шли они на голос мой. Я собравшемуся войску смотр устроил боевой. Похвалил его убранство, быстроту и ратный строй, Хорезмийское оружье, легкость конницы лихой.

Тут я поднял над войсками стяг владыки черно-красный И велел без промедленья собираться в путь опасный, Сам же плакал и томился, удручен судьбой злосчастной: «Как покину я столицу, не увидевши прекрасной?»

Я пришел домой, не в силах превозмочь сердечной скуки, И сочились из запруды слезы горести и муки.

«О судьба, к чему ты клонишь? — я твердил, ломая
руки. —
Для чего безумцу роза, если с нею он в разлуке?»

И письмо — не диво ль это! — подал мне слуга опять. И опять Асмаг писала мне, возглавившему рать: «Приходи! Тебя царевна снова хочет увидеть. Это лучше, чем томиться и в разлуке увядать!»

Ты наполнила лучами сердце, полное тревог.
Буду я твоим, доколе не наступит смерти срок».

Клялся я над книгой клятвы, и она клялась со мною,
Подтвердив свои признанья этой клятвою святою.
«Если я, — она сказала, — изменю тебе, герою,
Пусть убьет меня создатель всемогущею рукою».

Ели сладкие плоды мы в этот сладкий миг свиданья,
Столь же сладостными были наши нежные признанья.
И, когда настало время горьких слез и расставанья,
От лучей ее горело сердце, полное сиянья.

Трудно было мне расстаться с лалом девственных ланит.
Мне казалось: мир мгновенный принимает новый вид.
Мне казалось: солнце в небе для меня лучи струит...
Ныне сердце без любимой затвердело, как гранит!

На коня вскочил я утром и велел трубить к походу.
Рать моя была готова сквозь огонь пройти и воду.
Лев, я вел ее к хатавам, деве царственной в угоду,
По нехоженным дорогам, недоступным пешеходу.

Я прошел рубеж индийский, шел с восхода до заката.
Мне посол навстречу вышел от Рамаза-супостата.
Речь его была искусна и притом замысловата:
«Задерут волков хатавских индостанские козлята».

Мне подарок драгоценный повелел вручить Рамаз
Со словами: «Умоляю, не ходи с войной на нас!
Мы, с ярмом твоим на шее, обещаем в этот раз,
Что детей и всё богатство отдадим тебе тотчас.

Ты прости нас и не сетуй на былые прегрешенья.
Если ты страну избавишь от войны и разрушенья,
Можешь с малою дружиной к нам прийти без
промедленья:
Мы сдадим тебе без боя крепостные укрепления».

Я собрал моих вазиров, и вазирьы мне сказали:
«Витязь, ты покуда молод, и поймешь врагов едва ли,
Мы ж коварство их на деле, как ты знаешь, испытали:
Смерть тебе они готовят, нам же — скорби и печали.

Ты возьми с собой дружину копьеносцев удалых,
Пусть войска идут за вами, посылая к вам связанных.
Коль хатавы не обманут, ты заставь поклясться их,
А не так — великим гневом покарай врагов своих».

Я послушался вазиров и послал известье хану:
«Мне твои известны мысли, спорить я с тобой не стану.
Жизнь тебе дороже смерти, — бойся, если я нагряну!
Нынче с малою дружиной к твоему я еду стану».

Триста витязей отважных я в своей оставил свите,
Но поблизости велел я войску следовать в укрытье.
Я сказал: «Куда б ни шел я, вслед за мною вы идите
И, когда пошлю за вами, мне немедля помогите».

Шел три дня я, и навстречу новый выехал гонец.
Хан мне слал одежд немало, и запястий, и колец.
Он писал мне: «Поскорее приезжай ко мне, храбрец, —
Всех даров моих прекрасных не вмещает мой дворец».

Он писал еще яснее: «Верь мне, витязь с сердцем
львиным:

Я спешу к тебе навстречу по горам и по долинам».
«По душе мне, — я ответил, — повидаться с властелином,
Встретив радостно друг друга, будем мы отцом и сыном».

Раз, когда мы задержались на окраине дубравы,
Снова, кланяясь бесстыдно, подошли ко мне хатавы,
Привели козей в подарок и воскликнули, лукавы:
«Хан тебя желает видеть, ибо ты достоин славы!

Хан клянется амирбару, что, забыв свои пиры,
Завтра встретит он героя и вручит ему дары».
Я из войлока поставил тем посланникам шатры,
Принял ласково и выдал для ночлега им ковры.

Не проходит в этом мире дело доброе бесследно!
Раз один из тех хатавов к нам пробрался незаметно.
«Послужить тебе, — сказал он, — я давно пытаюсь

тщетно,
Оказать тебе услугу, ибо предан беззаветно.

Дело в том, что твой родитель воспитал меня когда-то.
Я обязан об измене известить тебя, как брата.

Страшно мне, что будет роза ныне сорвана и смята.
Слушай, я тебе открою замышленья супостата.

Знай, мой витязь: эти люди обмануть тебя хотят.
В некоем месте их сигнала ждет стотысячный отряд.
Втрое большая дружина выйдет к вам наперехват.
Если ты не примешь меры — не воротишься назад.

Хан тебя с дарами встретит, будет льстить и унижаться.
Усыпив твоё вниманье, хитрецы вооружатся.
Войско выйдет из засады, лишь костры их задымятся.
Если ж тысячи нагрянут — одному куда деваться?»

Благодарностью ответил я на это извещение.
Я сказал: «Коль уцелею, дам тебе вознаграждение.
Уходи теперь обратно, чтоб не вызвать подозренье,
Если я тебя забуду, буду проклят в тот же день я».

Тайну вражескую эту не открыл я никому, —
Будь что будет, все советы одинаковы уму!
Но приказ с гонцом надежным выслал войску моему:
«Поспешите через горы к амирбару своему!»

Утром я велел хатавам передать письмо Рамазу:
«Хан Рамаз, спешу навстречу, я явился по указу!»
Снова шел я до обеда, не боясь дурного глаза,
Ведь кого судьба захочет, всё равно прикончит сразу.

Наконец завесу пыли заметил я с кургана.
«Вот идет Рамаз, — сказал я, — он раскинул сеть обмана,
Пусть мой меч непобедимый поразит злодея-хана!»
И тогда мою дружину со всего собрал я стана.

Я сказал дружине: «Братья, наши недруги — лгуны,
Обессилеть наши руки перед ними не должны.
Те, кто пал за государя, — к небесам вознесены.
Нам ли меч таскать без дела, коль настали дни войны?»

Зычным голосом в доспехи приказал себя облечь я,
И надели мы кольчуги, и надвинули оплечья,
И построил я дружину, и повесил сбоку меч я,
И обрек в тот день хатавов на страданья и увечья.

Мы приблизились. Хатавы, увидав сверканье стали,
Мне с великою досадою приближенного послали:
«Почему вы не свершили то, что нам пообещали?
Видя вас в вооруженье, мы в заботе и печали».

Я велел сказать Рамазу. «Знаю умысел я твой,
Но не быть тому, изменник, что задумано тобой!
Как велит обычай предков, выходи на смертный бой!
Взял я меч — и, значит, скоро ты простишься с головой!»

Удалился тот посланец, и его не слали боле.
Выдав замысел Рамаза, дым столбом поднялся в поле.
Войско вышло из засады, незаметное дотоле,
Но нанести мне поражение не смогло по божьей воле.

Взяв копье, простер я руку и закрыл лицо забралом
И в сраженье, полный рвенья, полетел с отрядом малым.
Я продвинулся на стадий в наступленье небывалом.
Но враги стояли твердо, образуя вал за валом.

Увидав густые толпы, прямо к ним рванулся я.
«Он безумец!» — закричали люди, в грудь себя бия.
Я пронзил передового, но сломал конец копья.
Меч! Хвала руке, которой сталь наточена твоя!

Я на стаю куропаток как орел слетел могучий,
Я бросал их друг на друга, громоздил из трупов кучи.
Те, кого метал я в воздух, камнем падали из тучи.
Перебил я в двух отрядах цвет их войска наилучший.

Но враги сомкнулись снова, окружив меня толпою,
Я разил их без пощады, проливая кровь рекою.
На седло мертвец валился переметною сумою.
Где лишь я ни появлялся, всё бежало предо мною.

Поздно вечером с кургана крикнул вражий караул:
«Не задерживайтесь боле! Божий гнев на нас дохнул!
Пыль над полем за клубилась, слышен грохот там и гул.
Неужели, вызвав войско, нас противник обманул?»

Оказалось: в самом деле, то индийцы подоспели,
День и ночь они спешили, чтоб помочь мне в трудном
деле.

Не вмещали их долины, не хватало им ущелий,
Громко били их литавры, выли трубы и свирели.

В бегство кинулись хатавы, не противясь нашей силе,
По полям кровавой битвы мы в погоню поспешили.
Из седла я выбил хана, мы мечи в бою скрестили,
Подоспевшие отряды всех людей его пленили.

Замыкающие наши брали всадников в полон,
Перепуганных и бледных, из седла их рвали вон.
За труды бессонной ночи каждый был вознагражден:
Вопль испуганных хатавов долетал со всех сторон.

Наконец с коней усталых мы сошли на поле брани.
Я, мечом поранен в руку, не заботился о ране.
Вкруг меня, дивясь, толпились все мои однополчане
И в восторге не решались нарушать мое молчанье.

И великого почета был тогда я удостоен:
Мне свои благословенья слал, ликуя, каждый воин.
Воспитатели дивились, как урок их был усвоен,
Ибо много я оставил ран глубоких и пробоин.

Я отряды за добычей разослал кого куда,
И они, обогатившись, возвратились без труда.
Тех, кто жаждал нашей крови, усмирил я навсегда,
И без боя предо мною отворились города.

Обратился я к Рамазу: «О твоей я знал измене!
Постарайся же загладить это злое преступленье,
Сдай войскам моим немедля крепостные укрепления,
Если будешь препираться, не видать тебе прощенья».

Отвечал Рамаз: «Отныне нет конца моим невздам,
Но доверь ты мне вельможу из моих владений родом,
Я пошлю его с указом к подчиненным воеводам,
Чтобы мог ты утвердиться над страной и народом».

С тем доверенным вельможей я послал моих людей.
Крепостные воеводы появились у дверей.
И сдальсь мне без сраженья много разных крепостей...
С чем сравню я груды злата в новой вотчине моей!

Лишь тогда по Хатаети я прошел как победитель.
Мне казну сдавал немедля в каждом городе правитель.
Я сказал. «Пускай индийцев не страшится мирный
житель,
Я людей не жгу лучами, ибо я не погубитель!»

Все сокровищницы были переполнены казною.
Я не мог бы перечислить всех богатств, добытых
мною, —
Там пленился покрывалом рядом с шубкой дорогою, —
Ты и сам бы восхитился дивной прелестью такою!

Из какой, не понимаю, изготовленные ткани,
Всех они очаровали, как небесное созданье.
Ни парчи они, ни пряжи не имели в основанье,
Но подобны были стали, изливающей сиянье.

Их для девы светоносной я в подарок приберег.
И на тысяче верблюдов отослал царю оброк, —
Был любой из тех верблюдов и красив и крепконог...
Я хотел, чтоб доброй вести царь порадоваться мог.

11. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ЦАРЮ ИНДИЙСКОМУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕГО НА РОДИНУ

«Счастлив ты, о царь великий! — написал я Фарсадану. —
Вероломство и измена не пошли на пользу хану.
Не кори, что с запозданием шлю я вести Индостану:
Скоро я с плененным ханом пред тобою сам предстану».

Я привел страну в порядок и, как требовал обычай,
Поспешил из Хатаети с драгоценною добычей.
Мне верблюдов не хватило, снарядил я поезд бычий,
Увенчал себя я славой, удостоенный отличий.

Повелителя хатавов вез с собой я на коне.
Фарсадан, отец названный, встретил нас в родной стране.
Он хвалил меня и славил, и, утешенный вполне,
Мягкой белою повязкой повязал он рану мне.

И устави́ли всю площадь драгоценными шатрами,
Чтоб на радостях со всеми мог я видеться друзьями.
Здесь возлюбленный владыка пировал, ликуя с нами,
И сидел со мною рядом, и дарил меня дарами.

До утра мы веселились, пили снова мы и снова
И в столицу возвратились после пиршества ночного.
Царь сказал: «Позвать дружину! Ради праздника такого
Я желаю видеть пленных и Рамаза-пустослова!»

И плененного Рамаза я доставил в зал дворца.
На него взглянул владыка, как на глупого юнца.
Не хотел и я порочить двоедушного лжеца:
Униженье беззащитных недостойно храбреца.

Фарсадан ласкал хатава, угощал его обедом,
Как заботливый хозяин, снисходил к его беседам.
Наконец меня позвал он и спросил перед рассветом:
«Заслужил ли он прощенья, находясь в позоре этом?»

Я осмелился ответить: «Так как бог прощает грешным,
Будь и ты добросердечен с этим плутом безутешным».
Царь сказал ему: «Прощаю и тебе, и всем мятежным,
Но смотри не попадайся, коль к делам вернешься
прежним!»

Десять тысяч драхм владыке уплатить поклялся хан,
Сверх того шелков хатавских привезти из дальних стран.
Царь одел его и свиту, выдал каждому кафтан
И вернул им всем свободу, невзирая на обман.

С благодарностью смиренной принял пленник эти вести:
«Бог меня жалеть заставил, что пошел я против чести,
Если снова согрешу я, заколи меня на месте!»
И уехал он, и свита ускакала с ханом вместе.

На заре от Фарсадана человек ко мне явился:
«Уж три месяца, мой витязь, как с тобой я распростился!
Я не ездил на охоту и по дичи истомился, —
Приезжай ко мне немедля, если ты не утомился».

Нас охотничьи гепарды ожидали с ранних пор,
Статных соколов сокольник выносил на царский двор.
Мой владыка солнцеликий был одет в простой убор,
Лишь вошел я — и весельем загорелся царский взор.

В это утро втихомолку царь сказал своей супруге:
«Посмотреть на Тариэла рвутся люди из округи,
Веселит он людям сердце, исцеляет их недуги,
Потому тебя, царица, об одной прошу услуге:

Так как нашей юной дочке быть назначено царицей,
Пусть она, краса Эдема, поразит сердца сторицей.
Посади ее с собою на пиру пред всей столицей,
Я приду, вернувшись с поля, любоваться светлолицей».

Мы охотились в долине у подножья диких скал.
Много было гончих в поле, сокол в воздухе витал.
Но, не кончив перехода, царь вернуться пожелал,
Даже тех, что в мяч играли, на второй игре прервал.

Люди ждали нас на кровлях и толпились на майдане.
Я, как воин-победитель, ехал в пышном одеянье.
Бледнолицый, словно роза, привлекал я их вниманье,
И немало любопытных потеряло там сознание.

Я украшен был чалмою, что судьба мне в дар послала,
И она своей красою мне величья придавала.
Царь сошел с коня, и вместе мы вошли под своды зала,
И увидел я светило, и душа затрепетала!

В золотистом одеянье, роем дев окружена,
Появилась предо мною, лучезарная, она.
Блеском дивного сиянья озарилась вся страна,
В розах губ блистали перлы, изливая пламена.

Руку я носил в повязке из тончайшего виссона.
Увидав меня, царица поднялась, ликуя, с трона,
Целовала, словно сына, говорила благосклонно:
«Не оправятся хатавы после этого урона».

Сел я рядом с государем, это мне приятно было:
Предо мною восседала та, чей лик светлей светила.
Я тайком смотрел на деву, взор она не отводила,
Без нее мне жизнь казалась ненавистной, как могила.

И опять приличный сану царь устроил пышный пир,
И таких пиров веселых не видал доселе мир.
Там на кубках красовались бирюза, рубин, сапфир,
Там не смел остаться трезвым ни дружинник, ни вазир.

Отдавался я веселью, обожанием томимый,
Потухал от нежных взоров мой огонь неугасимый,
Но, людей остерегаясь, я скрывал восторг незримый...
Есть ли что на свете слаще созерцания любимой?

Царь велел певцам умолкнуть. Люди головы склонили.
«Тариэл, — сказал владыка, — нас обрадовал не ты ли?»

Мы, как видишь, веселимся, а хатавы приуныли.
Весь народ тобой гордится и твоей дивится силе.

В драгоценные одежды мы должны тебя облечь,
Твоего, однако, платья мы снимать не будем с плеч.
Сто сокровищниц в награду дам тебе я, кончив речь,
Можешь сшить наряд по вкусу, остальное приберечь».

Снова царь воссел довольный. Снова арфы заиграли,
Снова мы, певцам внимая, безмятежно пировали.
Нас покинула царица, только сумерки настали,
Мы ж до ночи веселились, позабыв свои печали.

Наконец из достаканов больше пить не стало мочи.
Я ушел в опочивальню, лишь настало время ночи.
Жег меня огонь любовный с каждым часом всё жесточе,
Ликовал я, вспоминая, как ее смотрели очи.

И сказал мне мой прислужник: «Вся закутана чадрой,
Витязь, некая девица хочет видеться с тобой».
Я вскочил с дрожащим сердцем, встретил деву как
шалальной,
И наперсница царевны проскользнула в мой покой.

Встретил я Асмат с восторгом, не позволил поклониться,
Посадил с собою рядом, чтоб беседой насладиться,
Стал расспрашивать: «Скажи мне, как живет моя
царица —
Та, с кем дерево алоэ красотою не сравнится?»

Говори о том светиле, что свело меня с ума!»
«Витязь, — молвила девица, — всё скажу тебе сама.
Во дворце друг другу нынче вы понравились весьма,
Остальное, коль захочешь, ты узнаешь из письма».

12. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ЕЕ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Вот посланье той, чей образ пламенеет над вселенной:
«Витязь, ты сиял сегодня, словно камень драгоценный!
На коне ты мчался лихо, красотой дивил отменной, —
Сладких слез моих причина мне казалась несравненной».

Восхвалять тебя должна я от восхода до заката,
Но, увы, с тобой в разлуке, я отчаяньем объята.
Ради льва лелеет солнце прелесть розы и агата,
И клянись тебе светилом, что верна тебе я свято.

И хотя ты не напрасно проливаешь слез поток, —
Не печалься, умоляю, — горе витязю не впрок.
Кто из нас собою краше, это знает только бог.
Я хочу, чтоб ты вуалью красоту мою облек.

Ты укрась меня вуалью чужестранной, дорогою,
Чтоб прекрасный твой подарок неразлучен был со мною.
Сам носи мое запястье, я дарю его герою, —
Память этой дивной ночи да пребудет век с тобою!»

Застонав при этом слове, словно зверь в ночи туманной,
Тариэл запястье тронул: «Вот он, дар моей желанной!»
Снял с руки его, рыдая, удручен душевной раной,
И, прильнув к нему устами, пал на землю бездыханный.

Как мертвец перед могилой, он лежал, тоской убит.
На груди темнели пятна от ударов о гранит.
Бледный лик Асмат терзала, исторгая кровь ланит,
И водою орошала друга, мертвого на вид.

Автандил смотрел на брата, полный горя и волнения.
Слезы девы прожигали неподвижные камни.
Наконец очнулся витязь и сказал через мгновение:
«Кровь моя — добыча рока. Как не умер в этот день я?»

Бледный, он присел на ложе, посмотрел как бесноватый.
Принимая цвет шафрана, роза стала желтоватой.
И молчал он долго-долго, удручен своей утратой,
И не радовался жизни, безнадежностью объятый.

И сказал он Автандилу: «Хоть темно мое сознание,
Для тебя я попытаюсь довершить повествование,
Потому что встреча с другом порождает упование...
Удивляюсь, как живу я, несмотря на все терзания.

Так Асмат сестры дороже стала сердцу моему,
Мне дала она запястье — дар, приложенный к письму.
Я сказал, что то запястье девы с радостью приму,
Ей же дал вуаль из ткани, не известной никому».

13. ПОСЛАНИЕ ТАРИЭЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ И СВАТОВСТВО НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Я писал в ответ: «О солнце! Свет, ниспосланный тобою,
Усмирив мою отвагу, овладел сегодня мною.
Как безумец, упиваюсь я твоею красотой. . .
Чем воздам тебе за это, если я вниманья стою?»

Раньше я в живых остался по твоей лишь благостыне,
И опять меня, безумца, ошастливила ты ныне.
Для меня твое запястье драгоценнее святыни, —
С ним, веселием объятый, забываю я унынье.

Видит бог, твое желанье я хотел предупредить!
Я вуаль тебе за счастье почитал бы подарить.
О, приди ко мне на помощь! Помоги безумцу жить!
Разве я кого другого в состоянье полюбить?»

Дева тотчас удалилась. Я задумался устало.
И царевна предо мною в сновидении предстала.
Вздрогнул я и пробудился, и ее как не бывало.
Вспоминая голос милый, я уже не спал нимало.

Рано утром царь с царицей во дворец меня позвали.
Я, покорный властелину, появился в царском зале.
Царь с царицей, три вазира там большой совет держали.
Мне они, как амирбару, сесть напротив приказали.

Царь сказал: «По божьей воле мы — на склоне наших
дней.
Время старости подходит, время бедствий и скорбей.
Даровал нам бог царевну, не послал нам сыновей.
Мы ее, как сына, любим и заботимся о ней.

Нынче мы царевну браком сочетать должны законным.
Ей супруг достойный нужен. Где, скажи, найти его нам?
Будет он хранить державу и владеть индийским тронном,
Угрожать стране войною он не даст иноплеменным».

Я сказал: «Прискорбно сердцу, что творец вам не дал
сына!

Но прекрасная царевна — упование господина.
Породниться с вами — счастье для любого властелина.
Вам, правителям, известен образ свадебного чина».

Мы советовать стали. Я от горя помертвел,
Понимая, что не в силах изменить течение дел.
Царь сказал мне: «Шах Хорезма горделив, могуч
и смел, —

Если он отдаст нам сына, будет сладок наш удел».

Было видно: царь с царицей предрешили всё заране,
Слишком явно на совете совпадали их желанья.
Я вступить с моим владыкой не решился в пререканье
И молчал, как прах ничтожный, потерять боясь сознанье.

«Шах, — промолвила царица, — государь весьма
отменный,

Будет сын его под пару нашей дочке несравненной».
Что я мог сказать на это ей, владычице надменной?
Согласился я, несчастный, запятнал себя изменой.

Царь отправил к хорезмийцу наилучших из людей:
«Шах! Наследника престола я лишен в семье моей.
Я взрастил царевну-дочку, не имея сыновей,
Да прибудет твой царевич и супругом будет ей!»

Люди быстро возвратились, отягченные дарами.
Шах ответил им такими благосклонными словами:
«Даровал нам вседержитель то, что мы желали сами.
Кто ж откажется от девы? Нет такого между нами!»

И опять за нареченным царедворцы полетели:
«Не задерживайся, витязь, и не медли в этом деле!»
Как-то раз, устав на поле, я лежал в своей постели.
Сердце, горестью томимо, не мечтало о веселье.

Мне ножом пронзить хотелось сердце, полное тоской...
Вдруг Асмат слугу прислала с вестью краткою такой:

«Та, чей стан стройней алоэ, хочет видеться с тобой.
Приходи немедля, витязь, в башню девы молодой!»

На коня я сел, поехал и вошел в ее ограду,
И Асмат у входа в башню повстречал, пройдя по саду.
Я печаль ее заметил по слезам ее и взгляду,
И, встревоженный, не смел я про свою спросить отраду.

Скорбь сестры моей названной в этот день меня
смучила, —
Дева, как бывало раньше, не смеялась, не шутила,
Не сказала мне ни слова, только плакала уныло,
Заронив тревогу в сердце, ран моих не исцелила.

Эта плачущая дева, не вступая в разговор,
Провела меня в покои и откинула ковер,
И увидел я царевну, и узнал ее убор,
Но лучи ее не грели, как бывало до сих пор.

Упадало на завесу от нее подобье света,
Но была она небрежно в этот скорбный час одета.
В том же платье изумрудном, на тахте того же цвета
Вся в слезах сидела дева, на поклон не дав ответа.

Как на выступе утеса громоносная тигрица,
На меня смотрела гневно омраченная девица.
Ни луна, ни солнце в небе не могли бы с ней сравниться. . .
Наконец она привстала предо мной, молниелица.

«Лжец! — воскликнула царевна. — Верно, нет в тебе
стыда,
Коль, нарушив слово клятвы, ты посмел войти сюда!
Бог воздаст тебе за это, жди теперь его суда!»
Я сказал: «Открой, о солнце, в чем она, моя беда?»

Как могу я оправдаться, коль тебя не разумею?
За какие преступления пред тобою я бледнею?»
Но она мне отвечала: «Что слова тебе, злодею!
Обманулась я по-женски, став возлюбленной твоею!

Отдают меня насильно за царевича чужого,
Ты на это согласился, не сказал отцу ни слова.
Ты свою нарушил клятву, ты похож на пустослова,
И отныне за притворство я отмстить тебе готова.

Иль не помнишь, вероломный, как ты плакал и стонал,
Как тебе лекарство лекарь приносил и подавал?
С кем теперь сравню тебя я, переменчивый бахвал?
От тебя я отрекаюсь, ибо ты неверен стал.

Будь владыки наши правы, будь они совсем не правы, —
Кто б ни правил Индостаном, я — наследница державы!
Я не дам тебе, изменник, продолжать твои забавы:
Ты лукав, и все стремленья у тебя, как ты, лукавы.

Я тебя заставлю скрыться из отцовского предела.
Не уйдешь по доброй воле — улетит душа из тела!
Ты подобной мне не сыщешь, как бы сердце ни болело!»
«Горе мне!» — при этом слове стон раздался
Таризла.

Я тогда воспрянул духом от таких ее речей.
И взглянул, подняв зеницы, в глубину ее очей.
Удивляюсь, как живу я, разлучен навеки с ней!
Почему, о мир коварный, жаждешь крови ты моей!

На ковре Коран открытый я заметил пред царевной.
Взяв Коран, прославил бога я молитвою душевной.
Я сказал: «Меня, о солнце, ты спалила речью гневной,
Но послушай, что скажу я о судьбе моей плачевной.

То, о чем скажу тебе я, будет правдою святою,
Коль солгу, пускай всё небо потемнеет надо мною!
Ты сама сейчас увидишь: не запятнан я виною!»
«Говори!» — она сказала и кивнула головою.

Я сказал: «Коль словом клятвы я, несчастный,
пренебрег,
Пусть и молнии и громы на меня обрушит бог!
Разве я любви блаженство без тебя изведать мог?
Разве я живым останусь, коль пронзит меня клинок?

Царь меня в свои чертоги пригласил на совещанье.
Чужестранного супруга он избрал тебе заране.
Что я мог с царем поделать, затевая пререканья?
Согласился я, на время затаив свои страданья.

Как я мог с владыкой спорить, если он не понял ясно,
Что стране без государя быть поистине опасно?

Я один имею право здесь царить единовластно.
Пусть идет сюда царевич. Он идет сюда напрасно!

Я сказал себе: «Подумай, нужно выбрать новый путь,
Поразмыслив на досуге, легкомысленным не будь».
Уж хотелось мне, как зверю, убежать куда-нибудь,
Но тебя, мое светило, разве мог я обмануть?

Ради сердца, как на рынке, торговал я там душою...»
Ливень, розу леденивший, вдруг повеял теплотою.
Ряд сияющих жемчужин приоткрылся предо мною.
«Если так, — сказала дева, — не запятнан ты виною.

Разве я могу поверить, что избрал ты путь обмана,
Что гретишь ты против бога над страницами Корана!
Ты руки моей немедля попроси у Фарсадана,
Чтоб воссесть тебе на троне государем Индостана!»

Тут она, забыв о гневе, стала ласкова со мной, —
То ль сошло на землю солнце, то ли месяц молодой.
Обласкала и впервые усадила пред собой,
В сердце нежными словами потушила пламень мой.

«Мудрецу, — она сказала, — торопиться не пристало,
Поступить он так обязан, чтоб душа не горевала.
Если ты удержишь гостя, поразит тебя опала,
И тогда над Индостаном разразится бед немало.

Если ж гость сюда приедет и решит на мне жениться,
Мы расстанемся и в траур обратится багряница.
Будем мы с тобою плакать, а владыки веселиться.
Нет, не должно чужестранцу в Индостане утвердиться!»

Я сказал: «Не дай-то боже, чтоб приехал к нам жених!
Лишь придут хорезмийцы, я сумею встретить их.
Пусть они узнают силу и проворство рук моих.
После битвы мы посмострим, что останется от них!»

Но царевна отвечала: «Не велит рассудок здравый,
Чтобы я была причиной этой ярости кровавой.
Лишь царевича убей ты, не грози другим расправой.
Куст сухой зазеленеет там, где суд творится правый.

И Давар с великой бранью на царевну напустилась...

И браслет из дивных перлов был вручен ему царицей...

14. ПРИЕЗД ХОРЕЗМИЙСКОГО ЦАРЕВИЧА И ГИБЕЛЬ ЕГО ОТ РУКИ ТАРИЭЛА

«Государь, жених приехал!» — объявил царю глашатай.
Мог ли знать жених, какою бог грозит ему расплатой?
Позабыл печаль владыка, светлой радостью объятый,
И велел мне сесть с собою в царской горнице богатой.

Царь сказал: «Да будет ныне день великого веселья!
Свадьбу радостную справлю посреди своих земель я.
Пусть сокровища немедля принесут из подземелья!
Скупость — признак скудоумья. Всё раздам, чем жил
досель я!»

За сокровищами тотчас я послал моих людей.
Хорезмиец вскоре прибыл с пышной свитой своей.
Горожане и вельможи вышли чествовать гостей.
Для собравшегося войска не хватало площадей.

Царь сказал: «Украсьте город драгоценными шатрами!
Пусть приехавший царевич отдыхает там с друзьями.
Прикажи войскам, чтоб вышли пир отпраздновать
с гостями.
Сам же, встретив хорезмийца, оставайся вместе с нами».

Площадь красными шатрами мы устави́ли мгновенно.
Хорезмиец въехал в город и сошел с коня степенно.
Царедворцы из покоев шли к нему — за сменой смена,
И войска вокруг стояли, собираясь постепенно.

Всё, что надобно, исполнив, я к себе вернулся в дом.
Утомившись на приеме, я хотел забыться сном.
Вдруг Асма́т раба прислала с запечатанным письмом:
«Та, чей стан стройней алоэ, ждет тебя в саду своем».

Я поехал, но у башни лишь одна Асмат рыдала.
Я спросил: «О чем ты плачешь, завернувшись
в покрывало?»

«Витязь, — молвила девица, — больше сил уже не стало
Защищать твои поступки. Я гожусь на это мало».

Мы вошли. И, словно солнце, освещая тьму алькова,
На меня взглянула дева раздраженно и сурово.
«Что ты ждешь? — она спросила. — Разве жертва
не готова?»
Иль опять меня забыл ты? Иль обманываешь снова?»

Прочь я бросился от девы и воскликнул, весь в огне:
«Будешь знать, кого люблю я и на чьей я стороне!
Разве доблесть полковсдца изменила нынче мне,
Чтобы деве приходилось понуждать меня к войне?»

Сотню воинов я поднял и сказал: «Готовьтесь к бою!»
И на площадь через город полетели мы стрелюю.
Возлежал жених на ложе, распростертый предо мною.
Не пролив ни капли крови, он простился с головою.

Я схватил его за ноги и о столб шатра с размаха
Головой его ударил. Стража вскрикнула от страха.
Я вскочил в седло, помчался, поднимая тучи праха.
Был на мне шелом походный и кольчужная рубаха.

Слух прошел среди народа, что на площади резня.
Отбиваясь от погони, гнал я верного коня.
Некий город укрепленный был в то время у меня.
Там я скрылся за стеною, участь горькую кляня.

И приказ войскам отправил с человеком в тот же день я:
«Тот, кто мне помочь желает, пусть придет без
промедленья»,

И до полночи глубокой, исполняя повеленье,
К крепостным моим воротам подходили подкрепленья.

Встал я с утренней зарею, свел отряды воедино
И увидел трех придворных, что пришли от властелина.
Царь вещал мне: «Бог свидетель, я взрастил тебя, как
сына,

Ныне я в тоске и горе. Ты один тому причина.

Ты зачем мой дом, безумец, этой кровью запятнал?
Если дочь мою любил ты, отчего мне не сказал?
Престарелый твой наставник, от страданий я устал
И тебя перед кончиной безвозвратно потерял!»

«Царь, — ответил я владыке, — я выносливей металла,
Оттого меня доселе пламя смерти не пожрало.
Но царям, владыкам нашим, правый суд творить
пристало!
Знай же, царь: твоей царевны не желаю я нимало.

Города, дворцы и троны украшают нам державу.
Я — законный их наследник по рождению и праву.
Все цари поумирали, ты стяжал на троне славу, —
Твой престол теперь за мною остается по уставу.

Царь, ты сына не имеешь, у тебя лишь дочь — девица.
Если ты на трон индийский нам посадишь хорезмийца,
Что взамен себе добуду я, законный сын индийца?
Нет, покуда меч со мною, здесь пришлец не воцарится!

Выдавай царевну замуж, не давай видаться нам,
Я же Индию другому добровольно не отдам.
Тех, кто будет мне перечить, разорву я пополам,
Мне помощников не нужно, я расправлюсь с ними сам».

15. ТАРИЭЛ УЗНАЕТ О ПОХИЩЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Отослав вельмож обратно, я с ума сходил от боли:
Солнцеликую покинув, о ее не знал я доле.
Раз поднялся я на башню и с тоской взглянул на поле.
И тому, что там увидел, ужаснулся поневоле.

Два каких-то пешехода шли дорогою степною —
То Аснат ко мне спешила с провожающим слугою.
Вся в крови, без покрывала, с обнаженной головою,
Мне она не улыбалась, не здоровалась со мною.

Я едва не обезумел, полный горя и забот.
«Что случилось? — я воскликнул. — И к чему он, твой приход?»

И ответила мне дева, восклицая у ворот:
«Почернело наше небо от страданий и невзгод!»

Я спустился к ней навстречу, стал расспрашивать я
снова.

Дева горько зарыдала, безутешна и сурова.
Долго мне она, бедняжка, не могла сказать ни слова.
Кровь из ран ее сочилась и текла на грудь, багрова.

Наконец она сказала: «Не избыть судьбы постылой!
Как обрадую тебя я, так и ты меня помилуй,
Будь ко мне добросердечен, обручи меня с могилой,
Разлучи с мгновенной жизнью, столь жестокой и
немилой.»

Лишь убил ты хорезмийца, разнеслась о том молва.
Царь, услышав об убийстве, был в отчаянье сперва.
За тобой послал он стражу, сыпал гневные слова.
Люди в поисках убийцы с ног не падали едва.

Наконец царю сказали: «За ворота витязь скрылся!»
Царь ответил: «Понимаю, как на это он решился, —
Он любил мою царевну, за нее с врагами бился,
Чтобы ею любоваться, увидеть ее стремился.

Но клянусь я головою, что разделаюсь с сестрою, —
Божий путь она забыла и связалась с сатаною,
В сеть бесовскую толкнула деву собственной рукою...
Будь я проклят, коль оставлю эту сводницу живою!»

Царь не клялся головою, даже гневом обуян,
А поклявшись этой клятвой, не вводил людей в обман.
Тотчас кто-то из придворных, позабыв высокий сан,
Рассказал Давар-колдунье, что задумал Фарсадан.

Вот что он донес, проклятый, той колдунье из Каджети:
«Брат твой клялся головою, что не жить тебе на свете».
«Видит бог, — Давар сказала, — понапрасну я в ответе!
Невиновна я, но знаю, кто подстроил козни эти!»

В дорогой своей вуали, истомленная душевно,
Как всегда, красой сияла госпожа моя царевна.
Вдруг Давар вбежала в башню и, бранясь, вскричала
гневно:
«Это ты мне, потаскуха, здесь вредила ежедневно!»

Ты, блудница, амирбара на убийство навела!
Почему должна я кровью за твои платить дела?
Разве я была с тобою неуживчива и зла?
Дай же бог, чтоб Таризела ты вовеки не нашла!»

И Давар с великой бранью на царевну напустилась,
С криком волосы рвала ей, колотила и глумилась.
Солнцеликая царевна лишь вздыхала и томилась,
И помочь ей, беззащитной, я от страха не решилась.

И тогда вошли с ковчегом два раба, по виду каджи.
Лица были их ужасны и тела чернее сажи.
И втокнули в глубь ковчега нашу деву эти стражи,
И ни просьб ее, ни стонов не хотели слушать даже.

И ушли они, и к морю унесли ее в челнок.
«Горе мне! — Давар вскричала. — Истекает жизни срок!»

Но не царь со мной покончит, а железный мой
клинок!» —
И, пронзив себя кинжалом, пала мертвой на порог.

Отчего ж ты не дивишься, что осталась я живою?
Возвестительница горя, я сочувствия не стою!
Поступай со мной как хочешь, разлучи меня с душою!» —
Так Асмат мне говорила и рыдала предо мною.

Я сказал: «Сестра, опомнись! Смерти ты не заслужила!
Что, скажи, я должен сделать, чтоб найти мое светило?
Все моря я вслед за нею обойду, подняв ветрило!»
Так ответил я, но сердце, словно камень, вдруг застыло.

Обезумел я от скорби, охватил меня озноб.
Но подумал я: «Безумец! Ты сведешь себя во гроб!
Лучше странствовать по морю и скитаться средь трущоб,
Пусть друзья идут с тобою, не боясь пустынных троп!»

Возвратился я в покой и надел вооруженье,
Полтораста добровольцев взял с собой для услуженья.
Отворили мы ворота, миновали укрепленья,
И с дружиною у моря очутился в тот же день я.

На корабль я погрузился, по морским поплыл просторам,
Проходящие галеры стал держать я под надзором,
Но не встретил я царевну, и скорбел с потухшим взором,
И безумствовал, бессильный перед божьим приговором.

Год прошел, и каждый месяц был длиннее двадцати.
Даже тех, кто знал о деве, я не в силах был найти.
Друг за другом умирали корабельщики в пути.
Божья воля! Человеку против бога не идти!

Я корабль направил к суше. Мне скитанья надоели.
Как у загнанного зверя, затвердело сердце в теле.
Все, кто жив со мной остался, разбрелись куда хотели.
Но не бросит бог скитальца, столь гонимого доселе!

Два раба со мной остались и несчастная Асмат.
Мне служили утешеньем много дней они подряд.
Малой вести, весом в драхму, был бы я в то время рад!
Плач казался мне отрадой, слезы падали как град.

16. ВСТРЕЧА ТАРИЭЛА С НУРАДИН-ФРИДОНОМ

Раз по берегу я ехал, посреди садов зеленых,
Вдалеке виднелся город и пещеры в горных склонах.
Люди были мне противны, изливал я душу в столах,
И коня остановил я средь деревьев густокронных.

Я заснул среди деревьев, слуги хлебы преломили.
Пробудившись, я заплакал, удержать печаль не в силе.
Не слышал я о царевне ни случайной лжи, ни были,
Оттого поля и степи слезы горькие кропили.

Вдруг раздался крик у моря. Я взглянул перед собой,
Вижу: мчится гордый витязь, в руку раненный стрелой.
Он держал меча обломок, кровь текла с него струей,
Он выкрикивал угрозы, вызывал врага на бой.

Вороним конем он правил — тем, которым я владею.
Конь летел, подобно ветру, на лету сгибаемая шею.
Я уведомил пришельца, что о нем я сожалею,
Я велел спросить, какому угрожает он злодею.

Не сказал ни слова витязь. И вскочил тут на коня я
И помчался, и воскликнул, незнакомца нагоняя:
«Ты куда несешься, витязь, дух во мне воспламеняя?»
И понравился герою полный жгучего огня я.

«Это древо, — он промолвил, — краше всех иных деревьев!
Я тебе открою, витязь, отчего я впал во гнев.

Враг мой, слабый, как козленок, возгордился, словно
лев.

Он разбил нас, безоружных, и рассеял, одолев».

Я ответил: «Успокойся, отдохни под дубом старым!
Добрый витязь не робеет, поражен меча ударом».
И пошли мы, словно братья, разговаривая с жаром,
И красой его чудесной любовался я недаром.

Мой слуга, искусный лекарь, с кем я странствовал
доселе,
Острия извлек умело стрел стальных, застрявших в теле.
Стал я спрашивать героя, как убить его хотели,
И тогда мне этот витязь о своем поведал деле.

Он сказал мне: «Я не знаю, кто ты, славный мой ездок,
Почему, гонимый роком, побледнел ты и поблек,
Отчего утратил свежесть и увянул, как цветок,
Почему свой дивный светоч потушить решился бог!

Государь Мульгазанзара, Нурадин-Фридон, отныне
Я и сам перед тобою в униженье и унынье.
Ты теперь в моих владеньях. Город мой внизу, в долине.
Невелик он, но красивей ты не встретишь на чужбине.

Дед мой, царь земель окрестных, чужа смерти
приближенье,
Меж отцом моим и дядей поделил свои владенья.
Остров — тот, что виден в море, — составлял мое именье,
Ныне дядя с сыновьями захватил его в сраженье.

Соколиную охоту я затеял нынче днем,
Побывать хотел я также и на острове моем.
Я сказал моей дружине: «Ждите нас, и мы придем», —
И с сокольничими в лодку мы уселись впятером.

Отказавшись от охраны, мы проехали заливом
И на острове нежданно с дядей встретились спесивым.
Я его не остерегся и, охотясь над обрывом,
Оглашал окрестность криком, своевольным и
счастливым.

Нужно было мне на дядю обратить тогда вниманье!
Он расправиться со мною отдал людям приказанье,
Сам же сел с сынами в лодку, чтоб отрезать путь к
охране.
Вместе с ловчими моими очутился я в капкане.

Услыдав чужие крики и заметив блеск мечей,
Я от берега отчалить поспешил в ладье моей.
Враг встречал меня повсюду, налетев, как вал морей,
Но не мог со мною сладить ради прихоти своей.

Вижу: с острова погоня вслед за мною поспешила,
Ведь лицом к лицу сражаться им со мною трудно было,
Потому меня из луков поразить старались с тыла...
Пополам мой меч сломался, стрел в колчане не хватило.

В руку раненный стрелою, окруженный супостатом,
Я из лодки прыгнул в море на коне моем крылатом,
И, хотя погибших ловчих я оставил навсегда там,
Сам живым я возвратился, отразив врага булатом.

Всё грядущее от бога. Ныне я убог и сир,
Но за кровь мою сумею образумить я задир.
Будет жаловаться дядя, проклянет он божий мир,
Стаи воронов слетятся на его загробный пир!»

Мне, убогому скитальцу, полюбился витязь встречный.
Я сказал: «Спешить не надо, мой воитель безупречный!
Мы с тобой врагов накажем, заключив союз
сердечный, —
Нам ли, воинам, страшиться их победы скоротечной!

Ты еще не знаешь, витязь, как судьба играет мною.
Будет время — на досуге душу я тебе открою».
Он ответил: «Что сравниться может с радостью такою?
Должником до самой смерти буду я тебе, герою!»

Невелик был, но прекрасен град Фридона. В знак печали
Пеплом голову посыпав, нас войска его встречали,
Рвали волосы от горя, на себе одежды рвали,
Рукою меча владыки, обнимая, целовали.

Другу новому Фридона, мне они твердили вслед:
«Ты несешь нам, о светило, избавление от бед!»
И вошли мы в дивный город, полный редкостных примет,
Где в парковую одежду каждый житель был одет.

17. ТАРИЭЛ ПОМОГАЕТ ФРИДОНУ ПОБЕДИТЬ ВРАГА

Скоро витязь исцелился и со мной сравнился в силе.
Войско мы вооружили и галеры оснастили.
Сколь отрадно было видеть наших ратей изобилье!
Вот мое повествованье, как врага мы истребили:

Враг в железные шелома нарядил свою дружину,
На восьми ладьях огромных он явился к властелину.
Я, завидев эти лодки, устремился в середину
И, толкнув одну ногою, погрузил ее в пучину.

Тотчас я руками за нос взял соседнюю ладью
И мгновенно опрокинул, сокрушив ее в бою.
Остальные друг за другом в гавань бросились свою.
Все, кто были в том сраженье, храбрость славили мою!

Предназначив наши жизни переменным судьбам боя,
Мы в погоню за врагами понеслись под шум прибоя.
Мне понравилась в сраженье доблесть юного героя:
Храбр — как лев, лицо — как солнце, стан — как дерево
алоэ.

Он из седел друг за другом выбил дядю с сыновьями,
Он велел отсечь им руки перед нашими рядами.
Враг, захваченный в неволю, плакал горькими слезами.
Царь же в радости сердечной веселился вместе с нами.

Мы злодеев разогнали, окружили вражий стан,
Захватили их столицу — город, полный горожан,
Закидали их камнями, перемяли, как сафьян,
Нагрузили их богатством не один мы караван.

Царь Фридон своей печатью опечатал эти кладн,
Дядю он увез с собою и пленил семейство дяди.
Про меня же, возвратившись, он твердил в своем отряде:
«Это дерево алоэ бог послал нам счастья ради!»

Скоро мы вернулись в город, чтоб с народом веселиться.
Вид наказанных злодеев заставлял сердца смягчиться.
Мне и витязю Фридону говорила вся столица:
«С вашей помощью, герои, кровь насильников струится!»

Увенчав царя Фридона, называл меня народ
Властелином властелинов, воеводой воевод.
Но грустил я, ибо розу потерял среди невзгод
И не мог знакомым людям открывать своих забот.

18. РАССКАЗ ФРИДОНА О НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Как-то раз с царем Фридоном мы охотились и вскоре поднялись на мыс высокий, сильно выдвинутый в море. Новый друг мой был задумчив и сказал мне в разговоре: «Удивительные вещи видел я на этом взгорье».

И свои воспоминанья он доверить мне решился:
«Раз на этом я утесе отдохнуть остановился.
Конь мой плавал, словно утка, в поле соколом носился.
Стал смотреть я, как над морем коршун в воздухе
кружился.

Я поглядывал на небо и на море заодно.
Вдруг на море показалось чуть заметное пятно.
Приближаясь к побережью, быстро двигалось оно.
Отгадать, то зверь иль птица, было сверху мудрено.

Но не зверь то был, не птица — лодка на море мелькала,
В той ладье ковчег виднелся, на ковчеге — покрывало.
Два раба чернее сажи лодкой правили устало.
Заключенное в ковчеге, солнце дивное сияло.

Лодка берега достигла, вышла на берег девица.
Я ее увидел косы и не мог не подивиться:
Что могло на белом свете с красотой ее сравниться!
Перед блеском этих молний потускнела б и денница.

Задрожал я в нетерпенье, полный страстного огня, —
Роза, инеем покрыта, в сердце ранила меня!
И решил я этих стражей захватить средь бела дня, —
Мне казалось: было трудно убежать им от коня.

Тростники ломая с треском, закусил мой конь удила.
Стража топот услышала и меня опередила.
Прискакал я и увидел заходящий луч светила:
Наполняя сердце горем, лодка в море уходила!»

Услышав рассказ Фридона, позабыл я о покое
И с коня упал на землю, осраившись при герое.
Кровь ланит моих струилась на оружие дорогое:
«Пусть умру, коль я не знаю это дерево алоэ!»

Невдомек Фридону было, почему его рассказ
Породил во мне безумье и отчаяньем потряс.
Словно сын, ко мне на помощь витязь бросился тотчас,
Градом сладостных жемчужин слезы хлынули из глаз.

«Горе мне! — воскликнул витязь. — Для чего сказал я
это!»
«Не печалься, — я ответил. — Уж таков обычай света.
Я с прекрасной той луною связан узами обета.
Ныне я твои расспросы не оставлю без ответа».

И поведал я Фридону о судьбе моей злосчастной.
Он сказал: «Зачем не скрыл я этой новости опасной!
Прибыл ты ко мне по делу, царь индийцев
полновластный,
Ты владеть достоин тронем и страной своей прекрасной!»

Бог, который дал герою кипариса стройный вид,
Истерзав герою сердце, нож от сердца удалит.
Он пошлет скитальцу милость, он избавит от обид,
Словно гром, слетев из тучи, горе в радость обратит».

Орошенные слезами, во дворце мы рядом сели.
Я сказал Фридону: «Витязь, помоги мне в этом деле!
Ведь таких, как ты, героев в мире не было доселе,
Мы вдвоем всего достигнем, что бы мы ни захотели.

Отплачу тебе я, витязь, крепкой дружбой нерушимой,
Но сперва пускай твой разум даст ответ необходимый.
Посоветуй, что мне делать, чтобы снова быть с любимой?
Без возлюбленной царевны я умру, судьбой гонимый».

Мне Фридон сказал на это: «Возвеличен я судьбой
Тем, что ты, владыка индов, ныне прибыл в город мой.

О какой могу мечтать я благодарности иной?
Я, как раб, служить готовый, здесь стою перед тобой.

Всем купцам и мореходам здесь проезжая дорога,
Дивных новостей и слухов к нам они привозят много.
Не дойдет ли весть о деве и до нашего чертога,
Чтобы все свои страданья ты забыл по воле бога?

Мы отправим мореходов по различным дальним странам,
Пусть они разыщут деву — ту, которая нужна нам.
Будь дотоле терпеливым вопреки душевным ранам!
Человеческое горе не бывает постоянным!»

И тотчас же мореходам он велел объехать свет.
«Все моря избородите! — приказал он им вослед. —
Отыщите нам царевну — ту, которой краше нет,
Семь иль восемь бед изведав, не страшитесь сотен бед!»

Говорил он этим людям, в дальний путь их отпуская:
«Вас на верный след царевны наведет молва людская!»
Позабыл я о печалях, мореходов ожидая, —
До сих пор, припомнив это, умираю от стыда я.

И престол в чертоге царском был поставлен мне
Фридоном.
«Я узнал тебя не сразу, — молвил витязь мне
с поклоном, —
Ты — великий царь индийцев, ты владеть достоин троном.
Где тот смертный, кто не хочет быть рабом твоим
законным?»

Тяжко длить повествованье! Возвратились корабли,
Понапрасну мореходы исходили край земли, —
Никаких следов царевны эти люди не нашли. . .
По моим ланитам снова слезы горя потекли.

Я сказал Фридону: «Витязь, нелегко сказать словами,
Как ужасно это горе, приключившееся с нами!
Без тебя мне нет утехи, дни сливаются с ночами,
Сердце сковано печалью, очи залиты слезами.

Так как ныне о царевне ничего не мог узнать я,
Должен я тебя покинуть. Мы расстанемся как братья!»

Нас с тобою, столь прекрасным, разлучит одна кончина.
Злобный рок, коль он захочет, сокрушит и исполина!»

Так остался я с рабами, внял молениям их и столам,
Но с тех пор не стал скитаться по долинам населенным.
Я в урочища олени убежал по горным склонам,
Обошел луга и горы по тропам уединенным.

Дэвы высекли пещеры посредине этих скал,
Я нашел их и чудовищ перебил и разогнал,
Но рабы мои погибли, не спустив своих забрал, —
Злобный рок меня, скитальца, снова кровью запятнал.

Вот, мой брат, с тех пор в пещере и живу я горемыкой,
По полям брожу окрестным и томлюсь в пустыне дикой,
Лишь Асмаат одна со мною делит скорбь о солнцеликой. . .
Смерть — одна моя отрада в этой немощи великой.

Образ пламенной тигрицы сходен с девою моею,
Потому мне шкура тигра из одежд всего милей.
Мне Асмаат ее сшивает, плачет, сетует над ней,
И не в силах я покончить с жизнью горестной своей!

Лишь мудрец мою царевну оценил бы в полной мере!
Я терплю земные муки, вспоминая о потере,
Я брожу, подобно зверю, там, где бродят злые звери,
Об одном прошу я бога — умертвить меня в пещере!»

Тариэл умолк, терзая розу щек своих, и стала
Янтарем прозрачным роза, и распался блеск кристалла.
Утешая Тариэла, на колени дева пала,
Автандил, внимая другу, огорчался сам немало.

И к нему, изнемогая, обратился Тариэл:
«Рассказал тебе я, витязь, то, что ты узнать хотел.
Ты достиг сегодня цели, я же плакал и скорбел.
Возвращайся же к светилу: час свиданья подоспел».

Автандил ему ответил: «Я не вынесу разлуки,
Коль расстанусь я с тобою, обезумсю от муки.
Но поверь мне: ты обязан побороть свои недуги,
Смерть твоя не будет счастьем для потерянной подруги.

Не сердись на эту смелость, но мое послушай слово:
Если лскарь заболает, он зовет к себе другого.
Тот причину всякой боли объяснит ему толково, —
Посторонний знает лучше, как лечить ему больного.

Мудрым словом я отвечу на печальный твой рассказ.
Ты не раз его обдумай, поразмысли сотни раз:
Пылкость пламенного сердца не спасет от горя вас.
Я ж к царице возвратиться должен, выполнив приказ.

Чтоб любовь ее окрепла, я обязан возвратиться.
Пусть о всех твоих печалях знает юная царица.
Но с тобою, бог свидетель, не хочу я разлучиться.
Поклянемся же друг другу в нашей дружбе утвердиться.

Если ты мне обещаешь ждать меня на этом месте,
Я тебя уже не брошу, уверяю словом чести.
Я вернусь в твою пещеру, чтоб с тобой скитаться вместе,
Не позволю убиваться и верну тебя невесте».

«Как же ты, — воскликнул витязь, — стал чужому как
родной?
Соловью расстаться с розой легче, чем тебе со мной.
Я навек тебя запомню, не забуду образ твой.
Дай мне бог тебя дождаться, кипарис мой молодой!

Если ты, подобно древу, лик ко мне приклонишь снова,
Сердце, сделавшись оленем, не уйдет от зверолова.
Коль солгу, пускай погибну от десницы всеблагого!
Ты меня своим приездом исцелишь от горя злого».

Поклялись они друг другу помнить эти обещанья.
Лалы стали их янтарны, затуманилось сознание,
Но огонь любви взаимной жег сердца их на прощанье,
И в пещере до рассвета продолжалось их свиданье.

С приближением рассвета встрепенулся Автандил
И простился с Таризлом, опечален и уныл.
Таризл не знал, что делать, он утратил прежний пыл.
Друг его, минуя чашу, слезы горестные лил.

Лишь одна Асма, рыдая, Автандила провожала,
В знак мольбы простосердечной палец горестно сгибала,

Возвратиться умоляла, как фиалка, увядала. . .
«О сестра, — ответил витязь, — будет так, как ты
сказала.

Я вернусь без промедленья, не останусь долго дома.
Наблюдай, чтоб не скитался витязь в чаше бурелома.
Мне двух месяцев довольно, ведь дорога мне знакома.
Не приду, так, значит, буду я убит ударом грома».

Но, как только он отъехал, испустил протяжный стон.
Острой палицей десницы окровавил роз бутон.
Звери кровь его лизали, набежав со всех сторон,
И неистовою скачкой сокращал пространство он.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ АВТАНДИЛА В АРАВИЮ

Автандил вернулся в город, где оставил он дружину,
И войска, его увидев, были рады господину.
Люди быстро побежали, сообщили Шермадину:
«Прибыл тот, кто нас печалил, удалившись на чужбину».

Шермадин навстречу вышел, обнял витязя в волненье,
Проливая слезы счастья, целовал его колени.
Говорил он: «Ты ли это или только сновиденье?
Неужели ты здоровым прибыл, нам на удивленье?»

Витязь низко поклонился, приложил лицо к лицу.
Он сказал: «За то, что жив ты, благодарен я творцу».
И почтительно вельможи подходили к пришлецу,
И великое веселье разливалось по дворцу.

Так добрался юный витязь до отеческого крова,
И собрался целый город, чтоб увидеть удалого.
Жизнерадостный, веселый, он за пир уселся снова.
Радость этого свиданья описать не в силах слово!

И, пируя, Шермадину рассказал он на досуге,
Как нашел он Тариэла, пребывавшего в недуге.
Еле сдерживая слезы, о своем твердил он друге:
«Без него не успокоюсь ни в чертоге, ни в лачуге!»

Шермадин в ответ на это солнцеликому сказал:
«От царя твою поездку я старательно скрывал».
В этот день усталый витязь отдыхал и пировал,
Но с зарею сел на лошадь и в столицу поскакал.

Позабыв про утомленье, он спешил к своей невесте,
Шермадин, глашатай славный, о его вешал приезде.
Долгий путь десятидневный за три дня закончив вместе,
Привезли они в столицу долгожданное известье.

«Веселись, о царь могучий! — говорилось в донесенье. —
Я, твой раб, перед тобою полон страха и смиренья.
Тайны витязя не зная, угрызался каждый день я.
Ныне с добрыми вестями прибыл я в твои владенья».

И предстал пред Ростеваном Шермадин, честной гонец:
«Отыскавший чужеземца витязь едет во дворец!»
Своенравный и счастливый, восхитился царь-отец:
«То, что я просил у бога, получил я наконец!»

И сказал гонец царице, затмевающей светила:
«Ныне добрые известья, дева, жди от Автандила».
И царица ярче солнца землю светом озарила
И великими дарами Шермадина наградила.

Целый двор навстречу вышел. Ростеван явился тоже,
Оказал он Автандилу честь, которой нет дороже.
И была счастливой встреча, так что многие вельможи
На подвыпивших пьянчужек стали с радости похожи.

Витязь спешил и низко преклонился пред царем.
Обнял царь его великий и повел, ликуя, в дом.
Так, довольные друг другом, шли они, как сын с отцом.
И собравшиеся люди гостя славили кругом.

Лев, сильнейший между львами, к солнцу солнц пришел
с приветом.
Вновь агат, кристалл и роза засияли пред спасетом.
Солнцеликая царица озарилась нежным светом, —
В небе жить ей надлежало, а не в царском доме этом!

Учредили пир веселый, пили-ели до отвала.
Царь гордился Автандилом, как владыке надлежало.
Снежный иней красил старца, роза юношу венчала.
Жемчуга, подобно драхам, получал там кто попало.

Наконец иссякли вина. Те, кто выпили, ушли.
Начал царь свои расспросы, и рассказы потекли.
Обо всем поведал витязь: как он странствовал вдали,
Как нашел он чужеземца посреди чужой земли.

Он сказал: «Не удивляйтесь, что жалею я собрата!
С ним сравнится лишь светило, не познавшее заката.
Тот, кто витязя увидит, ум теряет без возврата.
Но, увы, желтеет роза, опечалена и смята!

Если рок немилосердный сердце смертное изранит,
Роза примет вид шафрана, а тростник колючкой
станет!»

Автандил, вспоминая, как несчастный витязь вянет,
Описал его несчастья и поведал, чем он занят:

«Захватив пещеры дэвов, он доверился мечу.
С ним наперсница царевны — дева, равная лучу.
Он закутан в шкуру тигра, презирает он парчу.
Жжет его огонь смертельный и сжигает, как свечу».

И когда о чужестранце кончил он повествованье,
Как обрел он это диво и узрел его сиянье, —
В похвалу ему, герою, говорило всё собранье:
«Совершил ты высший подвиг! Утолил свое желанье!»

Тинатин, ему внимая, ликовала всей душою,
Пировала, не гнушалась ни весельем, ни едою,
О свиданье после пира весть послала со слугою, —
Что еще могло сравниться с дивной радостью такою!

И пошел он, милосердный, не впадающий во гнев,
Пребывающий со львами солнцеликий юный лев...
Витязь мира, лал бесценный, кипарис среди дерев,
Сердце он сменял на сердце, сердцем девы овладев.

Словно райское алоэ над долиною Евфрата,
Тинатин ждала на троне, изукрашенном богато.
Чтоб воспеть ланиты эти, эти косы из агата
По примеру древних греков, мудрецов нужна палата!

Дева встретила героя, сесть на стул ему велела,
И приличная свиданью радость ими овладела.

Боль миджнура разделяет всякий, кто охвачен страстью.
Без него я безутешен: нет прощенья безучастью!»

Солнцеликая сказала: «Всё сбылось, как я хотела:
Ты, во-первых, возвратился и нашел нам Тариэла.
Во-вторых, любовь тобою с новой силой овладела, —
Значит, есть бальзам для сердца, что неистово горело!»

Наши судьбы, как погода, переменны с каждым днем:
То горит над нами солнце, то гремит над нами гром.
Ныне радость вместо горя в сердце вспыхнула огнем.
Если ж мир приносит радость, для чего грустить о нем?

Хорошо, что, верен клятве, ты спешишь на помощь
другу.

Нас обязывает дружба оказать ему услугу,
Мы должны его утешить и помочь его недугу...
Но какие испытания ждут меня, твою подружку!»

Он сказал: «К семи печалям ты прибавила восьмую!
Чтоб согреть ее, кто станет дуть на воду ледяную?
Взлет любви кто приравняет к низменному поцелую?
Без тебя изнемогаю и с тобою не ликую!»

Горе мне! Опять, скитаясь, я увижу много зла.
Как в мишень, вонзилась в сердце беспощадная стрела.
Сократилась на две трети жизнь, разбитая дотла, —
И хотел бы скрыть я горе, да пора на то прошла.

Дева, речь твою услышав, понял я твое веленье.
Знать, тому, кто ищет розу, и шипы — не затрудненье.
Будь же полным мне светилом, утоли мое волненье, —
Подари мне в путь-дорогу знак надежды на спасенье!»

Добродетельный, достойный, этот витязь светлолицый
Говорил благоразумно, как наставник с ученицей.
И браслет из дивных перлов был вручен ему царицей.
Да пошлет им бог блаженство всемогущею десницей!

Сладко сердцу, коль к рубину прикасается агат,
Сладко вырастить алоэ с кипарисом стройным в ряд,
Сладко радовать миджнура, устремляющего взгляд, —
Но, увы, беда влюбленным — тем, которых разлучат!

Хоть не мог налюбоваться на влюбленную влюбленный,
Скоро он простился с нею и ушел, ошеломленный.
Из кровавых слез царицы океан возник бездонный.
«Мир не сыт, — она рыдала, — нашей кровью
напоенный!»

Ударяя в грудь руками, витязь шел к себе уныло, —
В час любви мягкосердечна человеческая сила!
Покрывает землю мраком заходящее светило,
Не заря зажглась на небе — ночь пришла для Автандила.

Слезы, смешанные с кровью, по щекам его текли.
«Даже солнце мне не в радость, — говорил он, сын
земли. —

Алмазовое сердце брови милой обожгли,
Не хочу я утешенья от возлюбленной вдали!

Был вчера я цвет Эдема, уподобленный алоэ,
Но теперь судьба вонзила в грудь мою копьё златое.
Сердце в огненном аркане позабыло о покое,
И постиг я, безутешный, сколь безумно всё земное».

Витязь с этими словами сотрясался, как в падучей,
С воздыханием и стоном гнулся стан его могучий.
Так закончилось свиданье и сменилось скорбью жгучей.
Всех со временем покроет саван скорби неминучей!

В свой дворец вернулся витязь и рыдал в тиши дворца,
И возлюбленную деву вспоминал он без конца.
Снежным инеем покрытый, блекнул цвет его лица.
Словно розы, без светила вянут юные сердца!

«Человеческое сердце богом проклято от века, —
То оно о счастье молит, то стенает, как калека.
В слепоте оно не верит даже глазу человека.
Не страшат его ни гибель, ни господская опека!»

Заклеймив людское сердце столь жестокими словами,
Он прижал к губам запястье с дорогими жемчугами.
И блеснули эти перлы наравне с его зубами,
И кровавыми от горя обагрился он слезами.

Утром некого посланца государь за ним послал.
Поспешил к владыке витязь, хоть и с вечера не спал.

20. ПРОСЬБА АВТАНДИЛА О НОВОЙ ПОЕЗДКЕ И РАЗГОВОР ВАЗИРА С ЦАРЕМ

Утром витязь облачился и из дома вышел рано.
«Боже, — он молил, — да будет сокровенна эта рана!
Помоги мне скрыть от мира, как царица мне желанна!»
И поехал он к вазиру, царедворцу Ростевана.

Тот сказал: «Над нашим домом загорелся луч рассвета,
Значит, радость не напрасно предвещала мне примета!»
И с глубоким он поклоном встретил славного спасета:
Если гость приятен сердцу, он дороже самоцвета.

Добродетельный хозяин слезть помог ему с коня.
До крыльца ему коврами улостила путь родня.
И внезапно дом вазира озарился светом дня.
«Запах роз, — сказал хозяин, — долетел и до меня!»

Витязь сел, и домочадцы погрузились в лицезренье,
И сердца их задрожали в безграничном восхищенье.
Десять тысяч воздыханий здесь слышалось, не мене...
Но вазир велел им выйти, и они ушли в смятенье.

И сказал вазиру витязь, подобрав слова по нраву:
«Во дворце у Ростевана первенствуешь ты по праву.
Царь во всем тебе послушен, ты блюдешь его державу.
Помоги же мне сегодня, заслужи почет и славу!»

Этот витязь солнцеликий истомил меня и сжег!
Разлученный с Тариэлом, я от боли изнемог!
Для меня не избегает он ни горя, ни тревог, —
Бескорыстие и щедрость — дружбы подлинной залог.

Словно сеть, тоска о друге ныне сердцем овладела, —
Сам я здесь, перед тобою, сердце — возле Тариэла:
Он сжигает всех, как солнце! Нет красе его предела!
И Асмаг за это время стать сестрою мне успела.

Я поклялся страшной клятвой, уезжая от собрата:
«Я вернусь к тебе, приятный даже глазу супостата!
Я найду твою царевну, что пропала без возврата!»
И теперь перед отъездом грудь моя огнем объята.

Я тебе открою правду: коль, безумный как всегда,
Он надеется на друга, как не ехать мне туда?
Ведь в беде миджнур миджнура не бросает никогда.
Нарушающему клятву не укрыться от стыда.

Ты скажи царю об этом, и, клянусь его главою,
Если он меня отпустит, я вернусь к тому герою.
Если ж он меня задержит, сердца я не успокою.
Помоги же мне сегодня, дай мне справиться с бедою!

Передай царю: „Владыка, почитаемый народом!
Горько мне тебя сегодня огорчать своим уходом!
Но прекрасный этот витязь жжет мне душу год за годом,
Завладел моим он сердцем и обрек его невзгодам.

Царь! Без этого миджнура жить я больше не могу!
Он и разума и сердца твоего лишил слугу.
Ты же сам стяжаешь славу, коль ему я помогу,
А постигнет неудача — всё ж не буду я в долгу.

На уход мой, царь великий, понапрасну ты не сетуй.
То, что бог нам уготовал, да свершится в жизни этой!
Может быть, из стран далеких я вернусь к тебе с победой.
Не вернусь, так благоденствуй и врагов один преследуй!“»

Автандил сказал вазиру: «Изъясняться не умея,
Рассказал тебе я кратко, что имею на уме я.
Ты же царского согласия добивайся не робея, —
Чистым золотом сто тысяч за услугу дам тебе я».

Но вазир сказал с улыбкой: «Не бросайся ты казной,
Мне довольно, что к богатству указал ты путь прямой.»

Лишь открою Ростевану этот замысел я твой,
Царь, без всякого сомненья, одарит меня с лихвой.

Так меня он осчастливит, что, клянусь душой и телом,
С головой я вмиг расстанусь, занимаясь этим делом.
А дороже этой жизни есть ли что на свете белом?
Хоть убей, не вижу смысла я в таком поступке смелом.

Не могу же я напрасно погибать тебе в угоду!
Царь мне скажет: «Как ты смеешь потакать его уходу?
Где твой ум, коль дать острастки не умеешь
сумасброду?»

Нет, уж лучше мне погибнуть, чем нажать себе невзгону!

Но коль царь и согласится, что на это скажет рать?
Для чего ей полководца на чужбину отпускать?
Ведь, соперничая с нами, враг поднимется опять, —
Воробей и тот стремится в небе коршуном летать!»

Автандил сказал, заплакав: «Умереть мне лишь
осталось!

Видно, ты, вазир, не знаешь, каковы любовь и жалость!
Неужели клятва дружбы для тебя — пустая малость?
Как могу я жить без друга, чтоб душа не убивалась?

Повернулось наше солнце и уже не светит ясно,
Нужно нам помочь светилу, чтоб не сетовать напрасно.
Что мне выгодно, что вредно — это знаю я прекрасно.
Неразумною беседой утешать себя опасно.

Что за польза Ростевану, что за выгода войскам,
Если их военачальник предан горю и слезам?
Лучше я опять уеду, чтоб не впасть в великий срам, —
Кто, скажи мне, так страдает, как страдает витязь там?

Отчего же на миджнура смотришь ты неблагосклонно?
Сталь и та подобно воску от его растает стона!
Не залить мне слез страдальца всеми волнами Геона!
Коль поможешь, и тебе я помогу, служба у трона.

Если царь меня не пустит, всё равно тайком уеду,
Пусть погибну ради друга, лишь послал бы бог победу!
Царь тебя не покарает за пристойную беседу, —
Помоги же мне в несчастье! Окажи услугу эту!»

И вазир ему ответил: «Я огнем твоим объят!
Эти жалобы и слезы ранят сердце и томят.
Хорошо, коль к месту скажешь, но беда, коль невпопад.
Так и быть, пойду с докладом. Пусть я буду виноват!»

И вазир, промолвив это, поспешил к царю, и скоро
Царь предстал ему, сияя дивной роскошью убора.
Оробел вазир смущенный и не начал разговора,
И не смел поднять в молчанье опечаленного взора.

Увидав его безмолвным, царь воскликнул: «Что с тобою?
Почему в такой тревоге ты стоишь передо мною?»
«Государь, — вазир ответил, — ныне я объят тоскою:
Волен ты со мной покончить, услышав, что я открою!»

Скорбь души моей, владыка, не умножит прочих бед.
Я боюсь, хотя бояться мне, посланцу, пользы нет.
Дозволения уехать ныне просит твой спаспет,
Ни во что он жизнь не ставит, свой не выполнив обет».

И, смущенный, рассказал он всё, что знал об Автандиле:
«Я любви его великой описать тебе не в силе...
Он настаивает, просит, льет он слезы в изобилье...
Гнев твой будет справедливым, что бы там ни говорили!»

У царя при этой вести затуманилось сознание.
Будь тут люди, гнев владыки устроил бы всё собрание.
«Что сказал ты мне, безумец! — он вскричал в
негодование. —
Лишь злодей спешит повсюду злое выискать деянье!

Почему ты вдруг примчался, словно с радостью какой?
Лишь изменник вероломный нож готовит за спиной!
Как язык твой повернулся, чтоб нарушить мой покой?
Недостойн быть безумец ни вазиром, ни слугой!

Почему ты с господином непочтителен при встрече?
Позволительно ли сдуру говорить такие речи?
Лучше б я оглох внезапно, видя дурня издалече!
Жаль, что смерть твоя, несчастный, грузом ляжет мне на
плечи!

Если б не был ты подослан Автандилом, — бог свидетель,
Снес бы голову тебе я за такую добродетель!
Уходи же прочь отсюда, по чужим делам радетель!
Ах, как чудно ты устроил! Ах, какой ты благодетель!»

И нагнулся царь и стулом запустил в него тотчас,
Хорошо, что промахнулся: стул был крепок, как алмаз.
«Как ты смел сказать, что витязь покидает снова нас!»
И у старого вазира слезы хлынули из глаз.

Не посмев с владыкой спорить и желая удалиться,
Старец выскочил за двери, как побитая лисица.
Во дворец вошел он смело; возвратясь, не стал
гордиться...
Как вредим себе мы сами, враг вредить нам не решится!

Он сказал: «Создатель видит — во грехе живу едином,
Ослеплен я и обманут, счастья нет моим сединам!
Ведь любой, кто столь же дерзко обойдется с господином,
За грехи, как я, ответит по обычаям старинным!»

И, жестоко посрамленный, он ушел, покинув зал,
И, нахмурясь, Автандилу укоризненно сказал:
«Подослав меня к владыке, ты ли ждешь моих похвал?
Хорошо, что я, несчастный, головы не потерял!»

И напомнил он о взятке, намекнул о ней лукаво.
Как он мог сказать об этом, не могу понять я, право!
«Кто свое не держит слово — оскорбляет моурава!
Злато даже в преисподней все дела решает здраво!»

Как бранил меня владыка, передать нельзя рассказом!
Он назвал меня злодеем, не моргнув при этом глазом!
Я утратил честь мужскую, потерял я прежний разум!
Не пошли творец терпенья, он со мной бы кончил разом!

Понимал и я, конечно, на какое дело шел.
Знал, что буду я несчастен, а владыка будет зол.
Но судьбу не переспоришь, и, как верный твой посол,
За твое благополучье я погибнуть предпочел!»

Автандил ему ответил: «Медлить мне не подобает.
Соловью грозит гибель, если роза увядает.

21. БЕСЕДА АВТАНДИЛА С ШЕРМАДИНОМ ПЕРЕД ВТОРЫМ ТАЙНЫМ ЕГО ОТЪЕЗДОМ

И промолвил солнцеликий Шермадину в день прощанья:
«Ныне день моей надежды, исцеляющий страданья.
Он покажет, чем поможешь ты мне в годы испытанья». —
Чтец поистине обязан славословить их деянья!

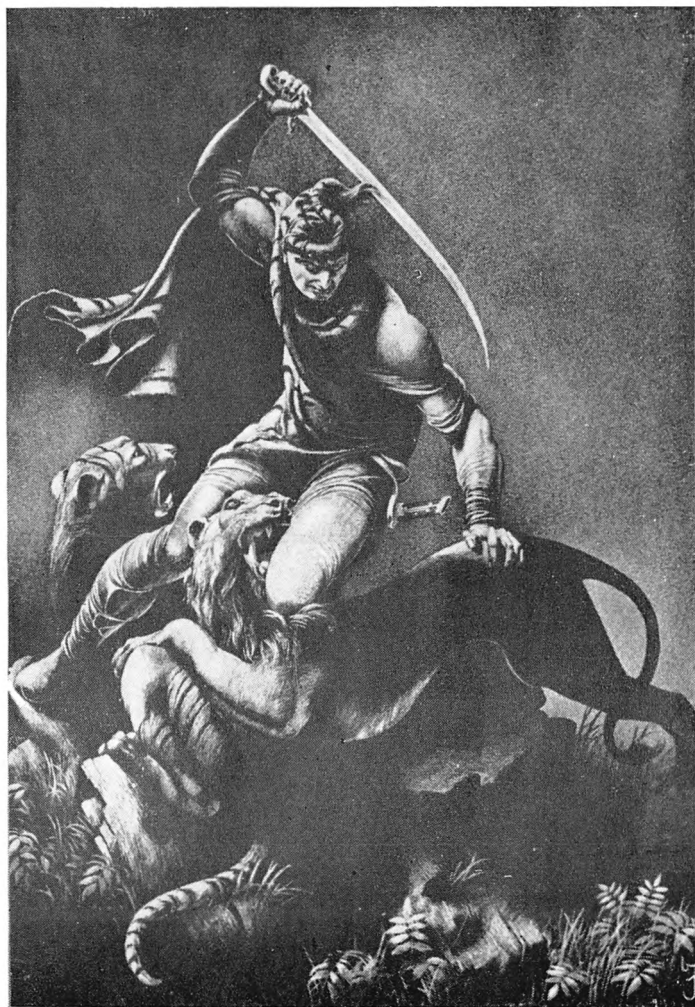
Он сказал: «О расставанье царь не хочет слышать слова,
Ведь ему непостижимо то, что свято для другого!
Я ж без друга не желаю ни скитания, ни крова, —
Не прощает человеку бог деяния дурного.

Я обдумал это дело и решился на уход.
Лишь изменник и предатель богохульствует и лжет.
Сердце здесь без Таризэла изнывает от забот,
Стонет, мечется, вздыхает, слезы горестные льет.

Доказательствами дружбы служат три великих дела:
Друг не может жить без друга, чтобы сердце не болело,
С ним он делится достатком, предан он ему всецело,
Если надобность случится, поспешит на помощь смело.

Но не буду многословен, приступая к порученьям.
Тайный мой уход отсюда мне послужит утешеньем.
Так прислушайся, молю я, ты к моим установленьям.
То, о чем тебя прошу я, исполняй с благоговеньем.

Первым делом — неподкупный государев будь слуга,
Докажи, что добродетель и в разлукс дорога.
Управляй моей дружиной, не щади в бою врага,
Будь защитником народа и родного очага.

Рассердился я на зверя... И пронзил его мечом...

Поднялись они на башню и увидели: луна,
Устремившаяся к солнцу, от дракона спасена...

Стереги мои границы, будь главой в моем отряде,
Пусть изменник вероломный не мечтает о пощаде.
Коль вернусь, тебя, как друга, награжу я службы
ради, —
Послуживший господину не останется в накладе».

Шермадин, услышав это, отвечал ему, рыдая:
«В одиночестве все беды одолею без труда я,
Но коль тьма покроет сердце, что поделаю тогда я?
Был бы счастлив я безмерно, лишь с тобой одним
блуждая.

Мы доселе не слыхали, чтобы верный раб в пути
Не обязан был владыку от опасностей спасти.
Что я, грешный, буду делать, если дам тебе уйти?»
Но ответил юный витязь: «Не возьму тебя, прости!

Помыкать твоей любовью не имею я предлога,
Но и взять тебя с собою не могу по воле бога, —
Коль не ты, то кто сумеет здесь блюсти порядок строго?
Не тебе, но мне, скитальцу, суждена теперь дорога.

Я — миджнур. Миджнур обязан в одиночестве
скитаться.

Разве он не должен плакать без людей и убиваться?
Дальний путь — удел влюбленных. Им ли дома
оставаться?

Уж таков наш мир мгновенный, в том не надо
сомневаться.

В день, когда меня не будет, вспоминай, люби меня.
Сам себе слугой я буду, не страшна мне западня.
Неприлично удалому унывать средь бела дня.
Горе тем, кто дел позорных не боится как огня!

Я из тех, кто жизнь не выше ценит гнили огуречной.
Смерть за друга я считаю лишь утехой сердечной.
И теперь, когда я снова в путь отпущен бесконечный,
Бросив дом, я не оставлю друга в жизни скоротечной.

Уходя, я завещанье оставляю для царя.
Я ему тебя вручаю, власть его боготворя.
Если я умру в разлуке, обо мне не сетуй зря,
Только плачь и сокрушайся, поминание творя».

22. ЗАВЕЩАНИЕ АВТАНДИЛА ЦАРЮ РОСТЕВАНУ

Витязь сел и, скорбный сердцем, так составил
завещанье:
«Царь, к покинутому другу я спешу без колебанья.
Не могу его я бросить, он — души моей пыланье,
Будь ко мне добросердечен и прости мои деянья!

Не осудишь ты, я знаю, государь, мое решенье.
Мудрый друг не бросит друга, несмотря на все лишенья.
Вспомни, царь, Платон-философ нам оставил поученье:
«Ложь несет душе и телу бесконечные мученья».

Так как ложь — источник горя, то, покинув царский
кров,
Ради страждущего друга ухожу я от пиров.
Для чего и мудрость людям, коль не чтить ее даров?
Знанья мудрых приобщают нас к гармонии миров.

О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили,
Как в кимвалы ей бряцали, как в Писанье возносили?
«Возвышает человека лишь любовь!» — они твердили.
Прежде всех живущих в мире должен верить им
не ты ли?

Тот, кто дал мне крепость тела и открыл мои зеницы,
Чьим могуществом незримым звери созданы и птицы,
Кто конечному созданию начертал его границы, —
Сто низводит к единице, сто творит из единицы.

То, что богу не угодно, — не случится на земле.
Вянут роза и фиалка, коль останутся во мгле.
Всякий взор к добру стремится, нет достоинства во зле.
Как могу я жить без друга с тяжелой думой на челе!

Как бы ни был ты разгневан, не лишай меня прощенья:
Я не в силах был исполнить твоего предназначенья.
Мне отъезд послужит средством от тоски и огорченья.
Пусть я буду жить в пустыне, лишь бы жить без
принужденья.

Не найдешь ты утешенья, слезы горя проливая.
Ничего не в силах сделать против воли божества я.
Муж обязан быть вынослив, в тяжких бедах пребывая.
От судьбы уйти не может ни одна душа живая.

Что творец мне предназначил, то и сбудется сполна.
Коль вернусь назад, то в сердце потушу я пламена,
Встречусь радостно с тобою, как в былые времена...
Каково служенье дружбе, такова и мне цена.

Царь, коль кто меня осудит, осуди того всецело!
Неужели царским сердцем скорбь разлуки овладела?
Обмануть я и покинуть не способен Тариэла,
Он в лицо меня за гробом осрамит за это смело.

О друзьях иметь заботу никогда не вредно людям!
Презирая лицемеров, мы лжецов сурово судим.
Как же мог я, царь великий, стать предательства
орудьем?
Хорошо ли, коль на помощь мы спешить к друзьям не
будем?

Есть ли кто презренней труса, удрученного борьбой,
Кто теряется и медлит, смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряжи, этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой, чем добычею иной.

Смерть сквозь горы и ущелья прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов — всех возьмет без промедленья.
И детей и престарелых ожидает погребенье.
Лучше славная кончина, чем постыдное спасенье!

Царь! Осмелюсь я напомнить: ничего не понимает
Тот, кто смерти ежедневно для себя не ожидает.
Ведь приходит днем и ночью та, что нас соединяет!
Не вернусь, так, значит, сердце снова боль претерпевает.

23. МОЛИТВА АВТАНДИЛА ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Он воззвал: «Великий боже, господин и царь вселенной,
Воздающий по заслугам неразумной твари бренной,
Повелитель горних стражей, свет души неизреченный,
Укрепи во мне желанье послужить любви нетленной!

Боже, царь земли и неба, ты словам моим внимли!
Ты велел любить друг друга бедным жителям земли.
Ныне я один страдаю от возлюбленной вдали.
Не гаси любви, чтоб в сердце семена ее взошли!

Боже, боже милосердный, ты один — моя основа!
Не покинь меня в сраженье, не лиши в скитанье крова,
Защити меня от бури и от дьявола ночного!
Если я в живых останусь, послужу тебе я снова!»

Помолившись, из столицы витязь выехал один.
И, покинут Автандилом, горько плакал Шермадин.
Он точил слезами камни и сжигал песок долин.
Что слугу утешит в горе, если скрылся господин?

24. РОСТЕВАН УЗНАЕТ О ТАЙНОМ ОТЪЕЗДЕ АВТАНДИЛА

Вот рассказ о Ростеване, преисполненном печали:
В этот вечер царь с царицей никого не принимали.
Утром царь проснулся мрачный, очи молнии метали,
И велел он, чтоб вазира во дворец к нему позвали.

И когда вазир явился и потупился уныло,
Царь сказал ему: «Не помню, что вчера со мною было!
Не твое ли сообщенье сердце мне ожесточило,
Если я тебя, вазира, поносил за Автандила?»

Что такое он задумал, рассердив меня с утра?
Мудрость нам гласит: «Не ждите от рассерженных
добра!»
Да и ты не будь беспечным! Образумиться пора!
Доложи теперь мне снова, что докладывал вчера».

И вазир ему вторично рассказал об этом деле.
Царь ему ответил кратко, гнев удерживая еле:
«Пусть я буду иудеем, коль не спятил ты доселе!
Не пытайся мне перечить: худо будет пустомеле!»

Поспешил вазир к спасету, и ему сказали слуги,
Что хозяин их покинул и исчез из той округи.
«Не пойду к царю я больше, — прошептал старик
в испуге, —
Пусть ему доложит смелый, я же в горе и недуге».

Царь, вазира не дождавшись, снарядил за ним гонца,
Но гонец не возвратился, разузнав про беглеца.
И внезапная догадка потрясла царя-отца:
«Тот, кого боялись сотни, верно, скрылся из дворца!»

В это время с завещаньем появился Шермадин,
Безутешный, полный страха, ибо скрылся господин.

Раб сказал: «В его покоях я нашел посланье это.
Там осталась только челядь, провожавшая спаспета.
Он один ушел в дорогу, связан узами обета.
Царь, пошли меня на плаху, чтобы я не видел света!»

Прочитавши завещанье, царь промолвил: «В этот год
Пусть не носят украшений ни дружина, ни народ.
Пусть усердно молят бога толпы нищих и сирот,
Чтобы он хранил скитальца от лишений и невзгод!»

25. ВТОРОЙ ТАЙНЫЙ ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ТАРИЭЛУ

Лик луны вдали от солнца полон дивного сиянья.
Рядом с солнцем он сгорает, обречен на умиранье.
Но без солнца вянет роза — беззащитное создание.
Так и мы в разлуке с милой умираем от страданья.

Лишь теперь я продолжаю мой рассказ об Автандиле.
Ехал он с кипящим сердцем, удержать тоску не в силе,
Образ девы солнцеликой узнавал в дневном светиле,
Отводя глаза от солнца, сеял слезы в изобилье.

Иногда, позабываясь, слова он сказать не мог.
Из очей, подобно Тигру, падал слез его поток.
Оборачиваясь к дому, тосковал он, одинок,
И не знал, куда несется без тропинок и дорог.

«О любимая! — рыдал он. — Как в разлуке не томиться!
Разум мой с тобой остался, и душа к тебе стремится!
Жаждет взор мой изнемогший на тебя взглянуть, царица,
Плохо сделает влюбленный, коль любви не подчинится!»

Где искать мне утешенья, как прожить до новой встречи?
Уж давно б я закололся, чем вести такие речи,
Но тебя сразит известье, что скончался я далече. . .
Пусть же льются, словно реки, эти слезы человечьи!»

И воззвал он к солнцу: «Солнце! Ночи солнечной сиянье!
Ты есть образ всеблагого и его напоминанье!
Не ему ли хор созвездий служит в бездне мирозданья?
Примири меня с судьбою, не отринь мои рыданья!»

Ты, в котором виден образ создателя вселенной,
Помоги мне снять оковы, ибо я страдаю, пленный!
Потеряв свои агаты, я ищу рубин бесценный
И томлюсь один в разлуке, как когда-то с незабвенной!» —

Так молился он и таял, как горящая свеча,
Но спешил на помощь другу, путь томительный влача.
Ночью сравнивал он деву с блеском звездного луча,
И беседовал он с небом, речи жаркие шепча.

Божьим именем скиталец заклинал луну, взывая:
«От тебя в сердцах миджнуров страсть пылает роковая!
Дай же мне терпенье сердца, чтоб не тратил зря слова я,
Чтобы лик, тебе подобный, вновь увидел, изнывая!»

День его терзал и мучил, ночь несла ему отраду.
Иногда, к реке спускаясь, он вдыхал ее прохладу.
Слезный ток его кровавый был подобен водопаду.
И, взнуздав коня поспешно, вновь скакал он до упаду.

Стройный станом, как алоэ, плакал он, угрюм и дик,
И, убив козу из лука, ел у скал береговых,
И, насытись, снова ехал, ибо грудь пронзал Марих,
И твердил он: «Нет мне счастья без любимых роз моих!»

Передать слова скитальца я уже не в силах ныне, —
Как он жаловался звездам, как скитался по пустыне,
Как сжигал слезами очи, как терзал себя в кручине...
Наконец пещеры дэвов он заметил на чужбине.

И Асмат, увидев гостя, вышла к витязю поспешно,
И не знала, что ей делать, и рыдала безутешно.
Витязь спешился и деву обнял горестно и нежно, —
Люди радуются встрече — те, кто ждет ее прилежно.

Автандил спросил у девы: «Где твой брат и господин?»
Слезы девы покатались из агатовых стремнин.
«Без тебя, — она сказала, — он не мог страдать один.
Я не знаю, где он бродит среди ущелий и долин».

Содрогнулся юный витязь, словно грудь копье пронзило:
«О сестра, позор герою, коль его исчезла сила!

Как он мог, нарушив слово, позабыть про Автандила?
Для чего он мне поклялся, если трудно это было?

Ведь и я терпел лишенья, изнывая от разлуки!
Отчего ж он сумасбродом снова сделался от скуки?
Как он смел нарушить клятву, если мы пожали руки?
Мне ль, однако, удивляться, обреченному на муки!»

Но ему сказала дева: «Витязь, ты, возможно, прав,
Но не думай, мне внимая, будто мой угодлив нрав.
Мог ли он, лишенный сердца, клятвы выполнить устав?
А ведь он покончил с сердцем, счеты с жизнью оборвав!»

Сердце, разум и сознание цепью связаны одною.
Если сердце умирает, остальных берет с собою.
Человек, лишенный сердца, жизнью брезгает земною.
Ты еще не знаешь, витязь, каково ему, герою!

Не застав в пещере друга, был ты вправе рассердиться,
Я же толком не умею за миджнура заступиться:
Говорить язык устанет, сердце в пепел обратится, —
Рождена я, видно, в горе, чтобы с витязем томиться.

Муки этого миджнура столь безмерно велики,
Что страшатся даже камни, не стерпев его тоски.
Слезы витязя могли бы затопить русло реки. . .
Впрочем, все в чужих страданиях мы большие знатоки.

Провожая Таризла, я спросила на прощанье:
«Что же делать Автандилу, коль приедет на свиданье?»
Он ответил: «Пусть поищет, как искал когда-то ране,
Далеко я не уеду, не нарушу обещанье.

Я исполню эту клятву, хоть страдаю я жестоко.
Буду ждать я, как ни тяжело, до назначенного срока.
Коль найдет меня умершим, пусть схоронит недалеко,
А найдет живым — дивится, ибо жизнь — мгновенье ока!»

Скрылось солнце за горами для меня, и с этих пор
Я горячими слезами орошаю камни гор,
Как безумная, стенаю, проклиная свой затвор, —
Смерть и та меня забыла: вот он, божий приговор!

Есть в Китае некий камень с мудрой надписью такою:
«Кто друзей себе не ищет, тот враждует сам с собою».
Ныне стал шафранным витязь, сходный с розой молодою.
Поищи его, исполни то, что велено судьбою!»

«Ты права, — ответил странник, — мне не нужно
оправданья!
Но не я ль, миджнур, миджнура не оставил без вниманья?
Увидав источник жизни, прибежал к нему как лань я,
Все поля вокруг обрыскал ради этого свиданья!

Ту жемчужину, с которой сочетается кристалл,
Я покинул, и на счастье уповать я перестал.
Уезжая самовольно, я доверье потерял:
Огорчил царя с царицей, недостойный их похвал.

Господин мой воспитатель — государь весьма могучий.
На меня его щедроты, словно снег, летят из тучи.
Но ушел я, вероломный, всё забыл в печали жгучей. . .
Согрешив перед владыкой, уж не жду я жизни лучшей!

Я для друга эти беды, о сестра, претерпеваю!
Чтоб свое исполнить слово, по чужому езжу краю!
Он же скрылся из пещеры — тот, по ком я умираю,
И теперь, устав смертельно, я в тоске изнемогаю!

Но оставим эти речи. Мешкать в поисках грешно.
Сожаленья не изменят то, что минуло давно.
Иль найду его, иль сам я с ним погибну заодно, —
Богохульствовать не буду, если это суждено!»

Не сказав ни слова больше, он помчался сквозь теснину,
Пересек ручей и лесом устремился на равнину.
Леденил холодный ветер розу, равную рубину. —
«Никогда, — шептал он, — больше солнцеликой не
покину.

В чем мой грех, великий боже? — говорил он божеству. —
Почему я не с друзьями, обездоленный, живу?
О двоих зачем тоскую, вижу гибель наяву?
Пусть же кровь моя, о боже, на мою падет главу!»

**26. АВТАНДИЛ В ПОИСКАХ ТАРИЭЛА.
ПЛАЧ ЕГО И СТЕНАНИЕ**

«Связкой роз меня ударив, друг меня поранил ею.
Я исполнил нашу клятву, он не стал считаться с нею.
Потеряв его навеки, я душою оскудею,
Без него любого друга уподоблю я злодею.

Не к лицу ему, герою, эта вечная тоска.
Разве витязю поможет слез обильная река?
Нужно после размышлений путь избрать наверняка.
Где ж оно, светило это с тонким станом тростника?»

Обессиленный слезами, витязь в поиски пустился,
Не смыкая глаз бессонных, кликал друга и томился.
По полям, лесам, долинам трое суток он кружился,
Но пропавшего скитальца не нашел он, как ни бился.

И молился он: «О боже, чем я грешен пред тобой?
Почему меня ты гонишь, угнетенного судьбой?
Судия мой милосердный, я пришел к тебе с мольбой:
Сократи мои страданья, утешенья удостой!»

27. АВТАНДИЛ НАХОДИТ ТАРИЭЛА ВО ВТОРОЙ РАЗ

Раз на холм поднялся витязь, изнемогший от молений,
И взглянул он на долину, где играли свет и тени,
И средь зарослей заметил вороного в отдаленье.
«Это он! — воскликнул витязь. — В том не может быть
сомнений!»

И воспрянул он, и сердце у него затрепетало,
Радость выросла внезапно, и отчаянье пропало.
К потускневшему кристаллу возвратился блеск
кристалла.
И как вихрь в долину эту он помчался с перевала.

И, увидев Тариэла, отшатнулся он назад:
Полумертвый лик скитальца был отчаяньем объят.
Ворот был его разорван, по щекам струился град.
Покидая мир мгновенный, не смотрел на брата брат.

Справа возле Тариэла лев лежал и меч чеканный,
Слева — рухнувший на землю тигр виднелся
бездыханный.
По лицу из глаз страдальца ток струился непрерывный,
Лютым пламенем пылало сердце в скорби несказанной.

Разомкнуть очей не в силах, без сознания и воли,
Витязь был готов покинуть этот мир земной юдоли.
Автандил его окликнул, оглашая лес и поле,
И сошел с коня поспешно, не желая медлить боле.

И лицо он Тариэлу рукавом отер своим,
И на землю опустил, и сказал, тоской томим:

Ты мое послушай слово: сядь скорее на коня
И забудься на мгновенье, мысли черные гоня.
Пересиль свои желанья, сделай это для меня:
Мне известно, как развеять жар сердечного огня!»

Таризэл ему ответил: «Мне слова твои постылы!
Чтоб тебе повиноваться, не имею больше силы.
Ты не прав, что здесь, в пустыне, для меня страданья
милы, —
Я свою увижу радость лишь на дне моей могилы.

Одного лишь я желаю, умирая от недуга:
Чтобы встретились за гробом я и милая подруга,
Чтобы мы, покинув землю, вновь увидели друг друга...
Пусть друзья меня схоронят: это лучшая услуга.

Разве может жить влюбленный, если милой больше нет?
Ныне радостно иду я за возлюбленной вослед.
Горько милая заплачет, зарыдаю я в ответ!
Мне дороже ста советов сердца собственный совет.

Знай, скажу тебе всю правду: к жизни мне
не возвратиться.
Смерть витает надо мною, сердце хочет позабыться.
Уходи же прочь отсюда! Время плоти разложиться,
К сонму духов бестелесных дух мой немощный
стремится.

Проникать в твои советы не имею я желанья,
Смерть близка, и жизнь земная — только краткое
дыханье.
Мир претит душе безумной, преступил земную грань я.
Я уж там, куда струятся слезы нашего страданья.

Мудрый! Что на свете мудро? Разве будет мудрым тот,
Кто, безумием объятый, умирает от невзгод?
Отрешенная от солнца, роза долго не живет.
Уходи! Твоя забота давит сердце и гнетет!»

Автандил его не слушал, продолжая уговоры:
«Для чего ты перед смертью затеваешь эти споры?
Если стал себе врагом ты, где искать тебе опоры?»
Но не мог он Таризэла увести с собою в горы.

Краше вод, земли и неба эта малая вещица!
Речи вздорные противны, как на вкус — трава-кислица».

«Ждал и я, — воскликнул витязь, — от тебя подобной
вести!

Но послушай, что скажу я, избегая всякой лести.
Тот браслет тебе дороже иль Асма? Скажи по чести!
Сознаюсь, другой бы выбор на твоём я сделал месте!

Тот браслет чеканил мастер, он — простая мишура!
Он безжизнен, безучастен, чуть дороже серебра!
Почему ж ты забываешь, как Асма к тебе добра?
Ведь она — твоя подруга и названная сестра!

Не она ли здесь в пустыне подружила нас с тобою?
Не она ли опекала вас с царевной молодою?
Ради той, кого растила, грудь ее полна тоскою!
Как же ты ее бросаешь? Так ли нужно жить герою?!»

«Правда, — вымолвил страдалец. — В том не может быть
сомнения!

Лишь Асма верна мне в горе и достойна сожаленья!
Так пойдем же к ней скорее, коль не умер в этот день я!
Не хотел я жить на свете, ты принес мне исцеленье!»

И отправились герои повидать сестру свою.
Как я слабыми словами красоту их воспою!
В розах губ блистали зубы, как жемчужины в строю. . .
Из норы сердечным словом можно вызвать и змею!

Автандил промолвил другу: «Мне служить тебе — отрада,
Но и ты забудь о ранах и не пей напрасно яда.
Бесполезна нам наука, коль творим не то, что надо, —
Посуди, какая польза от закопанного клада?»

Мало толку, если горе несчастливому сдает:
До назначенного срока человек не умирает.
Роза, солнца ожидая, по три дня не увядает.
Смелость, счастье и победа — вот что смертным
подобаёт!»

Друг сказал: «Дороже жизни сердцу эти назиданья!
Мудрецов благословляют все разумные созданья.

Но поверь, что не могу я превозмочь мои страдания!
Сам миджнур, ужель миджнуру ты не видишь
оправдания?

Воск затем горит, что сутью однороден он с огнем,
Но вода огню враждебна — не ужиться им вдвоем.
Так и мы: страдая сами, всё страдальцу отдаем. . .
Ты же мне не доверяешь в одиночестве моем. . .»

28. РАССКАЗ ТАРИЭЛА О ТОМ, КАК ОН УБИЛ ЛЬВА И ТИГРИЦУ

«Расскажу тебе, мой витязь, что со мной случилось
в поле,
Сам тогда судить ты сможешь о моей несчастной доле.
Проводив тебя, в пещере я не мог томиться боле
И, вскочив на вороного, устремился на приволье.

Я сквозь заросли проехал и на холм поднялся скоро.
Вижу: лев спешит к тигрице, полный страсти и задора.
Их веселые забавы были радостны для взора,
Но затем меня смутила непонятная их ссора.

Эти яростные звери, столь беззлобные вначале,
Вдруг напали друг на друга и от злобы зарычали.
И отпрянула тигрица, словно женщина в печали.
Лев почуял запах крови и за ней пустился дале.

Рассердился я на зверя и сказал: «Умалишенный!
Разве с милою подругой может ссориться
влюбленный?» —
И пронзил его мечом я, сам на муки обреченный,
И свалился лев, от жизни навсегда освобожденный.

Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю, схватил.
Я искал ее лобзаний ради той, кого любил.
Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную убил.

Ничего не мог я сделать с тварью той неукротимой,
Я ее ударил оземь, гневом яростным палимый.

И припомнил я внезапно, как я ссорился с любимой,
И едва в тот миг не умер от тоски невыносимой.

Вот, мой брат, какие беды должен я претерпевать!
Почему же ты дивишься, что решил я умирать?
Я уже простился с жизнью, мне не жаль ее отдать. . » —
И замолк печальный витязь, и заплакал он опять.

29. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИТЯЗЕЙ В ПЕЩЕРУ И СВИДАНИЕ ИХ С АСМАТ

Автандил внимал рассказу и скорбел о Тариэле,
Он твердил: «Не убивайся! Бог поможет в этом деле!
Он, хотя ты и страдаешь, приведет влюбленных к цели.
Вы без божьего веленья не сошлись бы с колыбели!

Зачастую жизнь миджнуров омрачается бедою,
Но утешатся страдальцы, удрученные нуждою.
И хоть ты убит любовью, лишь она одна, не скрою,
Мудрых разума лишая, учит неучей порою!»

И к пещере повернули эти витязи коней,
И Асмаат навстречу вышла, увидав, что едут к ней.
Братья спешили и с девою поздоровались своей.
Слезы плачущей рабыни бороздили грудь камней.

«Боже мой, — она сказала, — царь царей неизреченный,
Озаряющий лучами бедных жителей вселенной!
Как тебя прославить может человеческий разум бренный?
Ниспослал ты утешенье мне, страдалице смиренной!»

Тариэл сказал: «Сестрица, тяжела для нас расплата
За блаженство дней минувших, улетевших без возврата.
То закон старинный мира, в этом ты не виновата.
Жаль тебя, но лишь кончина твоего пленяет брата.

Если жаждущий разумен, воду наземь он не льет.
Для чего ж точу я слезы в дни страданий и невзгод?
Нас безводье убивает, но поит источник вод!
Горе мне: потерян жемчуг, роза больше не цветет!»

И свое припомнил солнце Автандил, ему внимая.
Он воскликнул: «О царица, без тебя схожу с ума я!
В отдалении от милой безутешна жизнь земная!
Кто тебе сказать сумеет, как я плачу, изнывая?»

Как подумать может роза: «Я без солнца не увяну»?
Коль погаснет вдруг светило, что я в мире делать стану?
Уподобься же, о сердце, неживому истукану!
Чтобы вновь увидеть деву, пусть душа скрывает рану!»

И умолкли побратимы, и любимая сестра
Проводила их в пещеру, безутешна и добра,
Разостлала шкуру тигра, усадила у костра,
И друзья вели беседу вплоть до самого утра.

Славный пир, зажарив мясо, братья справили сначала.
Правда, пир тот был без хлеба и гостей недоставало.
«Ешь!» — твердили Тариэлу, но не слушал он нимало.
Лишь кусочек весом в драхму съел, и силы есть не стало.

Есть ли что на свете лучше, чем разумная беседа?
Не пройдет она бесследно, коль послушаешь соседа.
Сердце стихнет понемногу, дружелюбием согрето.
Сладко горем поделиться, если можно сделать это!

Львам подобные герои продолжали разговор,
Поверяли то друг другу, что скрывали до сих пор,
И когда наутро солнце засияло из-за гор,
Новой клятвой подтвердили стародавний уговор.

Тариэл сказал: «Не нужно тратить лишние слова нам!
Бог воздаст тебе за дружбу с побратимом чужестранным.
Разве, дав друг другу клятву, были мы подобны пьяным?
Буду помнить я до смерти о тебе, моем желанном!

Чтоб уменьшить пламень сердца, поразмысли терпеливо,
Ведь огонь, во мне горящий, зажигало не огниво!
Потушить его желая, самому сгореть не диво!
Возвращайся же к царице, путешествуя счастливо!

Облегчить мои страдания не сумеет даже бог,
Потому я и блуждаю без путей и без дорог.

Я вернусь, как только розы расцветут, согреты маем.
Пусть они тебя разбудят, словно псы могучим лаем!

Если ж с радостною вестью я к пещере не приду,
Значит, в поисках царевны я и сам попал в беду
Это будет знак, чтоб слезы проливал ты в том году,
Что была погибель злая суждена мне на роду.

В этом случае не надо сокрушаться слишком много:
На коне умру иль в лодке — всё равно одна дорога!
Но молчать, подобно зверю, не могу: томит тревога.
Как мне знать, какая участь мне готовится от бога?»

Тариэл сказал: «Не буду утомлять тебя беседой,
Ты меня не будешь слушать, что тебе ни посоветуй.
Если друг нейдет с тобою, значит, ты за ним последуешь!
Понемногу станет ясным то, что скрыто в жизни этой.

Ты со временем увидишь, как печален мой удел.
Всё равно мне — плакать дома иль покинуть мой предел.
Всё я выполню, безумец, что бы ты ни захотел,
Но коль долго не вернешься, для земных погибну дел».

Братья в поле поспешили, захватив с собою луки,
И, убив по горной лани, привезли их в дар подруге.
Их сердца точили слезы, мысль о завтрашней разлуке
К неизбывным старым мукам прибавляла новой муки.

Пусть читатели отныне обливаются слезами!
Сердце с сердцем расстается — как тут быть, судите сами!
Нелегко дается людям расставание с друзьями!
Тот, кто этого не знает, горевать не будет с нами.

Утром братья пробудились, из пещеры вышли вон
И, с невольницей прощаясь, испустили горький стон.
Запылали их ланиты ярче пурпурных знамен,
Каждый лев, подобно зверю, был тоской испепелен.

С громким воплем ехал витязь, провожая Автандила.
«Кто вас, львы мои, прославит? — им невольница
твердила. —

Солнце вас сожгло навеки, о небесные светила!
Горе мне! Ничто на свете мне, страдальце, не мило!»

В этот день, не расставаясь от восхода до заката,
Путь держали прямо к морю два могучие собрата.
Здесь они остановились, тяготила их утрата,
Тяжким пламенем разлуки их душа была объята.

Автандил промолвил другу: «Высох слез моих ручей!
Почему с царем Фридоном ты провел так мало дней?
Там узнать возможно вести о возлюбленной твоей.
Как мне к витязю проехать, Расскажи мне поскорей!»

Юный витязь, не желая препираться по-пустому,
Показал ему дорогу к властелину молодому:
«Отправляйся ты к востоку вдоль по берегу морскому,
Передай поклон Фридону, коль к его прибудешь дому».

Застрелив козу из лука, оба сели у привала,
Пили-ели ровно столько, сколько в горе подобало,
Ночью их листва деревьев на ночлеге укрывала. . .
Рок земной непостоянен: то он много даст, то мало.

На заре они проснулись, чтоб надолго распрощиться.
Расставанью их и горю каждый мог бы подивиться,
Слезы их, не уставая, снова начали струиться,
Груды, слившись воедино, не могли разъединиться.

Наконец они расстались, и, рыдая, в тот же миг
Этот в горы устремился, тот — в колеблемый тростник.
Озираясь друг на друга, испускали братья крик.
Солнце, видя их печали, затуманивало лик.

30. ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ, ПРАВИТЕЛЮ МУЛЬГАЗАНЗАРА

Что ты вертишь нас и крутишь, бессердечный мир земной?
Всякий, кто тебе поверит, будет сетовать со мной.
Ты откуда нас приводишь, где сровняешь нас с землей?
Только бог один заступник всем отвергнутым тобой!

Витязь плакал и до неба возносил свои стенанья:
«Снова кровь я проливаю, обреченный на скитанья!
Тяжела друзьям разлука, как загробные свиданья!»
Не равны друг другу люди, и не сходны их желанья!

Звери вокруг него толпились, слезы горестные лили.
Чистым пламенем пылая, он горел в своем горниле.
Не видал он утешенья, вспоминая о светиле.
Перлы уст полуоткрытых розам в сумраке светили.

Вяла роза, увядала ветвь алоэ, и кристалл
Уподобился лазури и светиться перестал.
Но крепился он и думал, бесприютен и устал:
«Для чего дивиться мраку, если свет невидим стал?»

И воззвал он к Солнцу: «Солнце! Тинатин ты в мире этом!
Оба вы на землю льете дивный свет зимой и летом!
Я, безумный, я, влюбленный, упиваюсь вашим светом!
Отчего ж мое вы сердце оттолкнули несогретым?»

На один лишь зимний месяц Солнце прячется, не боле!
Я ж покинул два светила — в небесах и на престоле.
Как же мне в беде не плакать? Лишь утес не знает боли.
Нож плохой больному лекарь: ранит тело поневоле».

И опять молил он Солнце, проезжая средь долин:
«Солнце, ты владыка мира, властелинов властелин!
Слабый раб тобой возвышен и утешен господин!
Не гаси мой день, о Солнце! Дай увидеть Тинатин!

О Зуал, планета скорби, не щади меня нимало!
Ты мое закутай сердце в гробовое покрывало!
Как осла, гони и мучай от привала до привала!
Но скажи моей любимой, чтоб меня не забывала.

О Муштар, над всей землею ты судья и вождь верховный!
Вот пришли к тебе два сердца. Разреш их спор
любовный!
Не наказывай невинных, чтоб не впасть в обман
греховный!

Отчего ж, изранен девою, вновь я ранен, невинный?

О Марих, звезда сражений, бей меня своим копьем!
Пусть багряными от крови будем мы с тобой вдвоем.
Но скажи ей, как безумно плачу ночью я и днем,
Ты ведь знаешь, что я вынес в одиночестве моем!

Аспироз, звезда любви, мне союз с тобою нужен!
Жгут меня уста-кораллы, что скрывают ряд жемчужин!
Красоту даешь ты девам, ею я обезоружен!
Отчего ж ты мне не светишь, коль тебе я так послушен?

Отарид, планета странствий, нас судьба соединила:
Ты горишь в круженье Солнца, я горю в огне светила.
Опиши мои мученья! Вот из слез моих чернила.
Пусть пером тебе послужит стан иссохший Автандила.

О, приди ко мне и сжался над душой моей, Луна!
Ты, как я, по воле Солнца то ущербна, то полна.
Расскажи ей, как я стражду! Пусть услышит вновь она:
«За тебя я умираю! Будь же витязю верна!»

Семь светил вещают ныне то, что высказано мною!
Солнце, Отарид с Муштаром и Зуал полны мольбою.
С ними Аспироз взывает, и Марих твердит с Луною:
„Дева, пламенем пылая, я пленен одной тобою!“»

И тогда сказал он сердцу: «Для чего твои стенанья?
Сатана в тебя вселяет столь великие терзанья!

Та, чьи волосы, как ворон, обрела нас на скитанья.
Счастье вынести нетрудно, научись сносить страданья!

Если я в живых останусь, то, судьбой не обескрылен,
Я еще вернусь к царице, телом бодр и духом силен!» —
Так он пел, рыдая горько, сладкозвучен и умилен.
Соловей пред Автандилом был не более как филин.

Звери, слыша Автандила, шли толпою из дубрав,
Из реки на берег камни выходили, зарыдав,
И внимали, и дивились на его сердечный нрав.
И свои точили слезы, орошая листья трав.

31. ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ ПОСЛЕ РАЗЛУКИ ЕГО С ТАРИЭЛОМ

Долго ехал юный витязь. Лишь на день семидесятый
Он корабль заметил в море, — странник, горестью
объятый.
Корабельщики, причалив, вышли на берег покатый.
И спросил он: «Кто вы, люди? Чей он, этот край
богатый?»

«О прекрасный чужестранец! — те сказали изумленно. —
Образ твой чарует душу, словно солнце небосклона!
Там — турецкая граница, здесь — владения Фридона.
Обо всем тебе расскажем, коль посмотришь
благосклонно.

Нурадин-Фридон отважный правит в этой стороне,
Витязь щедрый и бесстрашный, горделивый на коне.
Никакой ему противник не опасен на войне.
Нам он с самого рожденья светит с солнцем наравне».

Автандил сказал им: «Братья, вы достойны уваженья!
Я ищу царя Фридона и терплю в пути лишенья.
Как проехать мне в столицу, если здесь его владенья?»
И они его решили проводить без промедленья.

«Этот путь, — они сказали, — приведет к Мульгазанзару.
Там живет наш царь, который одному тебе под пару.
Десять дней — и ты приедешь, уподобленный чинару!
Ах, зачем зажег ты в сердце пламя, равное пожару!»

«Отчего, — воскликнул витязь, — мною вы удивлены?
Коль зимой увяли розы, им не может быть цены.

И раба послал немедля, осерчав на них, Фридон:
«Что они, ослепли, что ли, коль бегут со всех сторон?»
Но при виде незнакомца раб отпрянул, поражен,
И, забыв про всё на свете, не промолвил слова оң.

Автандил, остановившись пред слугою оробелым,
Приказал: «Скажи владыке, что приехал я за делом.
Брат названный Тариэла, к этим я пришел пределам,
Миновал чужие земли, ибо послан Тариэлом».

Возвратился раб к владыке и сказал ему с поклоном:
«Царь, подобный солнцу витязь на лугу стоит зеленом.
Он — загадка для премудрых, странно слышать речь его
нам:
„Я пришел от Тариэла, чтоб увидеться с Фридоном“».

Царь, как только это имя произнес его слуга,
Взволновался и на розы слез исторгнул жемчуга,
И, с ресниц его слетая, вдруг повеяла пурга.
Так сошлись они, два брата, недоступных для врага.

Царь Фридон с холма спустился и, увидев Автандила,
Вскрикнул: «Кто он, этот витязь, коль не дивное светило?
Описать его красоты невдомек посланцу было!»
Оба спешились, и радость их слезами окропила.

Обнялись, и, хоть впервые витязь был в Мульгазанзаре,
Царь души не чаял в госте, гость же — в юном государе.
Люди солнце разлюбили, присмотревшись к этой паре.
Ведь подобных им героев не увидишь на базаре!

Равных витязю Фридону среди людей на свете нет,
Но затмил его красою добродетельный спаспет.
В блеске утреннего солнца исчезает вид планет.
Лишь во тьме свеча сияет, днем ее невидим свет.

На коней они вскочили, во дворец помчались рядом.
Царь велел кончать охоту и домой идти отрядам.
Все собравшиеся гостя провожали долгим взглядом.
«Сам творец, — они твердили, — одарил нас этим чадом!»

И сказал Фридону витязь: «Ты спешишь услышать
вести —
Кто я, еду я откуда. Всё скажу, коль будем вместе,

Расскажу о Таризле, о Нестан, его невесте. . .
Он мой друг, хоть я, по правде, недостоин этой чести.

Знатный витязь аравийский, полководец Автандил,
Я — любимец Ростевана и начальник ратных сил.
Из высокого я дома, царь меня усыновил,
Тех, кто мне сопротивлялся, я разбил и усмирил.

Раз, когда мы на охоте забавлялись с Ростеваном,
С неким плачущим скитальцем повстречались
чужестранным.

На призыв он не явился, это нам казалось странным:
Мы цены еще не знали ни слезам его, ни ранам.

Царь велел схватить невежу и послал людей из свиты.
Но недолго думал витязь, где искать ему защиты.
Многих он перекалечил, были многие убиты.
Кто луну столкнуть сумеет с предначертанной орбиты?

Царь разгневался, увидев, что обидел витязь нас,
Сел в седло и, горделивый, поспешил за ним тотчас.
Биться с нами незнакомец не решился в этот раз,
Опустил он вдруг поводья и исчез из наших глаз.

След его не обнаружив, мы сочли его виденьем.
Царь, унынием объятый, охладел к увеселеньям.
Был и я смущен немало тем загадочным явленьем.
И на поиски пустился, весь охваченный томленьем.

Я искал его три года, исходив земные дали.
Наконец на незнакомца мне хатавы указали.
И нашел тогда я розу, чуть живую от печали,
И с тех пор мы друг для друга как родные братья стали.

Захватив пещеры дэвов, витязь с помощью Аснат
Жизнь влачит вдали от мира, лютым пламенем объят.
Он горит в огне разлуки, мой названный старший брат.
Всем, о нем скорбящим, нужно траурный надеть наряд.

Плачет девушка в пещере, опекаемая братом:
Витязь пищу ей приносит, словно лев любимым львьятам,

Сам же мечется по свету с сердцем, горестью объатым.
Кроме этой юной девы, всех он гонит от себя там.

Незнакомец знакомцу, рассказал он мне, рыдая,
Как навеки разлучилась с ним царевна молодая.
Описать его мученья не сумею никогда я, —
Вечно плачет он о милой, по урочищам блуждая.

Всё он странствует, тот витязь, сходный с юною луной,
День и ночь скитальца носит конь, подаренный тобой.
Он людей, как зверь, боится, проезжая стороной. . .
Горе мне, его собрату! Горе деве молодой!

Пламя этого безумца и меня спалило вскоре.
Увидав, как он страдает, сам почувствовал я горе.
Для него прошел я сушу, для него объехал море,
И с царем по возвращенье оказался я в раздоре.

Я хотел вернуться к другу — отказал мне царь сурово.
Я ушел без разрешенья и покинул войско снова.
Снова я ищу лекарство для страдальца молодого
И опять кружусь по свету, не имея на ночь крова.

О братании с тобою рассказал мне тот беглец,
И тебя, о несравненный, разыскал я наконец.
Где, скажи, искать мне солнце и владычицу сердец,
Перед кем в восторге зрячий и в отчаянье слепец?»

Царь Фридон в ответ заплакал. И, томителен и строен,
Плач их был подобен песне и сочувствия достоин.
В рощах глаз кипели слезы, и, тоскуя, каждый воин
Заставлял их течь на розы из агатовых промоин.

Увидав царя в печали, стража громко зарыдала.
Те себя по лицам били, те швыряли покрывала.
Семилетнею разлукой огорчился царь немало:
«О коварный мир мгновенный! Тяжела твоя опала!»

Для тебя, мой витязь дальний, и похвал достойных нет!
Солнце ты с пути низводишь, сам сияя, точно свет!
Не тобой ли каждый смертный осчастливлен и согрет,
О дыханье нашей жизни! О сияние планет!

С той поры, как мы расстались, стала жизнь
невynosимой!
Пусть ты сам меня покинул, я стремлюсь к тебе,
любимый!
Ты меня не замечаешь, я метусь, тоской томимый!
Жизнь пуста, и мир несносен для души моей гонимой!»

Наконец они умолкли и, не кончив разговора,
Поспешили по дороге и вошли в столицу скоро.
Автандил небесноликий был отрадою для взора:
Под шатром ресниц тяжелых он таил очей озера.

Скоро витязи вступили в изукрашенный чертог,
Где блюдут страну вельможи от раздоров и тревог.
В дорогих одеждах слуги охраняли там порог,
И любой из них приедем любоваться ныне мог.

Вышли к гостю домочадцы, время трапезы пришло.
Сто вельможных царедворцев по бокам от них сидело.
Автандил сидел с Фридоном, вспоминая Тариэла.
Лал, кристалл, агат и роза — всё цвело и пламенело.

Ели-пили, пировали, поднимали в кубках вина,
Автандила, словно свата, угощали благочинно,
Утварь дивная явилась по приказу Нурадина,
Но огнем души героя пламенела вся дружина.

Пир до вечера тянулся. Упивался тот, кто пил.
Утром после омовенья был наряжен Автандил.
Я в сто тысяч драхм, не меньше, тот наряд бы оценил.
Оценить же редкий пояс у меня не хватит сил.

И хотя остерегался юный витязь промедленья,
Он являлся на охоту, посещал увеселенья.
Много дичи пострелял он, показал свое уменье, —
Бил без промаха по зверю, всем стрелкам на посрамленье.

Наконец сказал он другу: «Царь, томит меня тревога!
Трудно мне с тобой расстаться, не сердись же, ради бога.
Не могу я больше медлить, слишком дней уходит много,
Предстоит мне труд великий и нелегкая дорога.

Кто, тебя покинув, плачет, тот не может быть не прав,
Но могу ль я не уехать, жаром сердца воспылав?

Хорошо ли, если путник тратит время для забав?
Покажи мне, где стоял ты, это солнце увидав!»

Царь Фридон ответил: «Знаю, бесполезен спор с судьбою:
Ты, иным копьем пронзенный, не останешься со мною.
Пусть же враг твой погибает! Отправляйся, бог с тобою!
Только, брошенный друзьями, чем я душу успокою?»

В одиночестве отныне ты не должен находиться.
Дам тебе рабов я верных — помощь всюду пригодится.
Пусть везут твою поклажу конь проворный и ослица.
Ведь без них тебе в пустыне трудно будет обходиться».

Четырех рабов он выбрал, верных дому с давних пор,
Подарил вооруженье, полный панцирный убор,
Шестьдесят талантов злата и велел привести во двор
Дорогого иноходца, изумляющего взор.

Привели затем ослицу и навьючили постелью.
Витязь в дальний путь собрался, не прирученный
к безделью.

В ожидании разлуки охладел Фридон к веселью,
Он твердил: «Исчезнет солнце, и придет зима с метелью!»

Люди в городе узнали об отъезде том заране.
Продавцы плодов и шелка взволновались на майдане.
Голоса их раздавались, словно гром на поле брани:
«Исчезает наше солнце! Плачьте, плачьте, горожане!»

И когда на берег моря вышли путники, тотчас,
Как из озера страданий, слезы хлынули из глаз.
И поведал Автандилу царь печальный свой рассказ,
Как он видел здесь царевну, но, увы, ее не спас.

«Под охраной двух дозорных к нам явилась та девица,
Оба были словно сажа, только дева — светлолица.
Взял я меч, коня пришпорил, чтоб со стражами сразиться.
Но неведомая лодка скрылась в море, точно птица».

Братья обняли друг друга, испустили горький стон,
И огонь, томивший сердце, снова вспыхнул, распален,
И расстались побратимы, полководцы двух племен,
И остался одиноким опечаленный Фридон.

32. ОТЪЕЗД АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Автандил с рабами ехал вдоль по берегу морскому,
Он искал бальзам целебный побратиму молодому.
День и ночь носил он в сердце беспредельную истому,
Целый мир с его делами отметал он, как солому.

Много встречных за сто суток расспросил он по базарам,
Но о деве не услышал, лишь потратил время даром.
Раз увидел он верблюдов и на них тюки с товаром.
Караванчики у моря с вожакom стояли старым.

Автандил с холма крутого заприметил их вдали.
Лица были их печальны, одеяния в пыли.
Дальше ехать эти люди, очевидно, не могли.
И спросил у них скиталец, из какой они земли.

Предводитель каравана был Усам, старик почтенный.
На приветствие ответил похвалою он отменной.
Он сказал: «Светило наше, утешитель драгоценный,
Приклони свой слух сегодня к нашей повести смиренной».

И сказали незнакомцы, окружившие спасета:
«Мы — торговцы из Багдада, люди веры Магомета.
Не берем мы в рот хмельного, помним правила запрета.
Царь морей торгует с нами, для него поклажа эта.

Здесь нашли мы человека, изнемогшего от ран,
Привели его в сознание, из каких, спросили, стран.
И ответил нам бедняга, болью тела обуян:
«Горе вам, коль выйдет в море ваш торговый караван!

Я по морю из Египта направлялся к дальним странам,
Нагрузив корабль богатый дивным шелком
чужестранным,
Но пираты наше судно протаранили тараном. . .
Не пойму, как я добрался к этим отмелям песчаным».

Сам ты видишь, лев и солнце: наше горе необъятно.
Разоримся мы до нитки, коль воротимся обратно.
Если ж двинемся мы в море, то погибнем безвозвратно, —
Нам с пиратами сражаться непривычно и накладно».

«Тот не прав, кто унывает, — Автандил сказал в ответ. —
Мы ниспосланных от бога не минуем в жизни бед.
Но залогом вашей крови буду я во цвете лет.
Горе тем, кто нам на море нанести захочет вред!»

Караванщики сказали, обнадежены героем:
«Если витязь не испуган столь неслыханным разбоем,
Нагрузим скорее судно, зря себя мы беспокоим!»
И поспешно вышли в море, огорченные простоем.

Шли они с попутным ветром, без особых затруднений.
Автандил, отважный витязь, вел их в нужном
направленье.
Вдруг корабль с огромным флагом показался
в отдаленье.
Был на нем отряд пиратов и таран для нападений.

Шли грабители навстречу, воя в трубы и крича.
Караванщики смутились, слыша голос трубача.
Витязь им сказал: «Не бойтесь! Иль умру от их меча,
Или все они погибнут, не дождавшись палача!

Провидение сильнее всех воителей вселенной,
Лишь когда настанет время, я покину мир мгновенный.
Ни друзья тогда, ни башни не спасут мне жизни брэнной.
Тот, кто это понимает, тверд душою неизменной.

Вы, купцы, я вижу, трусы! Не сражались вы с врагами!
Чтобы вас не перебили, лучше спрячьтесь за дверями.
Посмотрите, как я буду драться львиными руками,
Как пролью потоки крови, если враг сразится с нами!»

Не имея в сердце страха, уподобившийся льву,
Облачился он в доспехи, шлем надвинул на голову
И над самую кормую смело поднял булаву. . .
Меч его грозил пиратам не во сне, а наяву.

Приближаясь с каждым мигом, громко хищники вопили
И бревно с железным бивнем прямо в судно устремили.
Витязь с тяжелой булавою укрепился на кормиле
И ударил по тарану, с львом соперничая в силе.

И таран переломился, и осталось судно целым,
И внезапно прыгнул витязь к супостатам оробелым,
И бежать им было поздно, и в сраженье этом смелом
Смерть, достойная злодеев, стала горьким их уделом.

Словно лев на козье стадо, витязь кинулся на них.
Он одних швырял в пучину, бил о палубу других.
Восьмерых схватив в охапку, он разил девятерых.
Укрывался в груде трупов, кто остался там в живых.

Одержал победу витязь, утолил свое желанье.
Богом хищники молили не карать за злодеянье.
Витязь раненых не тронул, обнаружил состраданье,
Ибо страх ведет к любви, как вещает нам Писанье.

Не гордитесь, люди, силой! Бросьте глупую забаву!
Людям сила бесполезна, если богу не по нраву.
Ведь довольно малой искры, чтоб большую сжечь
дубраву.
И с дубьем, коль бог захочет, и с мечом добудешь славу.

Много редкостных сокровищ те разбойники везли.
Увидал добычу витязь, и сцепил он корабли,
И на зов его немедля караванщики пришли,
И Усам, воспрянув духом, славил витязя вдали.

Десять сотен уст потребно, чтоб прославить Автандила,
Красоту его измерить нет достойного мерила!
Караванщики вскричали: «Помогла нам божья сила,
Ночь прошла, настало утро, загорелся луч светила!»

Подошли они к герою, целовали руки-ноги,
Осыпали похвалами, спасены среди дороги.

Мудрецы, его увидев, стали б разумом убоги!
«Спас ты наше достоянье и избавил от тревоги!»

«Слава богу! — он ответил. — Стороной прошла беда!
Предначертанное богом исполняется всегда.
Бог землею правит втайне, въяве — только иногда.
Нужно нам, по слову мудрых, верить в лучшие года!

Вседержитель оказался нам защитой надежной.
Это он послал мне силы, без него я прах ничтожный!
Ныне я разбил пиратов, верен клятве непреложной.
Поделитесь их добычей и поклажею дорожной».

Счастлив доблестный воитель, победивший супостата!
Все сподвижники героя дружно чествуют собрата,
Перед ним, неустрашимым, их душа стыдом объята,
А герою даже рана — украшенье, не утрата!

В тот же день корабль пиратов мореходы обошли,
И, сокровища увидев, сосчитать их не могли,
И собрали их немедля, и к себе перенесли,
И корабль, разбитый в щепки, бросив в море, подожгли.

И вручил Усам герою от купцов уведомленья:
«Пристыженные тобою, мы спаслись от нападения.
Ныне мы свои товары отдаем в твое владенье.
Поделись, коль хочешь, с нами. Это общее решенье».

Автандил ответил: «Братья, я сказал вам ясным слогом:
Бог заметил ваши слезы, спасены вы только богом.
Я всего лишь бедный странник и нуждаюсь не во многом:
Был бы сам да конь послушный, чтобы ездить по дорогам.

Если б я искал сокровищ, всё имел бы, что хочу:
Драгоценные каменья, украшенья и парчу.
Для чего дары мне ваши? Я доверился мечу —
И совсем не о богатстве, разъезжая, хлопочу.

Из бесчисленных сокровищ, нам ниспосланных судьбою,
Каждый пусть возьмет, что хочет, — ничего от вас
не скрою.
Об одном прошу вас, братья: если вы довольны мною,
Дайте мне покуда скрыться под одеждою простою.

Кроме вас, никто не должен обо мне иметь понятия.
Притворившись старшиною, я надену ваше платье.
Как простой купец, отныне буду с вами торговать я.
Вы ж меня не выдавайте, ибо мы отныне братья!»

По душе пришлась торговцам эта просьба Автандила.
«Витязь, ты надежда наша! — так решение их гласило. —
Умолять тебя об этом нам самим бы нужно было.
Будь же нашим старшиною ты, чей лик светлей светила!»

Путешествуя по морю, дальше двинулись они,
И была благоприятна им погода в эти дни,
И дарили Автандилу только перлы, и сродни
Были этим дивным перлам зубы витязя одни.

33. ПРИБЫТИЕ АВТАНДИЛА В ПРИМОРСКИЙ ГОРОД ГУЛАНШАРО

Автандил проехал море и окинул берег взглядом.
Перед ним открылся город, окруженный пышным садом.
Цветники оттенков разных в том саду цвели богатом.
Как тебе его представить, коль ты не был никогда там!

Привязав к причалам сада свой корабль тремя цепями,
Автандил, в торговом платье, сел на стул под деревьями,
И пришли к нему торговцы с полновесными деньгами,
И, свое скрывая званье, занялся герой делами.

И пришел к нему садовник, надзиратель тех садов,
И, увидев лик героя, изумиться был готов.
Но спросил его приезжий: «Чей здесь город и каков?
Как зовется повелитель этих пышных берегов?»

Расскажи мне без утайки, — он сказал, — какие ткани
Здесь в цене, какие сходят за бесценок на майдане?»
«О купец, — сказал садовник, — изливаешь ты сиянье!
Всё скажу тебе правдиво, утолю твоё желанье.

В год едва ли ты объедешь этот край благословенный.
Дивный город Гуланшаро полон роскоши отменной.
К нам ее сюда привозят корабли со всей вселенной.
Царь морей Мелик Сурхави — наш владыка
несравненный;

Молодеют даже старцы, приезжая к нам сюда.
Здесь всегда пиры да пляски, пенье, музыка, еда.
Здесь цветы благоухают и не вянут никогда.
Даже те на нас дивятся, кто желает нам вреда!

Именитые торговцы здесь на дело тороваты:
Продают и покупают, наживаются трикраты.
Бедняки и те за месяц могут сделаться богаты,
Коль добра себе закупают без особенной затраты.

Я смотритель и садовник именитого Усена,
Он глава торговцев здешних, вся ему подвластна мена.
Чужестранцев он встречает здесь в саду обыкновенно,
Ибо видеть все товары он обязан непременно.

Все прибывшие Усену поднести спешат дары
И в другом не могут месте разбивать свои шатры.
Для царя он покупает ткани, золото, ковры,
И торгуют где угодно чужестранцы с той поры.

Для таких, как ты, почтенных мореходов и героев
Он велит отвести покои содержателям покоев.
Но теперь Усен в отъезде. Все дела свои устроив,
Он тебя обязан встретить, высшей чести удостоив.

Здесь Фатма-хатун при доме, госпожа, его супруга,
Весела она, любезна, любит гостя в час досуга.
Лишь скажу, она немедля пригласит тебя, как друга,
Во дворец ее богатый проведет тебя прислуга».

Автандил ему ответил: «Делай так, как ты сказал!»
И слуга, облившись потом, к госпоже своей вбежал.
«Госпожа моя, — он крикнул, — удостой меня похвал:
Некий витязь солнцеликий в нашей гавани пристал!

Он торговец именитый и хозяин каравана,
Словно месяц семидневный, он красивее платана.
Как идет к его одежде цвет коралловый тюбана!
Он справляется о ценах гуланшарского майдана».

Десять слуг Фатма послала провести купца столицей,
В караван-сарай товары потянулись вереницей.
И вошел в ее покои лал-агат розоволицый,
И подобен льву и тигру был он шуйцей и десницей.

И народ, услышав новость, собрался со всех сторон.
Волновались, говорили: «Не покажется ли он?»
Этот был восторга полон, тот — до смерти поражен,
О мужьях забыли жены, и мужья корили жен.

34. ВСТРЕЧА АВТАНДИЛА С ФАТЬМОЮ

У дверей жена Усена гостя встретила с поклоном.
Взор ее сиял довольством и казался благосклонным.
Привела и посадила, как предписано законом,
Было видно: не гнушалась тем купцом иноплеменным.

По летам немолодая, но красивая собою,
Смуглолицая хозяйка притворялась молодою.
По душе ей были пляски, а не то и пир горою.
Песни, музыка, наряды не давали ей покоя.

Засидевшись за обедом, гость подарки ей дарил.
Удивленная хозяйка говорила: «Как он мил!
Дай же бог, чтоб не впустую этот пир устроен был!»
Наконец в опочивальню был отпущен Автандил.

Утром он, открыв товары, выбрал шелка дорогого
И послал его владыке края этого морского.
Остальное он торговцам возвратил, напомнив снова:
«Продавайте как хотите, но о витязе — ни слова!»

Даже в скромном одеянье витязь всех сводил с ума!
То он шел к хозяйке в гости, то к нему — она сама.
Речи были их красивы, встречи — длительны весьма.
Как влюбилась Вис в Рамина, так и в витязя — Фатьма.

35. ФАТЬМА ВЛЮБЛЯЕТСЯ В АВАНДИЛА

Лучше с женщиной не знаясь тем, кому под силу это:
Ты отдашь жене всё сердце, нежной ласкою согрето,
А она тебе изменит, позабыв слова обета.
Доверять не нужно женам даже малого секрета!

Вожделенье к Авандилу в сердце женщины запало.
Как Фатьма ни огорчалась, пламя крепло, возрастало.
Обнаруживалась тайна, как хозяйка ни скрывала.
«Как мне быть и что мне делать? — день и ночь она
рыдала. —

Если я ему откроюсь, он, быть может, удалится.
Промолчу — еще ужасней буду в пламени томиться.
Объяснюсь я, будь что будет, коль я в мире не жилица!
Не открыв врачу болезни, разве можно исцелиться?»

И письмо она решила написать купцу и в нем
Рассказала, как страдает, угасая с каждым днем.
Зачастую эти письма опаляют нас огнем.
Их беречь на память надо, мы ж теряем их и рвем.

36. ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ ФАТЬМОЙ АВТАНДИЛУ

«Создал бог тебя, о солнце, всемогущею рукою,
Без тебя любая радость людям кажется бедою,
Но вблизи ты нас сжигаешь дивной силой огневою...
Сонмы звезд тобой гордятся и любятя тобою!

Всякий, кто тебя увидит, обезумеет от страсти.
Соловьи трепещут, роза, у тебя одной во власти!
Все цветы вокруг увяли, да и я теперь в напасти:
Сердце, бедствуя в разлуке, разрывается на части.

Тяжело мне, бог свидетель, о любви писать моей!
Что, однако, мне поделать, если нет пределов ей?
В сердце черные ресницы проникают всё сильней.
Не лишай меня рассудка, помоги и пожалей!

И пока ты мне ответа не пошлешь по доброй воле,
Чтоб лишить меня надежды иль помочь в несчастной
доле, —
До тех пор, изнемогая, не умру я поневоле.
Жизнь иль смерть, реши скорее! Я страдать не в силах
боле!»

Как обычную записку, без особого вниманья
Автандил в своем покое прочитал ее признанья.
Он сказал: «Фатьма не знает, каковы мои желанья.
Я ль сравню ее с любимой, забыв мои мечтанья?

Не чета вороне роза! Непристойна эта связь!
Но еще не пел над нею соловей, воспламенясь!
Всё дурное и бесплодно и противно, словно грязь.
Что за вздор она мне пишет? И откуда дурь взялась?»

Но потом он так подумал: «Посреди чужого люда
Я один себе помощник, одному же в мире худо.
Чтоб вернуть страдальцу-другу то потерянное чудо,
Обо всем ином на свете должен я забыть покуда.

Эта женщина привыкла принимать к себе гостей,
Видеть множество приезжих, слышать множество вестей,
Если я, испепеленный, повинуюсь нынче ей,
Может быть, она поможет мне по прихоти своей.

Ведь коль женщина полюбит, к нам она при первом слове
Рада будет прилепиться, как уток к своей основе,
Всё расскажет, разболтает. . . Ей позор и стыд не внове.
Видно, мне не подобает уклоняться от любви.

Под несчастною звездою не добьешься ничего.
То, что нужно, — не имею, а иное — для чего?
Мир — как сумерки ночные, тьма наполнила его.
Что содержится в кувшине, то и льется из него!»

37. ОТВЕТ АВТАНДИЛА И ВСТРЕЧА ЕГО С ЧАЧНАГИРОМ

Автандил Фатьме ответил: «Я прочел твои хваленья.
Ты меня предупредила: сам пылаю каждый день я.
Как и ты, я умираю от любовного влеченья.
То, что сладостно обоим, недостойно осужденья».

Как Фатьма возликовала, не умею рассказать я!
«Уж не буду, — написала, — больше слезы проливать я!
Только сумерки настанут, приходи в мои объятия,
С нетерпением великим буду ночи ожидать я».

Но как только он собрался на свидание идти,
Некий раб ему в потемках повстречался на пути.
«Задержишься! — Фатьма писала. — Не готова я, прости!»
«Что за вздор! — подумал витязь. — Что могло
произойти?»

Несмотря на запрещенье, распахнул он дверь алькова.
Перед ним Фатьма сидела, и мила и черноброва.
Автандил заметил сразу, что рыдать она готова,
Но влюбленная хозяйка не промолвила ни слова.

Сели вместе, целовались за беседою совместной.
Вдруг явился на пороге некий витязь неизвестный.
Вслед за гостем нес невольник меч его и щит железный,
Но при виде Автандила оба встали, как над бездной.

И Фатьма, заметив гостя, побледнела, словно мел.
С удивленьем незнакомец на любовника глядел.
Он сказал Фатьме: «Не буду прерывать я ваших дел,
Но клянусь тебе, что завтра будет горек твой удел!»

Ты меня своим распутством затоптала в грязь, срамница!
Отомщу тебе я завтра, как тебе еще не снится:
Всех детей своих от страха загрызешь ты, как волчица!
Плюнь мне в бороду, злодейка, если это не случится!»

Тронув бороду рукою, удалился гость сердитый.
Залилась Фатьма слезами, принялась терзать ланиты.
«Горе мне! — она вскричала. — Все грехи мои открыты!
Пусть побьют меня камнями! Не достойна я защиты!»

Погубила я супруга и детей не сберегла,
Потеряла самоцветы, разоренная дотла!
Разлучилась я с родными, натворив немало зла,
Кров разрушила домашний, где так радостно жила!»

С удивленьем слушал витязь эти горькие стенанья.
«Что с тобою? — он воскликнул. — Как понять твои
рыданья?
Кто такой он, этот витязь, наши видевший лобзанья?
За какие он грозился рассчитаться злодеянья?»

«Лев, теряю я рассудок! — так Фатьма ему сказала. —
Не спрашивай напрасно, говорить мне не пристало.
И детей я погубила, и сама теперь пропала, —
Красота твоя, любимый, сердце мне околдовала.

Тот, кто в жизни неразумен и ведет себя, как лжец,
Кто сберечь не может тайны — погибает наконец.
Пусть же плачут о несчастной, не жалеющей сердец!
Кто своей желает крови, тот на свете не жилец.

Ты одно из двух обязан совершить без промедленья:
Иль убей ты чачнагира, замышляющего мщенье, —
Ты спасешь поступком этим и меня, и всё именье,
Я ж тебе потом открою все былые прегрешенья;

Или, если ты не можешь, погрузи на мулов выюки
И покинь мои владенья, как ни горек час разлуки.
Буду я тебе противна, коль, попавшись в злые руки,
Загрызу своих детей я, обреченная на муки».

Автандил, бесстрашный витязь, воспылал, подобно льву.
Смелый, доблестный и гордый, взял он в руки булаву.

Он сказал: «Забудь об этом! До тех пор, пока живу,
Беззащитному погибнуть не позволю существу!

Мне помощников не нужно, нужен только провожатый,
Чтобы знал я, где живет он, этот витязь бородатый.
Он не справится со мною, лютой яростью объятый.
Жди меня и будь спокойна, не пугай себя расплатой!»

И хозяйка к Автандилу провожатого прислала
И, прощаясь, понемногу успокаиваться стала.
«Коль убьешь его сегодня, — так она ему сказала, —
Не забудь, сними мой перстень с пальца этого бахвала».

Автандил из дома вышел, и прошел сквозь город он.
Был дворец красно-зеленый возле моря возведен.
Окружая ряд чертогов, над балконом шел балкон,
Строй бесчисленных балконов упирался в небосклон.

Провожатый Автандилу показал на это зданье:
«Тот, кого ты ныне ищешь, здесь имеет пребыванье.
Ты на верхнюю террасу поднимись без колебанья:
Отдыхает там хозяин, возвратившись со свиданья».

Двух привратников заметил возле дома Автандил,
И подкрался к ним бесшумно, и за горло их схватил,
И приподнял, и ударил друг о друга что есть сил,
Черепу разбил обоим и мгновенно умертвил.

38. АВТАНДИЛ УБИВАЕТ ЧАЧНАГИРА

Чачнагир лежал на ложе в огорчении немалом.
Автандил к нему ворвался, обагрен потоком алым.
Сбросив витязя с кровати, он пронзил его кинжалом
И расправился без шума с этим воином удалым.

Для друзей — светило жизни, для врагов — гроза и горе,
Отрубил он палец с перстнем, не забыв об уговоре,
И безжизненное тело из окна он бросил в море,
И нашло оно могилу в беспредельном том просторе.

Дело втайне совершилось. Кто об этом мог узнать?
Уподобясь сладкой розе, устремился витязь вспять.
Как решился он на это, невозможно нам понять,
Но знакомою дорогой возвратился он опять.

И когда к Фатьме явился этот лев и солнце света,
Он сказал ей: «Твой обидчик не проспится до рассвета:
Он убит моим кинжалом, провожатый видел это.
Вот тебе в утеху палец, и кольцо на нем надето!

Объясни же мне без страха, почему ты так несчастна?
Чем грозил тебе тот витязь, порицая громогласно?»
И Фатьма ему призналась: «О возлюбленный! Не властна
Посмотреть тебе в лицо я, хоть люблю тебя я страстно.

Возвратил ты ныне к жизни и меня, и всю семью.
Чем тебя я, лев, прославлю? Как твой подвиг воспою?
Так как ты убил сегодня эту злобную змею,
Приготовься, солнцеликий, повесть выслушать мою».

39. ФАТЪМА РАССКАЗЫВАЕТ АВТАНДИЛУ ИСТОРИЮ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

«Новый год мы здесь справляем по своим заветам
старым:
Не торгуем, как обычно, и не ездим по базарам.
В этот день, принарядившись, мы, подобно знатным
барам,
Во дворец на пир веселый с дорогим приходим даром.

В этот день купцы приносят государю приношенья,
Царь их также оделяет сообразно положенья,
Десять дней играют арфы, всюду музыка и пенье.
Игры в мяч, бега и скачки развлекают населенье.

Здесь делами всех торговцев управляет мой супруг,
Я считаюсь у царицы госпожою их подруг.
Захватив с собой подарки и собравшись в тесный круг,
Мы проводим вместе с нею новогодний свой досуг.

Как-то в праздник новогодний принимала нас царица,
Оделяла нас дарами, весела и светлолица.
Вслед за тем мои подруги поспешили удалиться
И зашли ко мне в покои, продолжая веселиться.

В сад мы вечером спустились и певцов с собою взяли,
И певцы веселым пеньем нас искусно развлекали.
Забавляясь, я меняла и прически и вуали
И с подругами болтала без заботы и печали.

В том саду, над самым морем, прихотлива и стройна,
Средь кустов была беседка на скале возведена.
И пришла я в ту беседку, роем жен окружена,
И велела дать подругам угошенья и вина.

Занимала я соседок, чтобы им не скучно было,
Но в разгаре удовольствий вдруг душа моя занула.
Гости стали расходиться, увидав, что я уныла,
И печаль, подобно саже, разом сердце мне покрыла.

Я окно приотворила, устремила взгляд на море
И смотреть на волны стала, чтоб свое развеять горе.
Что-то темное мелькало в беспредельном том просторе,
То ли зверя, то ли птицу разглядела там я вскорее.

Но не зверь то был, не птица: море там несло ладью,
Два каких-то чернокожих плыли к нашему жилью,
И везли они с собою ту, о ком я слезы лью,
Чье чудесное виденье душу ранило мою.

Скоро маленькое судно оказалось у причала.
Озираясь, оба стража вышли на берег сначала, —
Сонный берег был безлюден, их ничто не испугало,
Лишь одна я незаметно из окошка наблюдала.

И тогда они из лодки извлекли ковчег, откуда
Вышла девушка на берег, где камней лежала гряда:
В черной редкостной вуали, в платье цвета изумруда,
Затмевало образ солнца то неведомое чудо.

Повела очами дева — засиял вокруг гранит,
Над землей возник и небом нежный свет ее ланит.
Я глаза мои закрыла, ибо девы этой вид
Ослепил меня внезапно так, как солнце нас слепит.

Четырем рабам отважным я приблизиться велела.
«Посмотрите, что за дивом эта шайка овладела!
Нужно выкупить бедняжку. Отправляйтесь, люди, смело,
Что запросят, то и дайте, но устройте это дело.

Если ж торг не состоится, то убейте этих стражей
И луну ко мне доставьте, чтоб жила под кровлей нашей».
Тут рабы мои, подкравшись, подошли к стоянке вражьей,
Но приезжие и слушать не хотели о продаже.

Видя это, я вскричала: «Смерть им! Смерть!» И предо
мной
Два убитые злодея скоро скрылись под водой.

40. ФАТЬМА СПАСАЕТ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН И РАССКАЗЫВАЕТ О НЕЙ УСЕНУ

Солнцеликую, которой похвалы обычной мало,
Я, клянусь ее любовью, никому не показала,
Но она струила слезы, завернувшись в покрывало,
Роза инеем покрылась, из ресниц метель взлетала.

Эту деву молодую, станом сходную с алоэ,
Привела я незаметно в помещенье потайное.
Скрыла я от любопытных это диво неземное,
Только негр, слуга мой верный, ей прислуживал в покое.

Описать ее страданья не умею я вполне.
День и ночь она рыдала, не смолкая и во сне,
Утихала на минуту лишь со мной наедине. . .
Отчего в разлуке с нею я не гибну? Горе мне!

День и ночь пред нею стыли слез глубокие криницы,
Над пучиной глаз чернильных висли копьями ресницы,
Как агатовые чаши, влагу черпали зеницы,
Близнецы зубов сияли из волшебных уст девицы.

Видя девушку в печали, допытаться не могла я,
Кто она, откуда родом, в чем ее кручина злая.
Видно, вынесла бедняжка, слез потоки проливая,
То, что вынести не в силах ни одна душа живая.

Ни ковра, ни одеяла эта дева не брала,
Лишь вуаль из черной ткани покрывалом ей была.
Руку под голову клала — так, бывало, и спала.
И едва касалась пищи, торопясь из-за стола.

Расскажу я о вуали тонкотканой и прелестной.
Много я перевидала всякой роскоши чудесной,
Но такой я не встречала дивной ткани неизвестной:
Хоть она казалась мягкой, но была прочней железной.

Уж давно в поместье нашем незнакомка укрывалась,
Рассказать о ней Усену я, однако, не решалась.
«Для него любую тайну разболтать — пустая малость», —
Так я думала о муже и, увы, не ошибалась.

Но потом я спохватилась: «Коль о деве я смолчу,
Не смогу ничем помочь ей так, как этого хочу,
Лишь со временем от мужа по заслугам получу...
Так зачем же о бедняжке я напрасно хлопочу?

Что могла одна я сделать, истомленная тоскою?
Будет лучше, коль Усену эту тайну я открою.
Пусть он только поклянется предо мной, своей женою,
Что нигде не будет хвастать незнакомкой молодою».

И пришла тогда я к мужу, и, обняв его, сказала:
«Расскажу тебе я, милый, то, что ранее скрывала,
Но держать всё это в тайне головой клянись сначала!»
Муж сказал: «Коль проболтаюсь, мне с горы свалиться
мало!

То, о чем ты мне расскажешь, сохранить я в тайне рад,
Не пронюхают об этом ни собрат, ни супостат!»
И сказала я Усену, хоть мой муж и простоват:
«Встань, пойдем! Увидишь солнце, ослепляющее взгляд!»

И когда пришли мы с мужем в потайное помещенье,
Вздрогнул муж, увидев деву, и воскликнул в восхищенье:
«Что я вижу пред собою? Что за дивное виденье!
Неужели это солнце — нам подобное творенье?»

«Ничего о ней не знаю, — отвечала я супругу, —
Знаю только, что явилась из-за моря к нам в округу.
Пусть она сама расскажет, как помочь ее недугу,
Пусть свое откроет имя и окажет нам услугу».

И почтительно сказали мы, склонившись перед ней:
«Нас лучи твои, светило, обжигают всё сильнеей.

Как же нам луну избавить от скопления теней?
Отчего желтей шафрана стал рубин в расцвете дней?»

Услыхала нас девица или вовсе не слыхала,
Но уста свои, как розы, над жемчужинами сжала,
Над челом, подобным чуду, змеи кос простерли жала,
Солнце, скрытое драконом, людям больше не блистало.

И ни слова не сказала наша юная жилица,
Только сумрачно смотрела, как угрюмая тигрица.
Но когда ручьи устали из очей прекрасных литься,
«Уходите! — прошептала. — Дайте мне уединиться!»

И заплакали мы с мужем, севши около нее,
И самих себя винили за невежество свое.
Но безмолвствовала дева, погрузившись в забытье,
И напрасно мы плодами угощали там ее.

Муж сказал: «Она мне будет утешением на свете!
Только солнце и достойно целовать ланиты эти!
Тот, кто девушку обидит, сам окажется в ответе!
Если дети мне дороже, пусть мои погибнут дети!»

И опять мы любовались на нее среди забот.
Было радостно свиданье, да нерадостен уход.
И не раз потом мы с нею отдыхали от хлопот,
И сердца томились наши в западне ее красот.

41. УСЕН ВЫДАЕТ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН ЦАРЮ МОРЕЙ

Как-то раз в мои покои муж явился со словами:
«Редко стал царя я видеть, вечно занятый делами.
Что ты скажешь, коль сегодня я пойду к нему с дарами?»
«Отправляйся, — я сказала, — ты глава над всеми нами».

Встав, Усен наполнил блюдо дивным жемчугом и лалом.
Я сказала: «Много пьяных там ты встретишь за бокалом.
Не болтай, смотри, о деве! На пиру не будь бахвалом!»
«Не скажу, — Усен поклялся, — хоть коли меня
кинжалом!»

Муж явился прямо к пиру. Навещая царский дом,
Был царю он друг-приятель и давно ему знаком.
Царь, приняв его подарок, стал поить его вином,
И смотрите, что случилось с опрометчивым купцом!

Гости пили, пировали, как положено от века,
И подвыпившего мужа не спасла моя опека:
Позабыл свою он клятву — что ему Коран и Мекка!
Не идут рога ослице, хмель не красит человека!

Государь сказал Усену, приказав сменить кувшины:
«Порицать твои каменя не имею я причины.
Удивляюсь, где берешь ты эти перлы и рубины!
Я за них тебе не в силах заплатить и половины!»

Отвечал Усен с поклоном: «О великий властелин!
Ты, как солнце, нас питаешь, всех творений господин!
Чье оно, мое богатство? Чей он, этот мой рубин?
Всё, что ныне я имею, даровал мне ты один!

Царь, тебе не подобает восхищаться этим даром,
Не таким еще готов я услужить тебе товаром.
Я нашел тебе невестку — деву, сходную с чинаром.
Получив ее, ты скажешь, что поцарствовал недаром».

Так мой муж нарушил клятву, не сдержал обет
Выдал он царю девицу, запятнал себя изменой.
Государь развеселился, и позвал дозор военный,
И послал его немедля за красавицею пленной.

О беде не помышляя, я сидела здесь одна.
Вдруг явился на пороге государев старшина.
Шестьдесят ему подручных полагалось издавна.
«Что случилось?» — я спросила, видом их удивлена.

«О Фатьма, — сказала стража, — нам приказано
Чтобы мы к нему вернулись вместе с девой
В дар царю ее приносит твой Усен, богач великий».
Небо рухнуло на землю предо мною, горемыкой!

Я спросила с удивленьем: «Кто ж она, девица эта?»
«Лик ее, — сказала стража, — изливает волны света».
У кого, объята горем, я могла просить совета?
Задрожала я, смешалась, не сумела дать ответа.

Поспешила я к девице, жизнь несчастную кляня.
«О светило, изменила нам судьба средь бела дня,
Отвернулось в лютом гневе небо, полное огня:
Отдал муж тебя владыке, выдал, бедную, меня!»

Отвечала мне девица: «Не дивись, моя сестрица:
Зло не стоит удивленья, горю нечего дивиться,
Удивляться нужно счастьем, ибо счастье — небылица.
Все я беды испытала, новых бед не приключится».

Орошенная слезами, но бесстрашная душою,
Эта юная тигрица поднялась передо мною.
Равнодушная отныне перед счастьем и бедою,
Лишь чадру она спросила и закуталась чадрую.

Тут, истерзанная горем, поспешила я в подвал
И взяла пригоршню лалов, удостоенных похвал.

Был ценою в целый город в том подвале каждый лал.
Опясаив ими деву, я вернулась с нею в зал.

Я сказала: «Эти камни сберегут тебя в неволе»,
И вручила царской страже деву, скрытую дотоле.
Услышав трезвон и крики, царь поднялся на престоле,
Но была спокойна дева, не сказав ни слова боле.

Вкруг нее народ толпился и дивился ей, покуда
Шла она, потупив очи, посреди простого люда.
И когда перед владыкой появилось это чудо,
Царь воскликнул в изумленье: «Кто ты, солнце, и
откуда?»

Очи девушки слепили всех прибывших во дворец.
Царь твердил: «Видавший виды, я пред нею как слепец,
Сотворить ее для мира мог единый лишь творец.
Горе тем, кто очарован этой радостью сердец!»

Усадив девицу рядом, царь сказал ей: «О светило,
Из какой земли явившись, ты наш город посетило?»
Но она в ответ владыке ничего не говорила,
Только голову склоняла безнадежно и уныло.

Не услышала девица обращения царева,
Мыслью странствуя далече, не ответила ни слова,
Затаила блеск жемчужин, розы стиснула сурово...
Красотою эта дева изумить могла любого!

«Как понять ее молчанье? — удивился царь морей. —
Только два предположенья извиненьем служат ей:
Иль она кого-то любит и сгорает от огней,
И не может нам признаться в страсти девичьей своей;

Или, избранное небом ясновидящее око,
В смене радости и горя здесь она не видит прока.
Ей они напоминают сказку смутную Востока,
И душа ее, как голубь, над людьми парит высоко.

Поскорей бы сын мой милый возвращался с поля брани!
Я хочу, чтоб эта дева приготовилась заране.
Пусть она ему расскажет то, что хочет, при свиданье,
А пока в разлуке с солнцем, как луна, живет в тумане».

Расскажу о царском сыне. Он, царевич здешних мест,
Красотой своей и силой всюду славится окрест.
Предводительствуя войском, он задерживал приезд.
Для него отец готовил здесь невесту из невест.

Тут на девушку надели дорогое покрывало,
Ожерелье из камней, тоже стоящих немало.
Был венец ее искусный дивно выточен из лала,
И сияла наша роза в блеске этого кристалла.

Приказав опочивальню ей устроить в лучшем месте,
Царь из западного злата дивный трон возвел невесте,
И когда настало время, в знак особой царской чести
Он ее на сон грядущий проводил с другими вместе.

Девять евнухов надежных у дверей поставил он
И за стол опять уселся, соблюдая свой закон.
Был Усен-клятвопреступник от царя вознагражден.
Рокот труб и барабанов долетал со всех сторон.

И тогда с судьбою спорить стала дева молодая:
«Отчего меня ты гонишь, сердце горестью снедая?
Кто теперь владеет мною? Для чего пришла сюда я?
Что должна я ныне делать, чтоб не плакать, увядая?»

Не хочу я, точно роза, расставаться с красотой,
С божьей помощью я ныне вражьи помыслы расстрою.
Не дожив еще до смерти, кто кончает сам с собою?
Нужен разум человеку, чтобы справиться с бедою».

И сказала дева стражам: «Преклоните, люди, слух.
Все вы ныне в заблужденье: царь, вельможа и евнух.
Я невестою не буду, — знайте каждый, кто не глух.
Зря вы бьете в барабаны и трубите во весь дух.

У меня своя дорога, не гожусь я вам в царицы,
Мне не может быть супругом ваш царевич светлолицый.
Для чего ж просить согласия у неведомой девицы,
Чтоб она осталась с вами государыней столицы?»

Если ж я у вас в неволе заколю себя кинжалом,
Царь и вас пошлет на плаху в огорчении немалом.

Лучше я отдам вам пояс, полный жемчугом и лалом,
Вы ж позвольте мне исчезнуть, скрыв лицо под
покрывалом».

Тут сняла она каменья и с высокого чела
Свой венец, рубин прозрачный, караульным отдала.
«Отпустите, — прошептала, — и не делайте мне зла,
Вседержителю угодны милосердные дела!»

И рабы воззрились жадно на роскошные каменья,
И мгновенно позабыли государевы веленья,
И решили эту деву отпустить без промедленья, —
Вот что делает богатство — корень чертова растенья!

Нет тому на свете счастья, кто живет во имя злата.
Жадный щелкает зубами от восхода до заката:
Всё ему, бедняге, мнится, будто денег маловато,
И душа его во прахе погибает без возврата.

С девой так и поступили. Лишь настало время сна,
Дал ей раб свою одежду, и накрылась ей она,
И была сквозь черный выход дева в сад уведена...
Так от страшного дракона скрылась юная луна.

Только девушка сбежала, вслед за ней исчезли слуги.
Скоро я внизу у двери услышала зов подруги.
Вышла я навстречу деве, обняла ее в испуге,
Но она побыть со мною не хотела на досуге.

«Жемчуг твой, — она сказала, — спас меня от лютых
стражей.
Да воздаст тебе спаситель, покровитель дружбы нашей!
Дай теперь мне аргмака, ибо, взбешенный пропажей,
Скоро вышлет вслед за мною свой отряд владыка
вражий».

Привела я из конюшни быстрого коня,
И в седло уселась дева, твердость редкую храня.
Так порой на Льва садится Солнце, полное огня...
Урожай, что я растила, созрел не для меня!

Город скоро оцепили, свет мелькнул, заржали кони,
И ко мне ворвались снова верховые из погони.

«В этом доме, — я сказала, — нет той девушки в короне.
Коль найдете, то хозяйку обвините в беззаконье».

Не нашли беглянку стражи и в смущенье возвратились.
Царь и все его вельможи бесконечно огорчились,
Позабыли про веселье, в черный траур облачились:
«Закатилось наше солнце, очи в сумраке затмились».

Я о той луне прекрасной расскажу еще потом,
А теперь о чачнагире расскажу я молодом:
Я была ему козю, он же был моим козлом.
Блуд жены и мерзость мужа покрывают нас стыдом.

Надоел мне муж-торговец, неказистый, тощий, вздорный,
Чачнагир же был красавец, да к тому же и придворный.
Мы сошлись. Однако ныне не ношу одежды черной,
Ибо кровь его, злодея, не считаю я заторной.

Я любовнику, рехнувшись, всё о деве рассказала, —
Как она ко мне явилась, как ее я в путь послала.
С той поры, его увидев, я от страха трепетала.
Лишь теперь, когда он умер, я опять свободна стала.

На меня при каждой ссоре он грозился донести...
Раз, когда он был в отъезде, я звала тебя, прости!
Он же в город возвратился и решил ко мне прийти.
Оттого тебя и встретил мой посланец на пути.

Ты назад не возвратился, ты моей не понял вести,
И в моей опочивальне чачнагир нас видел вместе.
Я от страха чуть дышала, я его боялась мести,
Он решил пред государем уличить меня в бесчестье.

Если б ты, мой гость прекрасный, не убил его, злодея,
Он бы всё открыл владыке, сам собою не владея.
Царь бы сжег мой дом богатый, и, по слову лиходея,
Ожидая лютой казни, пожрала б своих детей я.

Да воздаст тебе создатель наилучшей из щедрот!
Мне тот змей зловещим взором сердце больше не гнетет!
Я судьбой моей довольна, миновали дни невзгод!
Не грозит мне больше гибель! Удивительный исход!»

«Книги, — ей ответил витязь, — говорят царям и слугам:
«Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом».
Мудрый муж ему не верит, воздавая по заслугам.
Твой же враг теперь в пучине, ты отделалась испугом.

Я прошу тебя закончить о девице свой рассказ.
Что потом случилось с нею, ускакавшей в поздний час?»
Тут Фатьма опять поникла, слезы хлынули из глаз:
«Луч зари, упав на землю, вспыхнул ярко и погас!»

**42. ПОВЕСТЬ О ПЛЕНЕНИИ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН
КАДЖАМИ РАССКАЗАННАЯ ФАТЬМОЙ
АВТАНДИЛУ**

О судьба, своим коварством ты поспоришь с сатаною!
Кто тебя на свете создал столь опасной и дурною?
Что ты сделала, злодейка, с той прекрасною луною?
Вижу я, что в этом мире всё мгновенно предо мною!

Вновь Фатьма заговорила: «Лишь исчезло солнце света,
Чьим сиянием доселе жизнь моя была согрета, —
Стала огненным горнилом для меня разлука эта,
И рыдала я о деве, и стонала до рассвета.

Стал мне дом мой ненавистен, охладела я к родне,
Всё мерещилась беглянка наяву мне и во сне,
И Усен-клятвопреступник, позабывший о жене,
Убоясь моих проклятий, подходить не смел ко мне.

Как-то раз, когда садилось солнце, в воздухе сверкая,
Шла я около харчевни, от тоски изнемогая.
Вспоминая незнакомку, я твердила, не смолкая:
«Будь ты проклята навеки, клятва лживая мужская!»

Некий раб с тремя другими восседал в харчевне рядом,
Средь товарищей невзрачных выделялся он нарядом.
Закупив на драхму пищи и блестя довольным взглядом,
Путешественники ели, задержав меня не зря там.

Эти люди говорили: «Все мы здесь как на подбор,
Но, за трапезой пируя, незнакомы до сих пор.
Ни один из нас не знает, с кем ведет он разговор.
О себе сказать полезней, чем болтать различный вздор».

Начались повествованья, и, когда кончался ужин, Раб заметил: «Воле неба жребий путников послушен. Вы посеяли здесь просо, я ж посею горсть жемчужин. Пусть мою оценит повесть тот, кто здесь со мною дружен.

Раб великого царя я, повелителя Каджети.
Пораженный злым недугом, умер он в години эти.
Много льется слез сиротских без него на белом свете.
У сестры его, царицы, все его остались дети.

Дулардухт, сестра царева, величава, как скала.
И никто ее дружине причинить не смеет зла.
Двух сирот, Росана с Родьей, под присмотр она взяла
И, воссев на трон Каджети, правит царские дела.

У нее сестра внезапно где-то за морем скончалась.
Услыхав про это горе, наша знать перепугалась:
Как сказать о том царице, чтоб она не убивалась?
И велел Рошак дружине, чтоб она вооружалась.

Он сказал нам: «Хоть убейте, не желаю слушать воя.
Лучше мы пойдем в долину для потехи и разбоя.
Возвратимся мы не скоро, но богаче станем вдвое,
К поминанью я успею, хоть не жалую его я».

Приказал нам предводитель: «Люди добрые, вперед!»
Сто рабов себе он выбрал и повел с собой в поход.
Ночью мы дозор держали, днем мы грабили народ
И, напав на караваны, умножали свой доход.

Как-то раз туманной ночью наш отряд в степи скитался.
Вдруг какой-то свет чудесный перед нами показался.
«Неужели луч светила через облако прорвался?» —
Так мы думали, и каждый, рассуждая, удивлялся.

«То луна, — мы говорили, — или свет зари за тучей!»
И к чудесному виденью понеслись тропой дремучей.
И, безлюдную равнину оцепив на всякий случай,
Мы слышали из света голос нежный и певучий:

«Кто вы, всадники ночные? Что хотите здесь найти?
Я, посол из Гуланшаро, еду к каджам. Прочь с пути!»

Мы, услышав этот голос, поспешили подойти,
И возник пред нами всадник, словно солнце во плоти.

Всё лицо его в тумане, точно молния, сверкало,
Это дивное виденье всю окрестность озаряло.
И хотя ездов учтивым не старался быть нимало,
Он склонял свои ресницы, как агатовые жала.

Тут расспрашивать мы стали и разглядывать светило.
Всадник тот посланцем не был, это людям ясно было.
Вдруг Рошак, признав в нем деву, дернул лошадь за
удило,
И дружина незнакомку в плен тотчас же захватила.

Снова мы спросили деву: «Ты откуда, дивный свет?
И зачем ты здесь блуждаешь, наподобие планет?»
Но она, дрожа от гнева, только плакала в ответ.
Плохо, коль луну драконы пожирают в цвете лет!

Не прислушалась девица ни к мольбам, ни к уговорам,
Не сказала, кто велел ей по степным скакать просторам,
Только сумрачно молчала пред разбойничьим дозором,
И людей она, как аспид, обливала гневным взором.

И сказал Рошак нам: «Братья, не простое это дело:
Нелегко ей нам открыться, если б даже захотела.
Но удел царицы нашей лучше всякого удела,
Так как бог свои щедроты посылает ей всецело.

Ниспослав нам эту деву, видно, хочет наш творец,
Чтобы мы ее к царице проводили во дворец.
Мы скрывать ее не в силах от владычицы сердец,
Если деву обнаружат, то и нам придет конец!»

Возражать мы не решились и, в ответ на речи эти,
Вместе с пленною девицей понеслись назад в Каджети.
Больше ей не доучая, мы в ее купались свете,
Но она рыдала горько, словно пойманная в сети.

Обратился я к Рошаку: «Витязь, шелковые ткани
Я купил себе недавно в Гуланшаро на майдане.
Отпусти меня за ними! Приложу я всё старанье,
Чтоб догнать твою дружину и служить тебе, как ране».

Я возрадовалась духом, услышав того раба.
Знать, до праведного неба донеслась моя мольба!
На следы моей беглянки навела меня судьба,
И зажглась во мне надежда, хоть была еще слаба.

Я рассказчика немедля привела в свое жилище
И сказала: «Повтори мне, что сказал ты им, дружище!»
Повторил он всё до слова, что поведал братье нищей,
И вернул меня он к жизни, не отправил на кладбище.

Двух искусных чернокожих я держу для услуженья,
И любой из них умеет стать невидимым для зренья.
С поручением в Каджети их послала в тот же день я:
«Отыщите эту деву, если хватит вам уменя!»

За три дня слетали к каджам оба эти колдуна.
«Дулардухт, — они сказали, — ехать за море должна.
Взор же девы солнцеликой изливает пламена,
И с царевичем Росаном уж помолвлена она.

«Быть девице за Росаном! — возвестила там царица. —
Но теперь мне не до свадьбы: умерла моя сестрица.
К обручению их, однако, я успею возвратиться».
В башне деве служит евнух, и устроена светлица.

Колдунов и чародеев Дулардухт берет с собою,
Ибо путь ее опасен, а враги готовы к бою.
Крепость каджей остается под охраной боевою,
И теперь уже царица, верно, плачет над сестрою.

Крепость каджей неприступна. Под охраной трех ворот
Там скала стоит крутая, упираясь в небосвод,
И внутри скалы той чудной проведен подземный ход,
Он на самую вершину в башню пленницы ведет.

Там всегда стоит у входа боевое охраненье.
Десять тысяч лучших стражей охраняют укрепление,
Их не менее трех тысяч насчитал я в каждой смене...»
Мир обрек тебя, о сердце, на заботу и томленье!»

Так открылось Автандилу, погруженному в заботы,
Где скрывается светило, унесенное в высоты.

И вознес хвалу он богу за великие щедроты
И сказал Фатьме: «Смягчила горе сердца моего ты!

Ты, любимая, достойна благосклонности моей,
Ты обрадовала сердце дивной повестью своей.
Но кожь каджи бестелесны, словно духи, — хоть убей,
Не пойму, зачем их племя так похоже на людей?

Я и сам скорблю о деве, но весьма дивлюсь, не зная,
Для чего бесплотным духам эта женщина земная?»
И Фатьма в ответ сказала: «Объяснить тебе должна я,
Что они совсем не духи, это выдумка сплошная.

Каджи — это те же люди, только, тайнами владея,
Каждый кадж напоминает колдуна и чародея.
Ослепить он нас сумеет лучше всякого злодея,
И сражаться с ним, проклятым, — бесполезная затея.

Что они творят над нами, эти изверги земли!
Поднимают ураганы, топят лодки, корабли,
По морям умеют бегать и, кощунствуя, вдали
Ночь в сиянии скрывают, день — в тумане и пыли.

Потому названье каджей и дано им здесь народом,
Что они, людьми рождаясь, помыкают нашим родом».
Молвил витязь: «Положила ты конец моим невзгодам,
Ибо радостные вести здесь узнал я мимоходом».

Проливая слезы счастья, он воскликнул: «Вседержитель!
Ты мне в скорби утешитель и от горя избавитель!
Ты, которого не узрит и не выразит мыслитель,
Даровал свою мне милость, посетив мою обитель!»

Так хвалил и славил бога юный витязь, но Фатьма,
Истомленная желаньем, ревновала без ума.
Хоть и сдержан был любовник и почителен весьма,
Пав на грудь, его лобзала эта женщина сама.

В эту ночь она на ложе счастье полное вкусила,
Хоть, по правде, неохотны были ласки Автандила.
Тайным трепетом печали Тинатин его томила,
Обезумевшее сердце, словно зверь, в лесу бродило.

Слезы тайные точил он, изнывая от позора.
Плыл агатовый кораблик сквозь чернильные озера.
«Соловей, считал я розу утешительницей взора,
Но в разлуке, став вороной, ныне сел на кучу сора».

Сквозь агатовые рощи слезы он точил ручьем,
Растопить могли бы камни на пути они своим.
Но Фатьма торжествовала, с милым будучи вдвоем:
Рядом с розой и ворона хочет щелкать соловьем.

На рассвете солнце мира совершило омовенье.
Поднесла ему хозяйка дорогое подношенье —
Плащ, чалму, наряд богатый, благовонные куренья:
«Выбирай себе, что хочешь! Наряжайся без стеснения!»

Автандил же солнцеликий, сердцем преданный надежде,
Снял купеческое платье и оделся так, как прежде.
В этот день он появился в дорогой своей одежде.
Лев подобен стал светилу, не барышнику-невежде.

В этот день Фатьма роскошный приготовила обед.
Видит: гость идет в покои, славным витязем одет.
Удивилась, что торговец нарядился, как спаспет:
«Тем, кто здесь пленен тобою, ты сулишь немало бед!»

Как она ни восхищалась видом гостя молодого,
Солнцеликий этот витязь не ответил ей ни слова,
Лишь смеялся он, заметив, сколь хозяйка бестолкова...
Чтоб спасти от смерти друга, он не знал пути иного!

После трапезы расстались, и, испив из чаши винной,
Он заснул в своем покое, полон радости невинной.
Вечеру проснулось солнце, свет рассыпав над долиной,
И Фатьме сказать велело: «Приходи в мой сад
пустынный!»

И Фатьма к нему явилась и пред ним склонилась ниц:
«Ты мое похитил сердце, мой убийца из убийц!»
Но велел ей сесть поближе этот витязь, светлолиц,
И на садик роз упала тень от хижины ресниц.

«О Фатьма,— сказал ей витязь, — то, что я тебе открою,
Может быть, тебя ужалит подколодную змеюю,
Ибо ты еще не знаешь, кто беседует с тобою...
Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною!

Не торговец я заезжий, не начальник каравана,
Я — великий полководец государя Ростевана.
Рать моя неисчислима и его достойна сана.
Кроме рати, мне подвластны арсенал и зарадхана.

Ныне я с тобой, как с другом, без утайки говорю.
Дочь царя похожа ликом на небесную зарю.
Лишь о ней вспоминая, я пылаю и горю,
По ее скитаясь воле, не служу теперь царю.

По желанию царицы, в дальний путь я ныне еду
За девицей, о которой ты вела со мной беседу.
Бледный лев, ее любимый, по ее скитаясь следу,
Уж отчаялся, и гибнет, и не верует в победу.

О Фатьма, не понапрасну повествую эту быль я,
Как одетый в шкуру тигра терпит горя изобилье!
Ты должна помочь герою, чтобы он, собрав усилья,
Поднял вновь свои ресницы, словно вороновы крылья!

Помоги, Фатьма, миджнуру, ибо ты ему бальзам!
Может быть, светила эти сочетать удастся нам!
Благодарные потомки воздадут нам по делам,
А влюбленные разделят радость жизни пополам.

Приведи раба скорее, я пошлю его в Каджети,
Пусть колдун плененной деве про дела расскажет эти.
Дева нам помочь сумеет — мы нуждаемся в совете,
Мы хотим, чтоб этих каджей больше не было на свете».

«Славен бог! — Фатьма сказала. — Этой вестью
животворной
Исцелил меня ты ныне от печали непритворной!»
За рабом она послала. Тот пришел, как ворон черный.
И послал его немедля Автандил к твердыне горной.

Он сказал: «Коль ты и вправду чародей, а не хвастун,
Потуши мое горнило ради двух прекрасных лун!
„Наступил, — скажи ты деве, — избавления канун!“»
«Всё, что надобно, исполню!» — отвечал ему колдун.

43. ПОСЛАНИЕ ФАТЬМЫ К НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Вот письмо жены Усена: «Солнце мира! Свет вселенной!
Весь народ скорбит и плачет о тебе, царевне пленной!
Ты нас голосом чаруешь и красою несравненной,
Сочетавшийся с кристаллом дивный камень драгоценный!

Ты сказать мне не хотела о судьбе твоей постылой,
Но узнала я всю правду, и опять полна я силой.
Дай же весточку мидждуру, чтоб воспрянул он, унылый.
Будет он твоею розой, ты ж ему — фиалкой милой.

Прибыл брат его названный из Аравии ко мне.
Автандил, могучий витязь, он велик в своей стране.
Полководец Ростевана, он прославлен на войне.
Получить хотим мы вести о тебе, моей луне.

Ты с гонцом моим искусным сообщи нам, бога ради,
Возвратилась ли царица, сколько душ в ее отряде,
Велико ли ополчение у ворот и на ограде,
Кто начальствует над стражей при тебе, моей отраде.

Всё, что знаешь ты, светило, напиши нам без пристрастья
И пошли в письме мидждуру знак любви и участия.
Пусть послужат испытанья для тебя залогом счастья!
Если мне творец поможет, не позволю вам пропасть я!»

И Фатьма раба немедля в край послала отдаленный:
«Передай посланье это нашей девушке плененной!»
И колдун натерся мазью чародейною, зеленой.
И над крышами помчался, словно призрак окрыленный.

Словно пущенный из лука, улетел он вдаль стрелою
И достиг ворот Каджети, лишь поля покрылись мглою.
И прошел он сквозь ворота, не замеченный толпою,
И принес посланье деве, сочиненное Фатьмою.

Сквозь закрытые ворота в башню девы он проник
И вошел, натертый зельем, волосат и чернолик.
И царевне показалось: не с добром пришел старик.
И шафраном стала роза, и осыпался цветник.

Но сказал пришлец царевне: «О небесное создание!
Раб Фатьмы, к тебе я послан госпожою на свиданье.
Правду слов моих смиренных подтвердит ее посланье.
Скоро вновь осветит розу долгожданное сиянье!»

Удивленная царевна глаз миндалины открыла,
И агаты задрожали над зеницами светила.
Отдал раб посланье деве, и она его схватила,
И, вздыхая, прочитала, и слезами окропила.

«Что за гость, — она спросила, — мой разыскивает след?
И кого еще тревожит, есть я в мире или нет?»
«Я открою то, что знаю, — чародей сказал в ответ. —
С той поры, как ты исчезла, потускнел над нами свет.

С той поры, как ты исчезла, мы с Фатьмой копьем
пробиты,
Госпожа моя не видит, где искать себе защиты.
Посчастливилось узнать мне, как живешь от нас вдали ты,
И, увы, не просыхают с той поры ее ланиты.

Ныне прибыл некий витязь, и Фатьма, его устроив,
Рассказала, как ты, дева, стала жертвою разбоя.
Этот витязь — твой искатель, человек с рукой героя.
Посетить твою темницу постарался для него я».

«Ты, пришлец, — сказала дева, — мне не кажешься
лгуном.

Но откуда вы узнали о несчастьи моем?
Верно, жив еще доселе тот, кто жжет меня огнем!
Напишу Фатьме посланье я, скорбящая о нем».

44. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ФАТЬМЕ

«Ты, Фатьма-хатун, дана мне вместо матери судьбою!
Посмотри, что хочет сделать этот мир с своей рабою!
В довершенье к прежним бедам он подверг меня разбою.
Лишь теперь, письмо читая, я утешена тобою!

Ты спасла меня когда-то от врагов моих. Однако
В руки каджей я попала, погоняя аргмака.
На меня одну отныне ополчилось царство мрака.
Где искать мне утешенья иль спасительного знака?

О других моих несчастьях что могу я написать?
Дулардухт еще в отъезде, с ней кудесники и знать.
Стережет меня в неволе многочисленная рать,
Как спасти меня отсюда — бесполезно и гадать!

Зря томится мой искатель, по лицу земли гонимый,
Зря он едет вслед за мною, лютым пламенем палимый!
Но завидую ему я: с ним встречался мой любимый,
Без кого отныне стала жизнь моя невыносимой!

До сих пор с тобой об этом говорить я не хотела —
И сказать я не умела, и сама себя жалела.
Но теперь я умоляю: извести ты Тариэла,
Чтобы он сюда не ездил из далекого предела.

Не хочу я новой муки, мне довольно униженья!
Я умру двойною смертью, коль умрет он в день сраженья.
Нет мне более спасенья, это помню каждый день я.
Если милый не поверит, да побьют меня каменья!

Пишешь ты, что знак любви я послать ему должна.
Шлю ему кусок вуали, тяжелой горести полна.
Та вуаль отбита милым у хатавов, и она,
Всюду странствуя со мною, как судьба моя, черна!»

45. ПОСЛАНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Лишь теперь она к мидждуру начала писать посланье,
И слова ее доселе причиняют нам страданье. . .
Слезы пленницы тушили лютой горести пыланье,
Сквозь разорванную розу жемчуг лил свое сиянье.

«О мой милый! Эти строки я рукой моей чертила.
Стан мой сделался тростинкой, превратилась скорбь
в чернила.

Два несчастных наших сердца я в одно соединила
И на нем, как на бумаге, эти буквы выводила.

Посмотри на мир, мой витязь, что он делает со мной!
Мудрецы земли недаром нарекли его тюрьмой.
Сколько б солнце ни сияло, жизнь моя покрыта мглой.
Как я только не погибла, разлученная с тобой!

Мир и время нас с тобою оторвали друг от друга.
Уж давно тебя, мой милый, я не вижу в час досуга.
Острием копья пробито, сердце страдает от недуга,
Постарайся же постигнуть, как скорбит твоя подруга.

Жив ли ты, о мой любимый, я не ведала доселе,
У меня же, мне казалось, не осталось жизни в теле.
Но прославила я бога, услышав о Тариэле,
И одним мерилom стала мерить горе и веселье.

Возвратил ты мне надежду тем, что сам не изнемог,
Хоть израненное сердце сожжено огнем тревог. . .
Вспоминай меня в разлуке, нелюдим и одинок.
Знай, любовь к тебе, мой витязь, я лелею, как цветок.

Как сумею рассказать я о былой моей печали?
Удивится каждый смертный, но поверит мне едва ли.
Хоть Фатма от двух злодеев и спасла меня вначале,
Но теперь для сердца снова дни тяжелые настали.

Мир страданиями моими не насытился доныне.
Снова он великой мукой досадил своей рабыне:
В руки каджей я попала, проезжая по пустыне, —
Нам судьба не пожалела даже этой благодости!

В башне я сижу высокой вдалеке от всех людей,
И ведет лишь ход подземный к келье каменной моей.
Днем и ночью злые стражи у моих стоят дверей.
Тот, кто с каджами сразится, погибает от огней.

Каджи — люди не простые, умереть от них — не диво,
Если ты погибнешь в битве, прискакав нетерпеливо,
Я сгорю, подобно труту, что сгорает от огнива!
Будь же, витязь, крепок сердцем и живи один счастливо.

О, не думай, мой любимый, что достанусь я другому!
Если нет тебя со мною, я чужда всему земному.
Лучше нож вонзить мне в сердце, погруженное в истому,
Или броситься в ущелье, чем достаться каджу злому.

Я клянусь великим солнцем, что верна тебе луна,
Даже трем светилам неба не достанется она!
Если в пропасть гор высоких я низринусь из окна,
Помолись, чтоб крылья неба душу подняли со дна!

Помолись, мой милый, богу, чтоб послал он мне спасенье!
Со стихиями земными тяжело мне соединенье.
Воспарив на легких крыльях, я постигну обновленье,
Днем и ночью буду видеть солнца дивное горенье.

Без тебя не светит солнце, ибо ты — его частица!
Зодиак его любимый, ты обязан с солнцем слиться!
Я в лучах тебя увижу — сердце светом озарится!
Горько было жить на свете — сладко с жизнью
распроститься!

Душу я тебе вручила, умереть не страшно мне.
Жар любви твоей сокрыла я в сердечной глубине.
Лишь припомнив о разлуке, снова я горю в огне.
Обо мне не плачь, любимый, в чужедальной стороне!

Лучше в Индию, мой витязь, отправляйся ты с полками.
Там беспомощный отец мой окружен теперь врагами.
Ты утешь его, больного, — он скорбит в разлуке с нами.
Вспоминай меня, царевну, орошенную слезами.

Долго я себя жалела, но теперь излишни пени.
Знай: идет от сердца к сердцу правда искренних
стремлений.

Скоро будет каркать ворон близ моей могильной сени.
Жизнь моя, увы, достойна слез твоих и сожалений!

Так как ты, о мой любимый, для меня теперь воскрес,
Шлю тебе кусок вуали — это чудо из чудес.
Горе мне! Надежды призрак навсегда от нас исчез,
Повернулось к нам с угрозой колесо семи небес!»

И окончила посланье дева, полная печали,
И отрезала на память лоскуток своей вуали.
И открытые для взора косы деву украшали,
Благовонием алоэ крылья ворона дышали.

Чародей из Гуланшаро полетел назад стрелою
И, исполнив порученье, дома встречен был Фатьмою.
Автандил, его увидев, был обрадован судьбою,
И воздел он руки к небу с благодарственной мольбою.

Он сказал Фатьме: «Посланец просьбу выполнил мою.
Что тебе я дам в награду за отзывчивость твою?
Ныне я, Фатьма, обязан в чужедальнем быть краю,
Привести того, кто каджей разобьет в честном бою».

«Лев, — Фатьма ему сказала, — с каждым днем горю
я боле.

Сердце с солнцем растается, как ему не ведать боли?
Но спешి скорей к мидждуру, о моей не сетуй доле:
Если каджи возвратятся, не бывать луне на воле».

Подозвав рабов Фридона, витязь им сказал: «Отныне
Возродился я для жизни, пребывающей в кручине.

Я узнал всё то, что нужно, и теперь моей дружине
Покажу, как истребляют супостатов в их твердыне.

Передайте вы Фридону эту радостную весть,
Я же к другу поспешаю, как велят мне долг и честь.
Пусть Фридон дружину кличет, призывая всех, кто есть.
Вы ж возьмите столько злата, сколько каждый может
снесть.

Эти деньги за отвагу — недостаточная плата,
Но коль я вернусь к Фридону, награжу я вас богато.
Забирайте то, что в море я отбил от супостата!
Не скупец я, но сегодня не имею больше злата».

В земли чуждые заброшен и от дома отдален,
Тем рабам корабль богатый подарил за службу он.
«Возвращайтесь, — приказал он, — ожидает вас Фридон.
Вы письмо ему отдайте и сvezите мой поклон».

46. ПОСЛАНИЕ АВТАНДИЛА К ФРИДОНУ

Он писал: «Фридон счастливый, царь царей, владыка
Юный лев, подобный солнцу, к нам ниспосланный из рая! ^{края,}
Государь, от чьей десницы кровь врагов струится злая!
Младший брат твой, издалече я пишу, к тебе взывая.

За невзгоды и лишенья ныне, к радости великой,
Бог воздал мне полной мерой, а не малою толикой:
Достоверные я вести получил о солнцеликой —
Той царевне, о которой страждет лев в пустыне дикой.

У правительницы каджей солнцеликая в плену.
Без особых затруднений мы проникнем в ту страну.
Там с нарциссов дождь хрустальный льет, и юную луну
Многочисленные стражи стерегут в ночи одну.

Я возрадовался сердцем и забыл о горьком плаче,
Ибо ты и брат твой старший разрешите все задачи.
Что бы вы ни затевали, вам сопутствуют удачи.
Даже горы перед вами отступают, не иначе.

Я к тебе не заезжаю, и за это не взыщи ты,
Я спешу затем, что дева остается без защиты.
Мы приедем с Тариэлом лобызать твои ланиты,
И коль ты поможешь брату, будут недруги разбиты!

Я не мог в достойной мере отплатить твоим рабам,
Ведь они со мной делили скорбь и радость пополам.
Но возвращенные тобою равнодушны к похвалам.
«Сходный сходное рождает», — мудрецы вещают нам».

Витязь свиток запечатал и вручил охране ратной,
И прислужников Фридона в путь отправил он
обратный.

Приоткрыв уста-кораллы, где светился жемчуг скатный,
Рассказать велел он брату о судьбе своей превратной.

Отыскав себе галеру и велев поднять ветрило,
Снова двинулось в дорогу луноликое светило.
Но Фатьме-хатун расстаться нелегко с героем было.
Вместе с ней Усен и слуги провожали Автандила.

Плача горькими слезами, говорил народ ему:
«Ты сожгло нас, о светило, непостижное уму!
Отчего же, уезжая, ты на нас наводишь тьму,
Зарываешь нас в могилу по желанью своему?»

47. ОТЪЕЗД АВАНДИЛА ИЗ ГУЛАНШАРО И ВСТРЕЧА ЕГО С ТАРИЭЛОМ

Переехав через море на попутной той галере,
Авандил с веселым сердцем поскакал верхом к пещере,
Торопясь на помощь к другу, был он счастлив в полной
мере,

И, вздымая к небу руки, по своей молился вере.

Наступало время лета, трав весенних прозябанья.
В доме Рака восседало солнце, полное сиянья.
Уж цвели повсюду розы, приближая миг свиданья,
И вздыхал над ними витязь, погружен в воспоминанья.

Небо вешнее гремело, ночью падала роса.
Розой уст лобзал он розу, проезжая сквозь леса.
Он шептал ей: «Вместо девы лишь тебя, моя краса,
В собеседницы сегодня мне послали небеса!»

Витязь, друга вспоминая, много видел бедствий новых.
По дороге к Тариэлу он блуждал в местах суровых,
И в пустынях он скитался, и в неведомых дубровах,
Убивал он львов и тигров в диких чащах тростниковых.

Увидав вдали пещеру, он сказал: «Мой друг любимый
Здесь живет вдали от мира, лютым пламенем палимый.
Мой рассказ его излечит от болезни нестерпимой.
Если ж нет его на месте, что я сделаю, гонимый?»

Здесь, в пещере, без сомненья, он бывает только миг,
Он в степи обычно рыщет, словно зверь, угрюм и дик.
Лучше мне объехать поле, где колышется тростник!»
И коня направил витязь к тем трущобам напрямик.

Он скакал туда, и сердце ликовало в нем и пело,
Громко кликал он собрата, чтоб свое поведать дело.
Наконец, подъехав ближе, он увидел Тариэла.
Тот стоял у края чащи, и лицо его горело.

Перед ним, сраженный насмерть, лев виднелся
бездыханный,
Обагряла меч героя кровь, исторгнутая раной.
Услыхав в степи далекой окрик витязя неожиданный,
Тариэл забыл мгновенно о своей потехе бранной.

Поспешил он встретить гостя, и, исполнив свой обет,
Слез с коня пред ним соперник звезд небесных и планет.
И опять скрестили выи тот страдалец и спаспет.
И, открывшись, роза розе слала сладостный привет.

Благозвучны и красивы были сетованья брата:
«Без тебя в багрец окрасил я ресницы из агата,
Без тебя поил слезами я алоэ в час заката,
Но с тобой я забываю, что душа тоской объята!»

И в ответ на эти речи вокруг отверстого коралла
Автандилова улыбка, словно молния, сверкала:
«Не с худой я прибыл вестью! Я хочу, чтоб засияла
И воскресла наша роза — та, что раньше увядала!»

«Брат, — миджнур ему промолвил, — мне достаточно
того,
Что, приехав, облегчил ты тяжесть горя моего.
Пусть, скитаясь на чужбине, не узнал ты ничего, —
Если нет от бога счастья, не найти и нам его!»

Недоверчивости друга Автандил не стал дивиться,
Но с известием о деве он решил поторопиться.
Вынул он вуаль царевны, дал ей медленно развиться,
И страдалец к той вуали не замедлил устремиться.

Он схватил ее, расправил, и увидел в ней посланье,
И, прижав его к ланитам, пал на землю без сознания.
По сравненью с этим горем недостойны описанья
Саламановы печали и Каисовы страданья.

В этот миг, когда, как мертвый, распростерся Тариэл,
Автандил к нему на помощь, словно птица, подлетел.

Но не мог он, как ни бился, облегчить его удел:
Дар царевны солнцеликой жизнью друга овладел.

Автандил сладкоголосый зарыдал: беда пришла!
Стаю воронов согнал он — кудри черные с чела.
Расколол уста-рубины взмах алмазного жезла,
Кровь коралловым потоком по ланитам потекла.

Он терзал свои ланиты, умирая от испуга:
«Что наделал я, безумец! Я убил сегодня друга!
Разве можно столь поспешно заливать огонь недуга?
Неожиданная радость — человеку не услуга.

Погубила побратима слишком радостная весть!
Поспешил я, неразумный, не обдумал всё как есть...
Из беды глупец не может выход правильный обрести.
В жизни надобно терпенье, а не спешку предпочесть».

Тариэл лежал безмолвно, как застигнутый кончиной,
И воды не видно было в этой местности пустынной.
Автандил, блуждая взглядом, снова труп заметил
львиный,
И на грудь больного друга брызнул кровью он звериной.

И ко льву вернулась сила, кровью львиною согрета.
Задрожали над очами стрелы траурного цвета.
Тариэл открыл зеницы и увидел вновь спасета.
Луч луны казался синим в блеске солнечного света.

Розам смерть несут зимою и морозы и ветра.
Летом, в засуху, на солнце убивает их жара.
И хотя весной над ними соловьи поют с утра,
Ни зимой нельзя, ни летом от судьбы им ждать добра.

Человек, подобно розе, обделен своей судьбою.
Ведь ни в радости, ни в горе не в ладу он сам с собою.
Весь израненный, разбитый, вечно занят он борьбою...
Недруг тот себе, кто миру доверяет всей душою!

Тариэл читал посланье той, что жизнь его разбила.
Речь ее томила сердце и с ума его сводила.
Перед витязем сквозь слезы мерк туманный луч
светила.

И великая досада охватила Автандила.

Он сказал: «Коль ты разумен, отчего не рад письму?
Не к лицу счастливцу слезы! Счастье выпало ему!
Встань, пойдем поищем солнце, заключенное в тюрьму,
Я сведу тебя к светилу дорогому твоему.

Ныне мы должны покончить с безутешными слезами
И к твердыне злобных каджей проложить дорогу сами.
Пусть одни мечи стальные служат нам проводниками.
Мы сюда еще вернемся, если справимся с врагами».

И тогда миджнур, воспрянув, понял, что вокруг
творится,
И в очах его блеснула черно-белая зарница.
Как рубин на ярком солнце, снова начал он светиться.
Милосердна к человеку всемогущая десница!

Прочитав посланье девы, он прославил пришлеца:
«Чем воздам тебе, достойный восхвалений мудреца!
Ты поишь цветок долины, утешаешь ты сердца,
Осушаешь ты нарциссы истомленного лица!

Отплатить тебе достойно не сумею никогда я.
Пусть хранит тебя создатель, за любовь
вознаграждая!»

Братья двинулись к пещере, и рабыня молодая
Наконец вкусила счастья, по утехам голодая.

Дева, сидя близ пещеры, не совсем была одета.
Вдруг бедняжка увидала амирбара и спаспета.
Оба пели соловьями, что поют в начале лета.
И рабыню испугала радость пламенная эта.

До сих пор миджнур являлся, проливая реки слез, —
Ныне пел он, и смеялся, и не рвал своих волос.
И Асмат была не в силах ни один задать вопрос
И, как пьяная, гадала, что с собою он принес.

И улыбка побратимов перед нею засветилась.
«О Асмат! — вскричали братья. — Снизойшла к нам
божья милость!»

Обрели мы в этом мире то, к чему душа стремилась!
Наш огонь теперь погаснет: горе в радость
превратилось!»

Автандил сошел на землю и, счастливый, обнял деву,
И она его лобзала, прислонясь к алоэ-древу,
И твердила, удивляясь непривычному напеву:
«Отчего поешь ты, витязь, не внимая божью гневу?»

И письмо луны плененной, побледневшей от утрат,
Показал с улыбкой витязь недогадливой Асмаат:
«Вот что пишет Таризэлу претерпевшая стократ!
Скоро дивное светило возвратится к нам назад».

Увидав знакомый почерк госпожи своей гонимой,
Громко вскрикнула рабыня и, подобно одержимой,
Затряслась как в лихорадке и сказала: «Брат
любимый,
Неужели это правда — твой рассказ непостижимый?»

Автандил сказал: «Не бойся, справедливо это дело!
Снова к нам явилось счастье, а несчастье отлетело,
Встало солнце над землею, бездна мрака просветлела,
Зло убито добротой, доброте же нет предела!»

И Асмаат, и царь индийцев, слыша эти чудеса,
Обнимались и сливали воедино голоса.
С перьев ворона на розы снова капала роса...
Тех, кто помощи достоин, не покинут небеса!

Простирая к небу руки, все твердили в умиление:
«Не беду нам бог готовил, но от скорби исцеленье!»
И вошли друзья в пещеру, забывая утомленье,
И рабыня им, голодным, предложила угощенье.

И промолвил витязь гостю: «Поделюсь с тобою тайной,
Ибо друг тебе я верный и рассказчик не случайный.
С той поры, как завладел я этой дикою окраиной,
Перешел ко мне от дэвов некий клад необычайный.

Я его еще не видел, разгромив своих врагов,
Но теперь с тобою вместе осмотреть его готов».
И друзья, позвав рабыню и не тратя лишних слов,
Сорок входов отворили в сорок дальних тайников.

Помещения эти были переполнены казною.
Самоцветы там лежали, кучей свалены сплошною.

Много было там жемчужин с крупный мяч величиною.
Кто несчитанное золото оценить бы мог ценою!

Но в палате для оружия было редкостей поболее,
И, вступив в нее, два брата удивились поневоле:
Там покоились доспехи, словно овощи в засоле,
И стоял ковчег чудесный, запечатанный дотоле.

И была на крышке надпись: «Здесь, врагу наперекор,
Острый меч лежит басрийский и военный весь убор.
Дэвы витязей каджетских отобьют от этих гор,
Но убьет царя, кто крышку приподнимет до тех пор».

Тариэл приподнял крышку. В ложах, сделанных
из лала,
Там бесценное оружие, словно молния, сверкало:
Три меча и три кольчуги, три шелома, три забрала —
То, в чем быть на поле битвы трем героям надлежало.

И когда они оделись, сразу выяснила проба,
Что невиданным оружием одарила их трущоба:
Словно тонкую бумагу, сталь они рубили оба.
А ведь меч дороже жизни ценят витязи до гроба!

«Славный знак! — сказали братья. — Видно, бог, увидев
нас,
Ниспослал нам эту милость и помог на этот раз».
И чудесные доспехи братья вынесли тотчас
И оружие Фридону захватили про запас.

Отобрав пригоршню перлов, чтоб на всю хватило
братью,
Побратимы сорок входов опечатали печатью.
Гость сказал: «С моей ладонью меч мой сросся
рукою.
Завтра выедем в дорогу, чтоб сразиться с вражьей
ратью».

48. ОТЪЕЗД ВИТЯЗЕЙ К ФРИДОНУ

Утром братья в край Фридона степью двинулись
глухою,
И везли они рабыню, посадив ее с собою.
Там купец коня им продал, соблазнен большой ценою.
Автандил без провожатых вел дорогой их степною.

Скоро путники столкнулись с пастухами Нурадина.
Табуном царя Фридона занята была долина.
Тариэл сказал спасету: «Шутка добрая невинна,
Не напасть ли нам на стадо, чтоб потешить властелина?»

Нурадин о том узнает и пошлет за нами рать,
Чтоб отбить коней обратно и виновных покарать,
Но, увидев нас с тобою, станет весел он опять,
И гордец, с которым шутят, добродушным может стать!»

И помчались побратимы по зеленым этим нивам.
Пастухи схватили факел, искру высекли огнивом.
«Кто идет? — они вскричали. — Стыд воякам нечестивым!
Нурадин — наш повелитель! Быть теперь без головы
вам!»

Услыхав пастушьи вопли, братья выхватили луки.
Громче прежнего вскричали пастухи, ломая руки:
«Помогите! Помогите! Гибнем мы, царевы слуги!»
И народ на эти крики собрался со всей округи.

Нурадин, вооружившись, в поле выехал верхом,
И войска, перекликаясь, оцепили степь кругом,
И увидел царь два солнца, но забрало и шелом
Укрывали незнакомцев, учиняющих погром.

Тариэл узнал Фридона: «Вон он — тот, который нужен!»
Снял он шлем и засмеялся, открывая ряд жемчужин.
«Для чего ты, царь, примчался, караульными разбужен?
Чем соперничать с друзьями, пригласил бы нас
на ужин!»

Слез Фридон с коня и низко поклонился им обоим,
И они, раскрыв объятия, поздоровались с героем.
И прославил витязь бога, ниспославшего добро им,
И лобзали их вельможи, окружив веселым роем.

«Отчего вы задержались? — обратился витязь к ним. —
Уж давно я ожидаю, одиночеством томим!»
И поехали два солнца вместе с месяцем своим
В славный город Нурадина, провожаемые им.

Дом его в Мульгазанзаре отличался дивным видом.
Сел хозяин с Автандилом, побратимом именитым.
Царский трон для Тариэла был украшен аксамитом.
И оружие Фридону побратимы поднесли там.

«Здесь, — они ему сказали, — кроме этого булата,
Ничего мы не имеем, хоть у нас довольно злата».
Отвечал с поклоном витязь: «Если б каждого собрата
Одарить я мог дарами столь же пышно и богато!»

После пира и купанья, как предписывал закон,
Утомленные скитальцы погрузились в крепкий сон.
Утром каждый был наряжен в пурпур, злато и виссон
И большую чашу перлов подарил им царь Фридон.

«Речь моя, — сказал он братьям, — речь хозяина
плохого,
Словно вас, как сумасбродов, я лишить желаю крова.
Но пора уж нам в дорогу, если всё у нас готово.
Каджи, в крепость возвратившись, повстречают нас
сурово.

Многочисленного войска брать с собою нам не надо.
Триста всадников довольно для отборного отряда.
Мы клинки свои заправим и, лишь кончится осада,
Отобьем у супостатов ту, чей стан — души отрада.

Был я в крепости Каджети. Непрístupная, она
Цепью скал непроходимых от врагов ограждена.

Если скрытно не пробраться, там немислима война.
Оттого и рать большая нам сегодня не нужна».

Побратимы с Нурадином заключили соглашение
И, оставив там рабыню, собрались без промедленья.
Триста всадников отважных повели они в сраженье.
Будет праздновать победу претерпевший огорченье!

Братья, море переехав, продвигались по пустыне.
День и ночь они спешили, не давая спать дружине.
Но сказал Фридон однажды: «Приближаемся
к твердыне.
Можно будет только ночью путешествовать отныне».

С той поры они внимали лишь Фридоновым советам —
Ночью быстро продвигались и кончали путь с рассветом.
И возник пред ними город, неприступный по приметам,
Где конца не видно было стражам, в панцири одетым.

Десять тысяч храбрых стражей там стояло у ворот.
Восходил над башней месяц, освещая небосвод.
«Здесь, в горах, — решили братья, — битву выиграет тот,
Кто, имея сто героев, опрокинет десять сот».

49. СОВЕТ ВИТЯЗЕЙ У КРЕПОСТИ КАДЖЕТИ

Нуредин сказал героям: «Велика моя забота:
Никому такую крепость невозможно взять с налета.
Нас же так ничтожно мало, что и хвастать нет расчета.
Тут хоть сотню лет сражайся, не откроются ворота.

В детстве, силу развивая, был я славным акробатом,
Перепрыгивал канавы, ловко бегал по канатам,
Обучался я уловкам и скачкам замысловатым.
Подражали мне, бывало, все, кто видели меня там.

На уступ соседней башни кто забросит мой аркан?
Перебравшись по аркану, прыгну я во вражий стан.
Я пройду, как по тропинке, и ворвусь как ураган,
Чтоб увидели в твердыне умирающих от ран.

Щит и меч таща с собою, я пройду вооруженным,
Я как вихрь ворвусь внезапно к этим стражам
пораженным,
Я открою вам ворота, лишь разделаюсь с заслоном,
Вы ж, услышав шум и крики, поспешите за Фридоном».

Автандил сказал Фридону: «Ты в сраженье не впервые,
Знаем мы твой норов львиный, помним раны боевые.
От твоих советов мудрых у врагов ярмо на вые.
Но взгляни, как близко к башне ходят эти часовые!

Если в воздухе внезапно заскрежещет твой доспех,
Вскочит стража и веревку перережет раньше всех.
Понапрасну ты погибнешь, коль случится этот грех!...
Хоть совет твой и отважен, но сомнителен успех.

Будет правильнее, братья, оставаться вам в засаде!
Здесь купцов не обижают, здесь торговцы не в накладе,
Потому пойду я в крепость, как купец, в простом
наряде,
А оружие на мула приспособлю в виде кладки.

Если мы втроем подступим, не укрыться нам от каджей,
Я ж, купец, пройду спокойно, занят куплей и продажей.
Там надену я доспехи и рассею этих стражей.
Дай-то бог в потоке крови затопить мне город вражий!

Те, кто в крепости засели, не доставят мне хлопот.
Вам останется ударить, осадив наружный вход.
Чтобы вы попали в крепость, я собью замки с ворот.
Кто придумал лучший способ, пусть его откроет тот».

Тариэл сказал им: «Братья! Два достойные героя!
Дали вы мне два совета, планы доблестные строя.
Вы не зря махать мечами собрались в разгаре боя.
Бить злодеев вместе с вами ныне жажду оттого я.

Но и мне вы дайте дело. Ведь, заслышав шум, девица
Поглядит с вершины башни, словно солнце, светлолица.
Как посмею, не сражаясь, я потом за ней явиться?
Опозорюсь я навеки, коль с врагом не буду биться!

Мой совет удачней ваших и достоин храбрецов:
Мы разделим на три сотни наших верных удалцов.
Лишь заря займется в небе, к трем воротам с трех
концов
Подлетим мы и с собою приведем своих бойцов.

Стражи выйдут к нам навстречу, но сражаться нам
не внове.
От ворот мы ихотрежем, так как будем наготове.
Кто ворвется в крепость первый, пусть прольет потоки
крови.
Быть решительным в сраженье — это первое условие».

Нурадин сказал со смехом: «Понял я, что это значит!
Он моим конем владеет и быстрее всех доскачет!
Знал бы я, что он в Каджети нас, несчастных, одурачит,
Поскупился б на подарок, посмотрел бы, как он плачет!»

Нурадин шутил с друзьями, и за этим разговором
Веселились побратимы и смеялись дружным хором.
Так они договорились и, сверкающие взором,
Перед битвой грудь покрыли металлическим убором.

Знали трое полководцев по примеру прежних дней:
Предложенье Таризэла и удачней и верней.
Поделив свою дружину, чтоб сражаться вместе с ней,
Взяли витязи по шлему и воссели на коней.

50. ВЗЯТИЕ КАДЖЕТИ И ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Видел этих я героев, лучезарных, как светило.
От семи планет небесных к ним сиянье нисходило.
Вороной под Тариэлом в нетерпенье грыз удило.
Как сердца они сжигали, так оружие их грозило.

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:
После яростного ливня мчит в ущелье он глубоко,
И ревет он, и грохочет, и, уже незримый оком,
Успокоенный, смолкает только на море широком.

Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил —
Состязаться с Тариэлом не хватало братьям сил,
Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил. . . .
Вот рассказ о том, как витязь вражье племя истребил.

Поле битвы побратимы поделили меж собою.
Каждый воин в их отряде уподобился герою.
Ночью, выставив дозорных, предались они покою,
Но с рассветом появились, щит имея под рукою.

Словно путники простые, братья ехали вначале.
Караульные в воротах без опаски их встречали:
Ничего не замечали, лишь стояли да скучали.
Вдруг надели братья шлемы и вперед как вихрь
помчали.

В скакуна вонзая шпоры, под веселый свист кнута
Каждый бросился к воротам под прикрытием щита.
Стража пала бездыханной, не успев закрыть врата.
Бил набат, ревели трубы, начиналась суета.

И счастливая царица обняла, ликуя, их,
Благородных и бесстрашных избавителей своих,
И от ласкового слова гнев их яростный утих,
И беседовали с ними там невеста и жених.

И приветствовали братья станом стройного собрата
И друг друга поздравляли с одоленьем супостата.
Полегли в бою злодеи и исчезли без возврата,
Ибо львов они устрашили, словно малые козлята.

Но когда узнали братья, что от верной их дружины
После боя уцелело чуть побольше половины, —
Перебили тех, кто скрылся за уступами теснины,
И великие богатства повезли домой с чужбины.

На три тысячи животных — вьючных мулов и
верблюдов —
Был погружен крупный жемчуг из подвалов и сосудов.
Было много там рубинов и граненых изумрудов...
Дева села в паланкине, всю фатой себя закутав.

Шестьдесят оставив стражей в той твердыне у дверей,
Повезли они царицу в славный град царя морей.
«Хоть длинна туда дорога, — говорили братья ей, —
Мы Фатьму лишить не можем благодарности своей!»

51. ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА К ЦАРЮ МОРЕЙ

Прибыл вестник в Гуланшаро и привез царю посланье:
«Тариэл, гроза неверных, я свершил свое желанье.
Вывел я из стен Каджети солнце, полное сиянья,
И к тебе, подобно сыну, нынче еду на свиданье.

Царь! Разбив в сраженье каджей и владея их страну,
Одному тебе обязан я победою такую,
Ибо ранее царевна спасена была Фатьмою...
Чем воздам тебе я нынче, ошастливленный тобою?

Выйди, царь, ко мне навстречу: ныне я в твоём краю.
Я тебе всё царство каджей, благодарный, отдаю.
Укрепи же их твердыню, защищай ее в бою.
Я же с милою невестой еду в вотчину свою.

От меня скажи Усену, чтоб прислал свою супругу.
Пусть она ко мне приедет и обрадует подругу.
Не она ль нам оказала столь великую услугу?
Ждет ее мое светило, озарившее округу!»

Царь морей, приняв посланца и услышав эти речи,
Удивленья и восторга скрыть не мог в простосердечье.
Он хвалил и славил бога за успех каджетской сечи
И с великою поклажей поспешил на место встречи.

Он решил сыграть их свадьбу и, исполненный забот,
Взял с собой добра немало в этот свадебный поход.
Десять дней они с Фатьмою бодро ехали вперед,
Чтоб увидеть льва и солнце, восхитившее народ.

Братья спешили при встрече, поздоровались
с владыкой,
И владыка целовал их с благодарностью великой.
Поздравлял он Тариэла, беглеца пустыни дикой,
И, взирая на царевну, любовался солнцеликой.

И Фатьма при виде девы, возвратившейся из плена,
Обняла ее, рыдая, целовала ей колена.
«Слава богу, тьма исчезла, — говорила ей смиренно, —
Зло мгновенно в этом мире, доброта же неизменна!»

Обняла Фатьму царевна и сказала ей она:
«Пожалел создатель сердце, пробудил его от сна!
Раньше я была ущербна, ныне радостью полна,
Как оттаявшая роза, снова солнцем спасена.»

В благодарность за Каджети царь в течение недели
Пировал на этой свадьбе, сам участвуя в веселье.
Много роздал он подарков — дивных кубков, ожерелий,
По червонцам там ходили и под ноги не глядели.

Горы шелка там лежали и атлас, царем даренный.
Увенчал гостей владыка гиацинтовой короной.
Оценить подарок этот не сумел бы и ученый,
Тариэлу же вдобавок трон поставлен был червонный.

Государь поднес невесте одеянье, и на нем
Бадахшанские рубины рдели пурпурным огнем.
Дева молнией светилась, сидя с юношей вдвоем,
И дивились им вельможи, приезжая на прием.

Автандилу и Фридону царь того морского края
Подарил по иноходцу, по заслугам воздавая.
Были им даны и седла, и одежда дорогая.
«Благодарствуй, царь великий!» — братья молвили,
вставая.

Тариэл же к государю обратился со словами:
«Рады мы, что ты, владыка, здесь пируешь вместе
с нами.
Одарил ты нас сегодня драгоценными дарами!
Хорошо, что я заехал навестить тебя с друзьями».

«Лев достойный и властитель! — отозвался царь
морей. —
Ты печалишь нас разлукой, тешишь близостью своей!
Неужели дар мой скудный равен доблести твоей?
Тяжко мне с тобой расстаться, наилучший из людей!»

Витязь речи вел с Фатьмою, как с названую сестрою:
«В неоплатном, в небывалом я долгу перед тобою!
Ныне все богатства каджей, привезенные с собою,
Я дарю тебе, сестрице, мне ниспосланной судьбою!»

И Фатьма пред ним колени, благодарная, склонила:
«Без тебя я, повелитель, сожжена огнем светила!
Ты лишил меня рассудка, погрузил меня в горнило!
Счастье — взысканным тобою, а покинутым — могила!»

И царю морей сказала новобрачная чета,
Чью кристальную улыбку лыют жемчужные уста:
«Без тебя, о царь, свирели умолкают неспроста,
Но, увы, пора вернуться нам в родимые места.

Ты отец наш и наставник, наша жизнь и упованье!
Дай же нам корабль, владыка! Окажи благодеянье!»
Царь ответил: «Я исполню ваше каждое желанье, —
Что еще могу я сделать, коль настало расставанье?»

Судно быстро снарядили и наполнили добром,
И отъехал славный витязь на богатом судне том.
Провожавшие рыдали, били в темя кулаком,
И от слез Фатьмы вздувалось море синее кругом.

52. ПРИБЫТИЕ ТАРИЭЛА В ЦАРСТВО ФРИДОНА

Переплыли через море братья, верные обету,
И в дороге подтвердили клятву дружескую эту.
Смех и пенье услаждали их, блуждающих по свету.
Разливался блеск жемчужин по кристаллу-самоцвету.

И с дороги некий вестник послан был к Асमत-рабыне,
Чтоб сказать девице этой и Фридоновой дружине:
«Вот грядет светило наше, восседая в паланкине!
Погибавшие от стужи, мы не сетуем отныне!»

Вдоль по берегу морскому братья тронулись верхом
И как дети веселились, вспоминая о былом.
Наконец страна Фридона показалась за холмом,
Где приветственное пенье раздавалось, словно гром.

Повстречали их вельможи посреди большого луга,
И Асमत, обняв царевну, исцелилась от недуга.
Не смогла бы и секира оторвать их друг от друга!
Верной службой послужила деве царственной подруга!

И твердила ей царевна, челядинку обнимая:
«Всю тебя я истомила! Горе мне, моя родная!
Ныне бог послал нам милость, о печалях наших зная.
За твое большое сердце чем воздать тебе должна я?»

Та сказала: «Нашу розу не засыпали снега,
И сокрытое открылось нам, спасенным от врага;
Возвращенная к веселью, ты, как жизнь, мне дорога!
Средь друзей всего достойней повелитель и слуга!»

Низко кланяясь, вельможи говорили в восхищенье:
«Мы должны прославить бога за его благоволенье.

Возвратил он вас с победой, даровал нам утешенье.
Сам он ранит наше сердце, сам приносит исцеленье!»

Подходили эти люди, руки братьям целовали.
Царь сказал: «Собратья ваши ради нас в сраженье
пали, —
Вместо прежних упований и земной своей печали
Приобщились к вечной жизни и стократ блаженны
стали.

И хотя по тем убитым пролил я потоки слез,
Души их творец вселенной в кущи райские вознес!»
Царь заплакал, безутешный, и с ресниц дохнул мороз,
И, мешая дождь со снегом, заморозил купу роз.

Увидав царя в печали, зарыдали и вельможи
И оплакивать убитых принялись усердно тоже.
Но потом они сказали: «На светила вы похожи,
Так неужто нам стенанья всякой радости дороже?

Кто достоин в этом мире ваших горестных рыданий?
Смерть за вас, герои наши, лучше жизненных скитаний!»
И Фридон сказал собрату: «Здесь не место для стенаний!
Бог тебе готовит радость вместо этих испытаний!»

И когда погибшим в битве Автандил вознес хвалу,
Все решили: «Пусть улыбка разольется по челу!
Так как лев обрел светило и пресек дорогу злу,
Мы оплакивать не будем то, что кануло во мглу!»

И тогда великий праздник наступил в Мульгазанзаре.
Барабаны и кимвалы пели песнь о государе.
Горожане и торговцы шли навстречу юной паре,
Так что всякая торговля прекратилась на базаре.

Были улицы забиты многочисленной толпою,
Впереди стояла стража длинной цепью круговую.
Больше всех ей досаждали те, кто шли со всей семьей,
Ибо все они стремились заглянуть в лицо герою.

У дворца царя Фридона братья кончили поход.
В поясах своих червонных челядь стала у ворот.
По ковру, бросая деньги, гости двинулись вперед,
И лозил червонцы эти торжествующий народ.

53. СВАДЬБА ТАРИЭЛА И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН, УСТРОЕННАЯ ЦАРЕМ НУРАДИН-ФРИДОНОМ

Пышный трон, бело-пурпурный, изукрашенный
Фридоном,
Весь в камнях красно-желтых, возвели молодоженам.
Желтый трон для Автандила посредине был черненым.
Двор собрался, и герои по своим расселись тронам.

И явились сладкопевцы и свои запели гимны,
И друзьям шелков немало царь поднес гостеприимный,
И отпраздновал он свадьбу ради их любви взаимной,
И пленяла приглашенных красота царевны дивной.

Девять перлов драгоценных царь поднес им в честь
побед.
Каждый был с яйцо гусыни и струил туманный свет.
Но зато подобен солнцу был там некий самоцвет, —
С этим светочем художник ночью мог писать портрет.

Дорогим молодоженам, приглашая их на ужин,
Царь поднес по ожерелью из рубинов и жемчужин.
Автандилу дал он блюдо в знак того, что с ним он
дружен.
Чтоб внести такое блюдо, был немалый навык нужен.

Был насыпан крупный жемчуг на огромном блюде этом.
Царь поднес его герою с поздравленьем и приветом.
Там ковры и аксамиты отличались дивным цветом.
Благодарность Таризела на дары была ответом.

Восемь дней, играя свадьбу, веселилась вся страна.
Ежедневно новобрачным подносила дар казна.

Били бубны и кимвалы, арфы пели дотемна.
Как достался витязь деве, так и витязю — она.

Как-то раз сказал Фридону Тариэл такое слово:
«Мне любой из вас, герон, ближе брата дорогого.
Чтоб воздать вам по заслугам, сердце всё отдать готово,
Ибо, вами исцеленный, я вернулся к жизни снова.

Есть ли что прекрасней жертвы, принесенной
Автандилом?

Оказать спасету помощь нам с тобой теперь по силам.
Ты сходи к нему, разведай, как нам быть с собратом
милым?

Потушив мое горнило, он сожжен своим горнилом!

От меня спроси ты брата: «Как избыть твою беду?
Богом посланную с неба, ты свою получишь мзду,
Но коль я тебя забуду и на помощь не приду,
Пусть нигде себе приюта я, бездомный, не найду.

Чем тебе помочь я должен, верным будучи собратом?
Я в Аравию с тобою рад, коль надо, ехать сватом.
Где словами, где мечами, все устроим мы дела там.
Не женив тебя на деве, не хочу я быть женатым!»

Лишь дошло до Автандила предложенье Тариэла,
Безграничная веселость Автандилом овладела.
«Для чего мне эта помощь? — он воскликнул. — В чем
тут дело?
Ведь луна моя от каждей бед пока не претерпела.

Ведь она по божьей воле занимает свой престол,
Почитается народом, никаких не знает зол,
Ни один колдун на свете козней ей пока не плел.
Почему ж ты с этим делом, милый друг, ко мне пришел?

Лишь когда творец исполнит все свои предначертанья
И пошлет мне утешенье за минувшие страданья, —
Лишь тогда я вновь увижу солнце, полное сиянья...
До тех пор, увы, напрасны будут все мои метанья.

Вот что должен Тариэлу я сказать по доброй воле:
„Я похвал твоих не стою, царь, рожденный на престоле!

С материнской я утробы предназначен рабской доле,
Пусть же я останусь прахом, не займешь ты трон
доколе!

Ты сказал: «Желаю справить свадьбу славную твою!»
Голос любящего сердца в этом слове узнаю!
Но ни меч, ни красноречье не помогут в том краю,
Где послал мне бог царицу солнцеликую мою!

Лучше ждать решенья свыше, чтоб душа не унывала!
Но тебе индийским тронном овладеть пора настала,
Чтоб с тобой твое светило, словно молния, блистало,
Чтоб, рассеянный тобою, враг бежал куда попало.

В день, когда осуществляются эти наши замысленья,
Я в Аравию, мой витязь, возвращусь без промедленья.
Там, коль солнце пожелает, я уйму огонь томленья.
Ни к чему иному больше не имею я стремленья“».

И когда о том услышал от Фридона Тариэл,
Он сказал: «Не с колдунами я сражаться захотел.
Так же как источник счастья возвратить он мне сумел,
Ныне я отдам всё сердце ради этих важных дел.

Передай ему всё это и скажи: «Воитель славный,
На меня давно в обиде воспитатель твой державный.
Много слуг его когда-то я убил в борьбе неравной.
Я хочу просить прощенья за поступок своенравный».

Ты скажи: „Со мною больше не веди переговоров.
Завтра двинусь я в дорогу, мне не нужно долгих сборов.
Царь Аравии забудет для меня упрямый норов
И меня, как свата, встретит без упреков и раздоров“».

С этим словом к Автандилу Нурадин пришел опять.
Он сказал: «Решилось дело. Поздно споры затевать».
И хотя спаспета стала боль души одолевать,
Уважения к владыке он не мог позабывать.

Он явился к Тариэлу, и склонил пред ним колени,
И, поднять очей не в силах, говорил ему в волненье:
«Грешен я пред Ростеваном, не свершил его велений, —
Не зови меня с собою ради новых преступлений!

Если мы туда поедem, взяв с собою Нурадина,
Никому я не позволю нападать на властелина!
Уж и так пред государем голова моя повинна!
Разве смеет раб ничтожный меч поднять на господина!

Между мною и царицей вы посеете раздор.
Горе мне, коль то светило потускнеет с этих пор!
Оттолкнет меня царица, позабудет уговор,
Не простит, не пожалеет, всем мольбам наперекор!»

Тариэл, светило мира, поднял брата со словами:
«Ты помог мне в затрудненье и советом и делами.
Ныне мы познали счастье, но, разделавшись с врагами,
Ты и сам обязан ныне утешаться вместе с нами.

Не могу хвалить я друга, если он со мной чинится,
Слезы льет в уединенье, убивается, томится...
Кто меня считает братом, должен мне во всем
открыться.
Если ж нет, то нам обоим лучше будет разлучиться.

Овладел ты сердцем девы и меня от смерти спас.
Вряд ли дева огорчится, если вдруг увидит нас.
Задавать царю загадки я не буду в этот раз, —
У меня одно желанье: позаботиться о вас.

Буду я молить владыку, чтоб, радея о престоле,
Он тебе свое светило уступил по доброй воле.
Нужно вам соединиться, для чего страдать вам боле?
Украшать друг друга нужно, а не вянуть в диком поле!»

Увидав, что не отступит от решенья Тариэл,
Автандил противоречить побратиму не посмел.
Нурадин собрал охрану, счел ее и осмотрел
И с любимыми друзьями в дальний двинулся предел.

54. ТАРИЭЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ПЕЩЕРЕ И ВИДИТ СВОИ СОКРОВИЩА

Мудрый Дивнос человека учит тайне сокровенной:
«Нам добро ниспосылает, а не зло творец вселенной.
Он добру отводит вечность, злу дает он срок мгновенный.
Он стремится к совершенству, сам от века совершенный».

Львы, покинув край Фридона, шли в веселье небывалом.
Новобрачная скрывалась под дорожным покрывалом.
Крылья ворона, чернея, колыхались над кристаллом,
И казалось то светило бадахшанским дивным лалом.

В паланкине ту царевну проносили средь долин.
Братья тешились охотой, окружая паланкин.
Где б они ни проходили, каждый встречный селянин
Торопился к ним с дарами, созерцая тот рубин.

И казалось всем прохожим, что высоко над землею
Три луны сопровождают солнце стражею тройною.
Наконец они достигли диких скал, где над рекою
Витязь жил в своей пещере, опекаемый сестрою.

Тариэл сказал братьям: «Вот она, моя округа!
Здесь я странствовал и плакал, умирая от недуга.
Пусть же здесь нехитрый ужин соберет Асма-подруга
И любой из вас получит дар от преданного друга!»

Братья слезли у пещеры, и устроили привал,
И оленины поели, отдыхая возле скал.
Вспоминая о минувшем, каждый витязь ликовал,
И хвалил, и славил бога, столь достойного похвал.

Обошли они пещеры, опечатанные братом,
И опять они немало обнаружили добра там.
Кто считал свои богатства, обладая этим златом?
Попадая в те пещеры, каждый делался богатым!

Много роздал там сокровищ Таризл непобедимый,
Награжден был каждый воин, Нурадином предводимый.
Никого не позабыл он, путешествуя с любимой,
Но нетронутым казался клад его неисчислимый!

И сказал Фридону витязь: «Я должник твой, милый
брат!

Но на свете добродетель возмещается стократ.
Потому тебе в подарок отдаю я этот клад,
Увези его с собою как награду из наград».

С благодарностью ответил витязь брату дорогому:
«Ты меня, как видно, хочешь уподобить скопидому!
Даже тех, кто крепче дуба, ты ломаешь, как солому!
Буду счастлив я, покуда твоему служу я дому!»

Чтобы выслали верблюдов, он послал домой известье
И сокровища пещеры перевез в свое поместье.
И тогда в страну арабов братья выехали вместе:
Автандил, ущербный месяц, к молодой спешил невесте.

В некий день они достигли Аравийской стороны,
Где повсюду были села или крепости видны.
В синих траурных одеждах, по заветам старины,
Люди бегством Автандила были там огорчены.

Прибыл вестник Таризла и предстал пред Ростеваном:
«Благоденствуй, о владыка, в ликованье непрестанном!
Ныне я к тебе явился — царь, рожденный Индостаном, —
Чтоб бутон прекрасной розы возвратить тебе сохранным.

Я, твой прах, при первой встрече неприветлив был
с тобою,

Но и ты напрасно вздумал поскакать вослед за мною.
Не сдержав своей досады, я расправился с толпою,
И рабов твоих немало распростилось с головою.

Ныне прибыл я, владыка, после многих трудных лет,
Чтоб молить тебя усердно о забвеньи этих бед.

Подтвердят Фридон и стража, что даров со мною нет,
Лишь один со мной подарок — твой возлюбленный
спаспет».

В день, когда к царю явился вестник этих сообщений,
Царь возрадовался духом и заплакал в восхищенье,
И с ресниц на лик царевны опустились стрелы теней,
И краса ее рубинов стала втрое совершенней.

Загремели барабаны, взволновалась вся столица,
Вышли воины на площадь, чтоб навстречу устремиться.
Выносили седла, сбрую, запрягал коней возница,
Храбрых витязей проворных потянулась вереница.

Сел и царь на иноходца, и по знаку воевод
Войско двинулось навстречу из распахнутых ворот.
И хвалил и славил бога весь собравшийся народ:
«Лишь добро одно бессмертно, зло подолгу не живет!»

И когда заметно стало приближенье каравана,
Автандил сказал собрату, опечалившись неожиданно:
«Посмотри, как в туче пыли степь далекая туманна!
Там горит мое горнило, пламенея непрестанно!

Там мой царь и воспитатель. Он спешит к тебе навстречу.
Я идти с тобой не в силах, ибо что ему отвечу?
Кто, как я, себя унизил, честь утратив человечью?
Без меня вам надо встретить государя мудрой речью!»

Тариэл сказал: «Похвально почитание царя!
Оставайся же на месте, не ходи со мною зря.
Я добьюсь его согласия, и, сиянием горя,
Станет витязю женою та небесная заря».

Был шатер для Автандила на лугу разбит зеленом,
И Нестан в шатре осталась вместе с братом нареченным.
Вздых ресниц ее казался легким ветром благовонным.
Тариэл, простившись с нею, дальше двинулся
с Фридоном.

И воскликнул царь арабов, проезжая по долинам:
«Тариэл, прекрасный станом, шлет приветствие вдали
нам!»

И, подъехав, поклонился властелину с сердцем лвиным,
Обошелся он с индийцем, как отец с любезным сыном.

И пред ним склонился витязь, посетивший те места.
Целовал его владыка, чтоб порадовать уста.
Говорил он Тариэлу, удивляясь неспроста:
«Ты как солнце над землею! Без тебя и жизнь пуста!»

И проворство рук героя, и краса его, и сила —
Всё в нем старого владыку привлекало и дивило.
Похвалил он и Фридона, но ему печально было,
Что среди гостей приезжих он не видел Автандила.

Увидав, что царь печален, Тариэл промолвил слово:
«Царь, тебе повиноваться сердце путника готово.
Но дивлюсь я, как ты можешь возносить меня, чужого?
Разве можно быть милее Автандила молодого?»

Не дивись, что появиться было брату недосуг.
Лучше сядь со мной, владыка. Как прекрасен этот луг!
Я сказать тебе осмелюсь, почему не прибыл друг,
И просить о нем я буду ради всех его заслуг».

Сели рядом два владыки. Окружили их отряды.
Свет блеснул в очах героя, как мерцание лампы.
Тот, кто видел Тариэла, не искал другой отрады.
Речь его была достойна и вниманья и награды.

«Царь, — сказал он Ростевану, — не гневись на слово
это,
Но пришел к тебе я ныне ради славного спасета,
Умоляет этот витязь, чье лицо светлее света,
Чтобы ты его прошенье не оставил без ответа.

Оба мы к тебе зываем, о светило из светил!
Сообразно разуменья дал мне счастье Автандил!
Он возлюбленную деву ради друга позабыл!
Чтоб о том распространяться, неостанет наших сил!

Царь, давно друг друга любят этот витязь и девица!
Вижу я, как он в разлуке и тоскует и томится!
Я молю, склонив колена: дай им счастьем насладиться!
Пусть ему женою будет солнцеликая царица!

Ничего прибавить больше к этой речи я не смею...»
Тут платок расправил витязь, повязал петлей на шею,
И упал он на колени с дивной просьбою своею...
Тот, кто слышал эту просьбу, был смущен немало ею.

Увидав царя индийцев распростертого в ногах,
Ростеван и сам склонился со слезами на глазах.
Он сказал: «Принес ты радость, но ее развеял в прах,
Ибо эти униженья на меня наводят страх.

Разве может не исполнить человек твое желанье?
Для тебя я дочь родную свел бы даже на закланье,
Я б ее в рабыни отдал, будь на это приказанье...
Автандил же — зять, достойный и любви и почитанья.

Разве кто другой на свете мне понравиться сумеет?
Царство дочери я отдал, им она теперь владеет.
Юный цвет произрастает, старый сохнет и желтеет...
Как могу я ей перечить, коль она любовь лелеет?

Я ее, коль ты прикажешь, выдам даже за раба!
Лишь безумного не тронет столь великая мольба!
Но отверг бы я спасета, будь любовь моя слаба!
Говорю, как перед богом: такова ее судьба!»

Таризл, владыка индов, услышав такое слово,
С благодарностью великой поклонился старцу снова.
Царь ему ответил тем же. Ради гостя дорогого
Он забыл свои печали и не хмурился сурово.

Нурадин с веселой вестью поскакал за братом милым.
Новость радостную эту встретил он с великим пылом.
Скоро он на место встречи возвратился с Автандилом,
Но смущенный этот витязь смутным выглядел светилом.

Он предстал пред государем, и в томлении поник,
И платком закрыть пытался беспокойный бледный лик.
Солнце, спрятавшись за тучу, затуманило цветник,
Но отнять красу у розы не сумело ни на миг.

Царь хотел обнять героя, но в печали и смущен:
Витязь, лик не поднимая, целовал его колени.

«Встань! — сказал ему владыка. — Ты отважен был в сраженьи!
Не смущайся, я не буду обвинять тебя в измене!»

Обнял царь его великий, целовал его ланиты,
Говорил: «Живой водою потушил мои огни ты!
Так пойдем же, лев, к светилу, где агат с агатом слиты!
Я сведу вас воедино, не лишу своей защиты!»

Лев, обласканный владыкой, исцелился от забот.
Сидя рядом с Ростеваном, он вкусил его щедрот.
Был жены он и престола удостоен в этот год.
Только тот оценит радость, кто печаль переживет!

И сказал владыке витязь: «Кончив дело непростое,
Отчего ты, царь, не хочешь встретить солнце золотое?
Отведи ее в чертоги, посели в своем покое,
Пусть дворец в ее сиянье лучезарней станет вдвое!»

Взяв с собою Таризла, все к царевне поскакали,
И ланиты голиафов, словно солнце, просияли:
Всех побед достигли братья, получили, что искали,
И мечи не понапрасну бедра их отягощали.

Увидав вдали царевну, государь сошел с седла.
Ослепил его внезапно дивный свет ее чела.
Дева, сидя в паланкине, старца радостно ждала,
И сказал ей царь великий, позабыв про все дела:

«Свет пресветлый, не сравнимый ни с кристаллом, ни с алмазом!
Не напрасно пред тобою мудрецы теряют разум!
Посреди светил небесных ты — луна и солнце разом!
Увидав тебя, на розы не взгляну я больше глазом!»

Любовались все арабы светозарной той зарницей,
Всем очам она сияла благодатною денницей.
Люди счастье находили в созерцанье светлолицей
И, узнав ее, спешили вслед за нею вереницей.

И повез ее с собою престарелый царь-отец
И в семи планетах неба находил ей образец.

Но красу ее постигнуть не сумел бы и мудрец.
И явились в город гости и вступили во дворец.

И явилась перед ними Тинатин, надежда трона.
Были ей к лицу порфира, царский скипетр и корона.
На гостей она взглянула, словно солнце с небосклона.
Таризл, владыка индов, к ней приехал для поклона.

С молодой своей женою поклонился он трикраты.
Повели они беседу, светлой радостью объаты.
Лучезарным их сияньем осветились все палаты.
Стали ликами рубины и ресницами агаты.

Но когда им трон воздвигла эта лучшая из дев,
Молвил витязь: «Ты приводишь судию судей во гнев!
Будь сама царицей нашей, на престоле этом сев!
Пусть сильнейший между львами с солнцем солнц
воссядет лев!»

Усадил царицу витязь на престоле том старинном,
И велел он Автандилу с нею сесть под балдахинном.
Кто, подобно им, на свете пламенел огнем единым?
Не могли б сравниться с ними даже Вис с ее Рамином!

И смутилась эта дева, увидав героя рядом,
Побледнела и взглянула на отца пытливым взглядом.
«Не страшись! — сказал родитель. — Мудрецы вещают
чадам:
«Возлюбившие друг друга все дела кончают ладом».

Дай вам бог удачи, дети, чтобы с этого вы дня
Благоденствовали вместе, доблесть царскую храня!
Будьте верными, как небо, вечно полное огня,
И своими вы руками положите в гроб меня».

Указав на Автандила, царь сказал своей дружине:
«Вот ваш царь. По воле божьей он царит в моей
твердыне.

Утвердив его на троне, я готов теперь к кончине.
Так же, как вы мне служили, и ему служите ныне!»

И ответила дружина, преклоняясь пред царями:
«Мы, цари, лишь пыль земная, возвеличенная вами!

Благосклонные к покорным, непреклонные с врагами,
Доблесть нашу и отвагу умножаете вы сами!»

И к царице царь индийский обратился с похвалой:
«Возвращен тебе твой витязь и огонь потушен твой.
Твой супруг — мой брат названный, будь и ты моей
сестрой!
Посрамлю я всех неверных, кто нарушит твой покой!»

55. СВАДЬБА АВТАНДИЛА И ТИНАТИН, УСТРОЕННАЯ ЦАРЕМ АРАБОВ

В этот день на царском троне величали Автандила.
Тариэлу нежность сердца украшением служила.
Тинатин с Нестан сидела, и толпа о них твердила,
Что сошли с небес на землю два сияющих светила.

Чтоб дружинников насытить, принесли там хлеба, соли,
И немало там баранов и коров перекололи.
Раздавали там подарки сообразно царской воле,
И цари, подобно солнцу, там сияли на престоле.

Был там дивного чекана каждый свадебный бокал,
Гиацинтовые чаши, кубки — выдолбленный лал.
Ты, увидев эту свадьбу, сам бы сердцу приказал:
«Погуляй с гостями, сердце! Не спеши покинуть зал!»

И гремели там кимвалы, и, по воле властелина,
Сто фонтанов источали удивительные вина,
И сияли там созвездья бадахшанского рубина,
И гуляла там до света Ростеванова дружина.

Не остался без подарка ни хромой там, ни увечный.
Рассыпали там горстями дивный жемчуг безупречный.
Набивали там карманы каждый встречный-

поперечный. . .
Дружкой был у Автандила Тариэл добросердечный.

Ночь прошла, и на рассвете Тариэлу, выбрав срок,
Царь промолвил: «Вы с царицей озарили мой чертог!
Вы — владыки над царями, мы — рабы у ваших ног:
Их следы напоминают блеск невольничьих серег.

Восседать нам вместе с вами, царь великий, не годится!»
И престол на возвышенье был поставлен для индийца.
Автандил воссел пониже, рядом — юная царица.
Дар, врученный Тариэлу, и с горой не мог сравниться!

Царь их потчевал как равных, по законам царской чести,
Подходил с своим бокалом то к герою, то к невесте,
За свои благодеянья был хвалим без всякой лести...
Царь Фридон близ Автандила восседал на царском
месте.

И индийского владыку, и владычицу сердец,
Словно зятя и невестку, одарил старик отец.
Малой доли тех подарков сосчитать не мог мудрец.
Был там скипетр, и порфира, и рубиновый венец.

Соответствовали сану эти дивные подарки:
Самоцветы из Романьи сходны с яйцами цесарки,
Перлы крупные, как сливы, многочисленны и ярки,
Кони рослые, как горы, — скакуны, не перестарки.

Девять полных блюд Фридону царь насыпал жемчугами,
Девять редких иноходцев отдал вместе с чепраками...
Отвечал владыка индов благодарными словами
И вполне казался трезвым, хоть немало пил с друзьями.

Лишних слов не буду тратить: день за днем летели дни.
Целый месяц с Тариэлом пировали там они.
Царь дарил владыке индов лалы дивные одни,
И горели эти лалы, как небесные огни.

Тариэл сиял, как роза, но, прервав увеселенья,
С Автандилом государю он послал уведомленье:
«Был бы рад с тобой, владыка, развлекаться каждый
день я,
Но боюсь, что край индийский враг пожрет без
промедленья.»

Чтоб тебя не огорчала ни одна моя утрата,
Должен знаньем и искусством я низвергнуть супостата.
Ныне я спешу в отчизну, покидаю я собрата,
Но надеюсь вас увидеть после скорого возврата!»

«Не смущайся! — царь ответил, ожиданьям вопреки. —
Делай то, что нужно делать, коль враги недалеки
Автандил тебе на помощь поведет свои полки.
Бей коварных супостатов, разрывай их на куски!»

Автандил сказал миджнуру о решении царевом.
Тот ответил: «Спрячь свой жемчуг под рубиновым
покрывом!
Как ты можешь, поженившись, распротиться с мирным
кровом!»
Но ему собрат любимый возразил шутливым словом:

«Ты, я вижу, уезжаешь, чтоб потом злословить друга:
«Он в беде меня оставил! Для него милей супруга!»
Я же буду здесь томиться, погасив огонь недуга.
Нет! Покинуть побратима — невеликая заслуга!»

Смех веселый Тариэла рассыпался, как кристалл.
Он сказал: «И я б в разлуке горевать не перестал!
Торопись же, если хочешь, и не жди моих похвал!»
И дружинам аравийским царь собраться приказал.

Он не мешкал и составил свой отряд в престольном граде.
Ровно восемьдесят тысяч было всадников в отряде,
Все в доспехах хорезмийских и воинственном наряде.
Царь-отец, увидев это, приуныл разлуки ради.

С грудью грудь и с шеей шею на прощание сливая,
Там сестру свою царица провожала молодая.
Дав друг другу слово клятвы, обнялись они, рыдая,
И народ на них дивился, со всего собравшись края.

Вместе с утренней звездой и луна горит с утра,
Но сестру потом бросает бледноликая сестра.
Коль они не разойдутся, небо скажет им: пора!
Чтобы их увидеть вместе, будь высоким, как гора.

Точно так же тот, кто создал и земные два светила,
Отведет их друг от друга, как бы им ни трудно было.
Розы, слитые в лобзанье, вновь судьба разъединила.
Тем, кто с ними разлучался, оставалась лишь могила!

«Если б мы, — Нестан сказала, — здесь не встретились
с тобою,

Никогда бы и разлуку не считала я бедою.

Не забудь, пиши мне письма, если я вниманья стою!

Как сгораю по тебе я, так и ты томись тоскою!»

«О пленительное солнце! — Тинатин сказала ей. —

Как могу я отказаться от тебя, сестры моей!

Без тебя просить о смерти буду я царя царей!

Сколько слез я потеряю, столько ты процарствуй дней!»

Так расстались две царицы, столь счастливые дотеле.

Та, что дома оставалась, вдаль смотрела поневоле.

Оборачивалась к дому та, что выехала в поле. . .

Я не мог из тех страданий описать десятой доли!

Провожая побратимов, убивался царь могучий.

«Горе мне!» — твердил владыка, трепеща от скорби

жгучей.

Видно, сердце в нем кипело, как котел кипит кипучий!

Тариэл был хмур, как солнце, занавешенное тучей.

Старый царь, прощаясь с гостем, поминутно говорил:

«Сладким кажешься виденьем ты, светило из светил!

В двадцать раз я стал печальней, потеряв остаток сил.

Сам меня вернул ты к жизни, сам теперь и погубил!»

Витязь сел на вороного, опечаленный немало.

Стража, вышедшая в поле, дол слезами орошала.

«Близ тебя, — она твердила, — даже солнце темным

стало!»

Он в ответ: «Мои страданья тяжелей страданий Сала!»

Так они в поход пустились, и под стягом Тариэла

Автандил с царем Фридоном войском правили умело,

С ними восемьдесят тысяч шли в неведомое дело,

И сердца их там друг другу были преданы всецело.

Славных витязей подобных в мире нет уже давно!

Спорить встречным-поперечным было с ними мудрено.

На привалах эти братья расстилали полотно

И не сыворотку пили, а как водится — вино!

56. СВАДЬБА ТАРИЭЛА И НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Позвала детей царица, руки их соединила
И на трон земли индийской в царском зале посадила.
Исстрадавшееся сердце новой силой укрепила,
Позабыв свои печали, светлой радости вкусила.

На высоком царском троне Тариэл воссел с женою,
Оба равные друг другу и любимые странюю.
Кто сумел бы в полной мере возвеличить их хвалою?
Кто из всех сынов Адама спорил с ними красотую?

Семь престолов Индостана, все отцовские владенья,
Получили здесь супруги, утолив свои стремленья.
Наконец они, страдальцы, позабыли про мученья:
Только тот оценит радость, кто познает огорченья.

Даже солнце ликовало, отражаясь в тех героях!
Люди били здесь в литавры, громыхали на гобоях.
Принесли ключи хранилищ и, собравшись в тех покоях,
«Вот наш царь с своей царицей», — говорили про обоих.

На отдельных сели тронах там Фридон и Автандил.
Хор вельмож, представ пред ними, их деяния хвалили.
Бог подобных им героев на земле не сотворил,
И любой из них о прошлом там с гостями говорил.

Пили, ели, круг придворных становился больше, шире,
Свадьбу радостно справляли, как справляют свадьбы
в мире.

Драгоценные подарки получили все четыре.
Много нищих вспоминает о великом этом пире.

Ублажали их индийцы, как спасителей народа:
«Возродились мы для жизни после вашего прихода!»
Был любой из них прославлен, как герой и воевода,
И всегда толпа придворных ожидала их у входа.

И тогда владыка индов объявил Аснат-рабыне:
«Верной службой ты служила нам с царицею в пустыне!
Из семи моих престолов дам тебе один отныне,
Будь на нем такой же верной, как в пещере на чужбине.

Управляя этим царством, позаботься и о муже,
Послужи нам верной службой, став счастливою к
тому же!»

Но Аснат упала в ноги: «Есть ли что на свете хуже,
Чем покинуть вас с царицей и о вас томиться вчуже!»

В Индостане трое братьев проводили день за днем,
Позабавиться охотой удосужились втроем.
Наделен был каждый витязь дивным жемчугом, конем...
Автандил один, тоскуя, вечно думал о своем.

Увидав, что сердце друга вновь охвачено тоскою,
Тариэл сказал: «Я вижу, нелегко тебе со мною!
Семь напастей без супруги увеличил ты восьмою.
Рок, завидуя счастливым, разлучает нас с тобою!»

Царь Фридон за Автандилом стал отпрашиваться следом:
«Путь к земле твоей индийской мне отныне будет ведом.
Можешь мной распоряжаться, как сосед своим соседом.
Я примчусь быстрее лани, чтоб помочь твоим победам!»

И тогда их царь индийский отпустил в обратный путь,
Но напомнил он Фридону: «Возвратись же, не забудь!»
Автандилу же прибавил: «Без тебя изноет грудь!
Как мне быть, коль солнцу мира льва обязан я вернуть!»

Царь в подарок Ростевану слал одежд различных груду,
Из граненых самоцветов драгоценную посуду.
«Отвези, — сказал, — всё это, утоли мою причуду!»
«Без тебя, — ответил витязь, — что теперь я делать буду!»

Шубку с ценным покрывалом Дареджан сестре дарила,
И была даров достойна лишь супруга Автандила.

Был на шубке этой камень, весь горящий, как светило,
В темноте его сиянье отовсюду видно было.

Попрощавшись с Тариэлом, удалился верный друг.
Запылал огонь разлуки и в сердцах воспрянул вдруг.
Горько плакали индийцы, слезы падали на луг.
«Яд судьбы, — промолвил витязь, — умножает мой
недуг!»

Долго ехали два брата через горные отроги.
Наконец они расстались: расходились их дороги.
Все желанья их свершились, уничтожились тревоги.
Так вернулся царь арабов в Ростевановы чертоги.

Украшение державы, был он встречен там с почетом
И, свое увидев солнце, положил конец заботам.
Вместе с юною царицей возвели на трон его там,
И вознес его корону бог к сияющим высотам.

Были преданы друг другу три державные собрата:
Часто все они встречались, победивши супостата.
Нарушители их воли исчезали без возврата,
И росли их государства вместе с мощью их булата.

Милосердные дела их всюду сыпались, как снег.
Вдов, сирот они кормили, престарелых и калек.
Усмирен был в их владеньях недостойный человек
И на пастбище с козю волк не ссорился вовек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пронеслась их жизнь земная, как ночное сновиденье,
И ушли они из мира — таково его веленье!
Даже тот, кто долговечен, проживет одно мгновенье!
Месх безвестный из Рустави, кончил я мое творенье.

Божеству грузин Давиду, что грядет путем светила,
Чья с восхода до заката на земле известна сила,
Кто для преданных — опора, для изменников — могила,
Написал я эту повесть, чтоб досуг его делила.

Мне ли петь дела Давида, возглашая славу слав?
Я служил ему стихами, эту повесть отыскав.
В ней прославлены владыки многочисленных держав,
Их чудесные деянья и величественный нрав.

Никому на жизнь земную невозможно положиться:
И моргнуть мы не успеем, как она уже промчится.
Для чего ж нам то, что ищем? Подведет судьба-срамница!
Благо тем, кто ладит с нею и кончины не боится!

Мы в стихах Мосэ Хонели Амирана узнаем.
Прочитав «Абдул-Мессию», дань Шавтели воздаем.
Диларгета пел Тмогвели, сожигаемый огнем,
Таризла — Руставели, горько плачущий о нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэма Руставели в переводе Н. А. Заболоцкого¹ печаталась неоднократно. Первое полное издание этого перевода под редакцией Симона Чиковани вышло в Москве в 1957 г. Вскоре перевод появился в составе издания: «Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого», т. 1 (Тбилиси, 1958). Последующие издания этого текста таковы: М., 1962 (предисловие И. Абашидзе); М., 1966; Тбилиси, 1966 (портативное издание); М.—Л., 1966 (в Малой серии «Библиотеки поэта», вступ. статья С. Цаишвили); М., 1969 (в серии «Библиотека всемирной литературы», вступ. статья И. Абашидзе, прим. С. Цаишвили); Тбилиси, 1975 (роскошное издание, предисловие И. Абашидзе, словарь С. Цаишвили).²

В предисловии к двухтомнику своих переводов грузинской классической поэзии Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958) писал: «Поэт Симон Чиковани еще в довоенное время познакомил меня с Грузией, ее историей и культурой и привлек мое внимание к ее литературе. Он редактировал мой перевод поэмы Руставели и в течение многих лет помогал мне своими советами и многочисленными указаниями».³ Действительно, Заболоцкий серьезно занимался вопросами грузинской культуры, часто приезжал в Грузию и долго там оставался, изучал ее природу, ее историю, ее литературу, жизнь и быт ее народа, дружил с грузинскими писателями и учеными, пользовался их советами и консультациями. Не случайно переводы Заболоцкого как классической, так и современной грузинской поэзии в целом выполнены с большим знанием дела, на высоком художественном уровне. Предметом особого увлечения Заболоцкого был,

¹ Данные о других переводах и их изданиях см. во вступ. статье, с. 34—38.

² В 1957, 1962, 1966 и 1969 гг. публикацию поэмы Руставели осуществили Гос. издательство художественной литературы, в 1966 г. — издательства «Ганатлеба» и «Советский писатель», в 1975 г. — «Сабчота Сакартвело». Большинство изданий сопровождается иллюстрациями С. Кобуладзе; только в московском издании 1966 г. и тбилисском 1975 г. помещены иллюстрации Л. Цуцкиридзе и М. Зичи.

³ «Грузинская классическая поэзия в переводах Н. Заболоцкого», т. 1, Тбилиси, 1958, с. 3.

конечно, «Витязь в тигровой шкуре». Еще в 1937 г. он опубликовал свой перевод в сокращенной обработке для юношества.¹ Готовясь к этой публикации, Заболоцкий между прочим писал поэту Тициану Табидзе: «Я должен буду связаться с Институтом Руставели и с людьми, подготовляющими его юбилей. Необходимо подышать воздухом Грузии и почувствовать Руставели на его родине».² В дальнейшем Заболоцкий вдохновенно продолжал трудиться над поэмой Руставели и только через 20 лет (после этого издания) он выпустил ее полный поэтический перевод.

Несомненно, что и Симон Чиковани (1902—1966), и Заболоцкий в нужных случаях обращались к подстрочнику С. Г. Иорданишвили (1898—1953). Заболоцкий прямо об этом говорил в упомянутом выше письме к Т. Табидзе: «Наш друг Микола Бажан... завещает мне свой подстрочник (Иорданишвили) с транскрипцией». До 1966 г. подстрочник этот ходил по рукам в машинописном виде. В 1966 г. он появился в печати, предварительно подвергнувшись редактуре.³ Тем более странно, что у Заболоцкого отсутствуют 10 безусловно руставелевских строф, имеющих как в переводе Иорданишвили, так и в грузинских изданиях поэмы. Это строфы 110, 124, 298—299, 366, 408, 480, 1013—1014, 1164 (по печатному подстрочнику Иорданишвили). В качестве примера сошлемся на три строфы (123—125) из подстрочника Иорданишвили (им предшествует рассказ о том, как Тинатин впервые позвала к себе Автандила, узнав от отца о чудеземном загадочном витязе):

Хмуро она (Тинатин) сидела под пурпурным покрывалом;
Спокойно и тихо предложила она Автандилу сесть.
Раб поставил ему дорогую скамью, сел он скромно и почтительно.
Вблизи взирал он на лик ее, полный великой радости.

Дева молвила: «Я боюсь рассказать об этом,
Хотела умолчать о том, чего не могу снести,
Но знаешь ли ты, почему тебя пригласила сюда,
Почему я сижу хмурая и печальная, с затуманенным рассудком?»

Витязь молвил: «Как смею я говорить об ужасающем?
Когда луна встречается с солнцем, она идет на убыль, блекнет.
Я более не способен мыслить здраво, я сомневаюсь в себе самом,
Сами поведайте мне, что вас угнетает или чем можно вас исцелить».

Цитированному тексту соответствуют две следующие строфы из перевода Заболоцкого:

¹ Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Перевел с грузинского и для юношества обработал Николай Заболоцкий, М.—Л., 1937.

² «Деятели русской культуры о Шота Руставели», Тбилиси, 1966, с. 68.

³ Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Подстрочный перевод с грузинского С. Иорданишвили. Подстрочный перевод сверен с оригиналом, исправлен и отредактирован Комиссией в составе Ш. Апахидзе, Л. Каландадзе, М. Заверина и А. Беставашвили, Тбилиси, 1966.

Но мрачна была царица под прозрачною фатою,
Нежным голосом, однако, приказала сесть герою.
Подал стул ему невольник. Сел он с радостью живую¹
И, лицом к лицу с любимой, упивался красотой.

Витязь молвил: «Что скажу я, коль душа твоя мрачна?
Говорят, при встрече с солнцем потухает и луна.
Я не в силах больше мыслить, словно есть на мне вина.
Чем, скажи, тебя утешу? Чем ты ныне смущена?»

Таким образом, в переводе налицо текстуальный пробел, пробел тем более досадный, что он искажает смысл ситуации. Строфа «Витязь молвил. . .» — прямой ответ на вопрос царицы («Но знаешь ли ты, почему тебя пригласила сюда. . .» и т. д.). Однако как мог учтивый рыцарь и царедворец первым заговорить в присутствии царицы (без ее разрешения или не в ответ на заданный ему вопрос), да еще разглагольствовать о своем душевном состоянии? Диалог между царицей и царедворцем у Заболоцкого завязывается немотивированно, нелогично. 124-я строфа — крайне необходимый элемент текста. Примерно такое же значение имеют и остальные отсутствующие у Заболоцкого строфы из подстрочника Иорданишвили. С другой стороны, в переводе Заболоцкого оказались явно лишними две строфы — 113 и 332, отсутствующие у Иорданишвили и в наиболее авторитетных, критически выверенных грузинских изданиях, но имеющиеся в издании «Витязя», осуществленном руствелологом К. Чичинадзе: это строфы 120 и 384 по изданию Чичинадзе (Тбилиси, 1934). Они изъяты нами из публикуемого текста перевода, так как принадлежность этих строф Руставели в настоящее время оспаривается.

Нужно иметь в виду, что, к сожалению, до сих пор на грузинском языке нет общепринятого канонического издания «Витязя в тигровой шкуре», хотя имеются более или менее удовлетворительные его публикации с научной подготовкой текста. Рукописи «Витязя» не древнее XVI—XVII веков. А к тому времени текст поэмы уже подвергся значительным изменениям и искажениям, засорился многочисленными интерполяциями, продолжениями и дополнениями. Эти искажения и наслоения находили отражение и в печатных изданиях (оригинала и перевода). Сказанное в известной мере относится и к переводу Заболоцкого. Так, в первом издании (1957) перевод Заболоцкого состоит из 1600 строф, а в одном из последних изданий 1969 г. (в серии «Библиотеки всемирной литературы») он насчитывает 1581 строфу. Русские переводы, естественно, приноравливались к текстам лучших грузинских изданий (особенно к изданиям Юблейного 1966 г.).

Название поэмы на языке оригинала — «Вепхисткаосани». По-русски оно обыкновенно переводилось: «Барсова кожа». На ошибочность подобного перевода обратил внимание такой блестящий знаток грузинского языка и замечательный руствелолог, каким был

¹ Так читается это полустушие по последним изданиям, в первом же издании полустушие выглядит иначе: «Сев, поник он головою».

академик Н. Я. Марр. Он предложил несколько вариантов перевода: «Некто в барсовой шкуре», «Юноша в барсовой шкуре», «Человек в барсовой шкуре», «Витязь в барсовой шкуре», «Рыцарь в барсовой шкуре». По мнению ученого, дословным переводом было бы такое заглавие: «Некий в барсовой шкуре».¹ «Вепхисткаосани» — слово-компонит, его можно писать и слитно, и с дефисом. Вторая половина композита «ткаосани» означает: «носящий шкуру (кожу)», «облаченный в шкуру (кожу)» или «облаченный в одежду из шкуры (кожи)». Это совершенно бесспорно. Поэтому не прав был П. Н. Берков, полагавший, что «Вепхисткаосани» нужно переводить по-старому: «Барсова кожа» или «Шкура тигрицы».²

Теперь о значении слова «вепхи». В современном грузинском языке — это тигр. Во многих же древнегрузинских литературных памятниках «вепхи» — барс (леопард, пантера). Отсюда и традиционное: «Барсова кожа», «Витязь в барсовой шкуре» (Н. Марр), «Носящий барсову шкуру (К. Бальмонт).³ С историко-литературной точки зрения, пожалуй, правильнее заглавие «Витязь в барсовой шкуре», хотя особых возражений не вызывает и «Витязь в тигровой шкуре». Западноевропейские переводчики в значении слова «вепхи» отдают предпочтение пантере. Так, все последние немецкие переводы — Г. Буддензига (опубликован в журнале «Mickiewicz-Blätter» за 1970—1971 годы, а также в Тбилиси в 1976 г.), Р. Неукomma (Шюрих, 1974) и М. Церетели (Париж, 1975) — озаглавлены «Der Mann im Pantherfell».⁴ В настоящем издании удержано заглавие переводчика.

Вступление. *Лев, служба Тamar-царице, держит меч ее и щит.* Перевод неточен. В оригинале: «Льву царицы Тamar к лицу копы, щит и меч». Под львом подразумевается муж и соправитель царицы Грузии Тamar (1184—1213) Давид Сослани (1189—1207). В эпилоге поэмы он назван прямо по имени («Мне ли петь дела Давида»).

1. *Тот проходит трое суток с непокрытой головою.* Ходить с непокрытой головой, в представлении древних грузин, считалось унижительным.

4. *Мудрый Эзрос в «Дионосе» нам оставил назиданье* и т. д. Перевод приблизительный. Подстрочник С. Иорданишвили точно передает смысл оригинала:

¹ Н. Я. Марр, Об истоках творчества Руставели и его поэме, Тбилиси, 1964, с. 139.

² См.: П. Н. Берков, О композиции «Витязя в тигровой шкуре». — «Литературная Грузия», 1966, № 9-10, с. 78. Ср.: А. Бамидзе, Реплика по поводу статьи проф. П. Н. Беркова. — «Литературная Грузия», 1967, № 2, с. 76.

³ Шота Руставели, Носящий барсову шкуру. Перевод К. Бальмонта, М., 1917 (неполный перевод); Париж, 1933 (полный перевод).

⁴ У Церетели: «Der Ritter» (рыцарь).

Дионос мудрый и Эзрос свидетельствуют нам следующее:

Достойна жалости роза, замерзшая, заиндевшая;

Достойн жалости тот (чьи ланиты) более не походят на рубин
и чей стан — увядший тростник,

Когда он пускается в скитания, покидает места обжитые.

В переводе Заболоцкого чувствуется явное воздействие перевода Нуцубидзе («Мудрый Эзрос в «Дионосе» сам свидетельствует мне»). Эта строфа по настоящее время вызывает большие споры. По-видимому, Руставели имеет в виду два лица — Дионоса (см. вступ. статью, с. 26) и Эзру (Эзроса). Эпитет «мудрый» по грузинскому оригиналу может относиться и к Дионосу и к Эзросу. Однако расхождения о розе в ареопагитском корпусе, автором которого считается Дионос, отсутствуют. Отдаленное сходство эта аллегория имеет с астрологическим произведением псевдо-Ездры (пророка), известным на грузинском языке с X в. Некоторые ученые (А. Шанидзе, А. Гацерелия) и связывают руставелевского Эзроса с этим псевдо-Ездрой. П. Ингороква (а вслед за ним Ш. Нуцубидзе) Эзросом считает еврейского поэта из Испании Ибн-Эзру (XI—XII вв.), а «Дионосом» — сборник его лирических сочинений («Дивана»). Утверждение это бездоказательное. Вопрос о Дионосе и Эзросе в данной строфе пока остается открытым.

10. *Девяти небес лишая, пусть сожжет меня геенна!* В поэме Руставели признается существование девяти небес (как, впрочем, и в «Божественной Комедии» Данте). Юная Нестан-Дареджан, поклявшись в любви Тариэлу, говорила: «Если обману, то пусть бог обратит меня в прах и не достану я девяти небес». Но из Каджети она писала возлюбленному: «Повернулось к нам с угрозой колесо семи небес». Нет ли тут противоречия? «В специальной научной литературе этот вопрос не выяснен», — пишет по этому поводу автор новой, серьезной работы Э. Хинтибидзе. Но предположение самого Хинтибидзе не кажется достаточно убедительным: «Ввиду того, что, по астрологически-религиозным взглядам, только семи из девяти небес приписывалось управление судьбами людей по воле божества, — в соответствующем месте Нестан ссылается на семь небес» («Мировоззренческие проблемы в поэме Руставели „Вепхисткаосани“», Тбилиси, 1975, с. 439, на груз. яз., резюме на русском и немецком языках).

22. *О любви ты, верно, помнишь, что апостолы гласили... как в Писанье возносили.* Апостолы — ученики Иисуса Христа; некоторым из них приписывается ряд книг Нового завета, в частности и так называемые «Послания», и «Деяния апостолов».

32. *Не берем мы в рот хмельного.* Запрет на употребление вина предписан мусульманским народам в Коране. *Как вещает нам Писанье.* Подразумевается «Послание апостола Павла» в Новом завете.

47. *В доме Рака восседало солнце.* Рак — зодиакальное созвездие; в пределах этого созвездия Солнце наблюдается в июне, значит Автандил вернулся в пещеру Тариэла в начале лета.

54. *Мудрый Дивнос человека учит тайне сокровенной* и т. л. Мудрый Дивнос — псевдо-Дионисий Ареопагит (см. вступ. статью с. 26—27). Он как будто упоминается и в четвертой песне («Автандил уезжает на понски витязя в тигровой шкуре»).

55. *Самоцветы из Романы сходны с яйцами цесарки*. По тексту перевода Романы — одна из стран, принадлежащих к романскому миру. Но перевод неточен: в оригинале это слово персидского происхождения и означает гранатовое дерево. Следовательно, речь идет о рубинах, подобных зернышкам граната.

СЛОВАРЬ ¹

«Абдул-Мессия» — название поэмы XII в. Иоанна Шавтели, означающее, по-видимому, и прозвище неизвестного исторического лица, восхваляемого в произведении.

Адамант — алмаз, бриллиант; в переносном смысле: крепкий, несокрушимый.

Аксамит — тонкая драгоценная ткань.

Амиран — главный персонаж грузинского героико-авантюрного романа XII в. «Амиран-Дареджаниани» (см.: Мосе Хонели).

Амирбар (араб.) — министр двора, также и морской военачальник, адмирал.

Аргамак — порода быстрых и легких скаковых лошадей.

Аспид — ядовитая змея, гадюка.

Аспироз — древнее название планеты Венера.

Багрец — ярко-красная краска.

Багряница — пурпурная мантия царей.

Бадахшан — область на северо-востоке Афганистана, славилась добычей и обработкой рубинов.

Басрийский меч — город Басра на побережье Персидского залива, при впадении в него рек Тигра и Евфрата, славился выделкой стали и оружия.

Безоар (перс.) — драгоценный камень органического происхождения; отличается необычным блеском; ему приписывались целебные свойства.

Вазир — визирь, советник царя на Востоке, в том числе в Грузии.

Велзевул — сатана.

Ветрило — парус.

Вис и *Рамин* — главные персонажи персидской романтической поэмы Фахреддина Гургани (XI в.), по грузинской редакции XII в. — «Висрамиани».

Виссон — драгоценная ткань, употреблялась в одеяниях царей и высшей знати.

Выя — шся.

¹ В словаре поясняется также ряд русских архаизмов и малоупотребительных слов, использованных переводчиком.

Габаон — Гаваон, местность около Иерусалима, упоминаемая в Библии.

Геон — Джеон (Джейхун), древнее название реки Амударьи.

Гепард — зверь из семейства кошачьих, похожий на леопарда; дрессированные гепарды участвовали в охоте.

Гиацинтовые чаши — чаши из драгоценных камней красного цвета.

Голиаф — великан, которого, по библейской легенде, одолел Давид Иудейский, в данном контексте — богатырь.

Гуланшаро — сказочный, легендарный город; «гулан-шахр» (перс.) — город роз.

Десница — правая рука или рука вообще.

Диларгет — имя главного персонажа не дошедшего до нас грузинского романа XII в., приписываемого Саргису Тмогвели.

Достакан (перс.) — большая чаша, задравный кубок.

Драхма (греч.) — мелкая серебряная монета, мера веса.

Дэвы — злые духи в мифологии древних персоязычных народов.

Зарадхана (перс.) — оружейная палата.

Зодиак — двенадцать созвездий, в пределах которых проходит видимое годичное движение солнца.

Зуал (араб.) — планета Сатурн.

Индиго — синяя краска.

Кадж (груз. миф.) — человекоподобное существо, обладающее сверхъестественной силой.

Каджети — страна и крепость каджей (см.).

Кайс — главный герой поэмы Низами (XII в.) «Лейли и Меджнун» (см. миджнур).

Караван-сарай — постоянный двор для торговых караванов на Востоке.

Кимвал — древний ударный музыкальный инструмент.

Коран — священная религиозная книга мусульман.

Крин — лилия.

Криница — родник, источник.

Кронос — Сатурн.

Купина — куст, роща.

Лал — высший сорт рубина, в поэзии употребляется как метафорическое название губ или ланит.

Магомет (VII в.) — основатель мусульманской религии.

Майдан — торговая площадь восточных рынков.

Марих (араб.) — планета Марс.

Мекка — родина Магомета (см.), священный город мусульман (в современной Саудовской Аравии).

Мерани — крылатый конь.

Месх — представитель грузинского племени (из Южной Грузии).

Миджнур — меджнун (араб.), человек, обезумевший от любовной страсти; прозвище главного героя поэмы Низами («Лейли и Меджнун»), ставшее впоследствии нарицательным именем.

Мосе Хонели — грузинский писатель (XII в.), ему приписывается роман «Амиран-Дареджаниани» (см.).

Моурав — управитель.

Мукри (араб.) — чтец Корана (см.).

Муллим (араб.) — мусульманский богослов.

Мульгазанзар — вымышленная страна; «мургзар» (перс.) — лужайка.

Муштари (араб.) — планета Юпитер.

Нарды — игра в кости (трик-трак), распространенная на Востоке.

Отарид (араб.) — планета Меркурий.

Пени — жалобы, упреки.

Персть — прах, пыль.

Платон — древнегреческий философ-идеалист (428—347 до н. э.).

Рак — см. прим. 47.

Рамин — см.: Вис и Рамин.

Ристалище — площадь для состязаний в беге, езде и проч.

Ростом — Рустем, главный герой поэмы Фирдоуси (X в.) «Шахнаме».

Сала (Саламан) — по всей вероятности, Сал, персонаж поэмы Низами «Лейли и Меджнун».

Сирин — райская птица, имя которой встречается в раннехристианских легендах и апокрифах.

Спасалар, спаснет — военачальник, полководец.

Стадий — мера длины в древности (ок. 200 м.).

Талант — мера веса и денежная единица в древности.

Тамбурин — музыкальный инструмент типа бубен.

Тмогвели — см.: Диларгет.

Турач — лесная птица, вид фазана.

Уток — поперечные нити ткани, переплетающиеся с продольными.

Хатавы — жители Хатаети (см.).

Хатаети — северная часть Китая.

Хатун (тюрк.) — знатная дама, госпожа.

Хорезм — средневековое государство в Средней Азии; в поэме отождествляется с Ираном.

Чачнагир (перс.) — придворный дегустатор вин, виночерпий.

Челядинка — прислужница.

Чинар — платан.

Шавтели — см.: «Абдул-Мессия».

Шуйца — левая рука.

Эдем — по библейской легенде, райская страна, где будто бы обитали первые люди на земле.

Эзрос — см. прим. 4.

Юддоль — долина; в переносном значении: земная жизнь с ее невзгодами и страданиями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Великий поэт и мыслитель. *Вступительная статья А. Г. Барамидзе* 5

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вступление	41
1. Начальная повесть о Ростеване, царе Аравийском	45
2. Аравийский царь встречает витязя в тигровой шкуре	52
3. Указ Автандила его подданным	62
4. Автандил уезжает на поиски витязя в тигровой шкуре	64
5. Повесть о жизни Таризэла, рассказанная Автандилу при первой встрече	80
6. Повесть о любви Таризэла, впервые полюбившего	84
7. Первое послание Нестан-Дареджан возлюбленному	89
8. Первое послание Таризэла возлюбленной	90
9. Послание Таризэла к хатавам и свидание его с возлюбленной	91
10. Ответ Рамаза и поход Таризэла на хатавов	93
11. Послание Таризэла царю индийскому и возвращение его на родину	101
12. Послание Нестан-Дареджан к ее возлюбленному	105
13. Послание Таризэла возлюбленной и сватовство Нестан-Дареджан	107
14. Приезд хорезмийского царевича и гибель его от руки Таризэла	113
15. Таризэл узнает о похищении Нестан-Дареджан	116
16. Встреча Таризэла с Нурадин-Фридоном	119
17. Таризэл помогает Фридону победить врага	122
18. Рассказ Фридона о Нестан-Дареджан	124
19. Возвращение Автандила в Аравию	131
20. Просьба Автандила о новой поездке и разговор вазира с царем	138
21. Беседа Автандила с Шермадином перед вторым тайным его отъездом	144
22. Завещание Автандила царю Ростевану	146
23. Молитва Автандила перед отъездом	149
24. Ростеван узнает о тайном отъезде Автандила	150

25. Второй тайный отъезд Автандила к Тариэлу	153
26. Автандил в поисках Тариэла. Плач его и стенание	157
27. Автандил находит Тариэла во второй раз	158
28. Рассказ Тариэла о том, как он убил льва и тигрицу	164
29. Возвращение витязей в пещеру и свидание их с Асмат	166
30. Отъезд Автандила к Фридону, правителю Мульгазанзара	171
31. Прибытие Автандила к Фридону после разлуки его с Тариэлом	174
32. Отъезд Автандила на поиски Нестан-Дареджан	181
33. Прибытие Автандила в приморский город Гуланшаро	186
34. Встреча Автандила с Фатьмой	188
35. Фатьма влюбляется в Автандила	189
36. Любовное послание, написанное Фатьмой Автандилу	190
37. Ответ Автандила и встреча его с чачнагиром	192
38. Автандил убивает чачнагира	195
39. Фатьма рассказывает Автандилу историю Нестан-Дареджан	196
40. Фатьма спасает Нестан-Дареджан и рассказывает о ней Усену	199
41. Усен выдает Нестан-Дареджан царю морей	202
42. Повесть о пленении Нестан-Дареджан каджами, рассказанная Фатьмой Автандилу	209
43. Послание Фатьмы к Нестан-Дареджан	217
44. Послание Нестан-Дареджан к Фатьме	219
45. Послание Нестан-Дареджан к возлюбленному	221
46. Послание Автандила к Фридону	225
47. Отъезд Автандила из Гуланшаро и встреча его с Тариэлом	227
48. Отъезд витязей к Фридону	233
49. Совет витязей у крепости Каджети	236
50. Взятие Каджети и освобождение Нестан-Дареджан	239
51. Прибытие Тариэла к царю морей	242
52. Прибытие Тариэла в царство Фридоны	245
53. Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан, устроенная царем Нурадин-Фридоном	247
54. Тариэл возвращается к пещере и видит свои сокровища	251
55. Свадьба Автандила и Тинатин, устроенная царем арабов	259
56. Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан	263
Заклучение	266
Примечания	267
Словарь	275

Шота Руставели

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1977, 280 стр.

БЗ—41—44—1977

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *Э. Г. Игнатова*

Корректор *И. Г. Клейнер*

ИБ—1143

Сдано в набор 28/III 1977 г. Подписано к печати 23/VI 1977 г. М 11624. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 8³/₄+5 вкл. Усл. печ. л. 15,22. Уч.-изд. л. 12,45. Тираж 40 000 экз. Заказ № 421. Цена 1 р. 35 к.

Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.